

**ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
1914-1917 гг.**

T. 2

П. В. ЮРЬЕВ.

* * *

Старинный город русской славы,
Где бились, Руслан спасая, Львы, —
И пожнорусские Мстиславы
И братья сверной Москвы.
С золомою нальными и зелеными
Зовет их жертвенная кровь, —
В их приношениях священных
Была сыновия любовь.
Нам, умирая, гавычили
Они бороться до конца,
Хотя бы путь борца включали
Шипы первовога вълица.
Был дей: в распахнутом тумане
Вставала красная заря,
Как кровь запекшаяся в рапе
Морозным утром января, —
Зениты пожжены канделями
В несъном отблескъ штыков
Прошли несчетными рядами
Они в далекий Талергоф...

Торчит луна над небосклоном
Уходят в небо тополя
И зеленящим восходом
Появится русская земля:
Она дала благие всходы,
Сумгла крестный путь пройти
И в край прадедовской свободы
Поможет правнукам войти.

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австроійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 гг.

Выпускъ второй.

Терроръ въ Галичинѣ. Терроръ въ Буковинѣ. Отступки
печати. Терезиатъ, Гинцъ, Гнесъ и др. Баллетристика.

— ЛЬВОВЪ, 1925. —

Издание Талергофского Комитета.
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПІГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управлениемъ А. И. ЯСЬНОВА.

Наша дорогая Галичина. Смотри брате — и помни.

Описывая счастье народа, добрьи, свѣтлые минуты его жизни, изображая героические подвиги богатырей военного времени или мирного государственного строительства, или доторкаясь хотя бы только его литературы и культуры, — вы всегда найдете массу интересного материала, который переплетает собственными соображеніями наблюденіями изъ прошлаго, сумѣте представить глазамъ читателя въ менѣ или болѣ яркомъ свѣтѣ. Отъ тѣхъ изложеннаго вами материала повѣстъ теплотой, ибо вы въ свой трудъ кромѣ сухой истины вложили часть души своей, нѣкоторую долю поэзіи, присущую каждому человѣку. „Дѣла давно минувшихъ дней“ — которыя зарыты въ запавшихъ подъ бременемъ временіи родныхъ могилахъ, или которыя покрылись уже пылью въ хранилищахъ музеевъ, гдѣ они лежатъ вѣками, станутъ предъ вами живой картиной. Описывая героеvъ и оставшиеся послѣ нихъ памятники, или читая о ихъ дѣятельности, вы вторично переживаете то, что давно совершилось, о чёмъ лишился сказка повѣстуетъ, какъ о „преданіяхъ“ старины глубокой“. Все это объясняется, природой человѣческаго ума и сердца — человѣческой души. Вы переноситесь мысленно въ бывальщицу, безсознательно принимаете участіе въ возстановленіяхъ вами историческихъ событий, переживаете вмѣстѣ съ воскресшими героями ихъ радость и горе. Изучаемая вами старина подсказываетъ вамъ новые мысли; — изложенные вами мысли воспринимаются вашими читателями.

Попробуйте, въ свою очередь, передать словами постигшее народъ несчастье, горе, которое пришлось и вамъ лично перенести или быть его косвеннымъ свидѣтелемъ. Тутъ вы встрѣтитесь съ тяжелой задачей, которая окажется не подъ силу даже недюжинному уму. Какъ бы вы ни старались скрасить нагую правду, убазить впечатлѣній, — на дѣлѣ получатся одни лишь факты, отъ которыхъ всегда пахнетъ свѣжей кровью невинно замученныхъ жертвъ, заносить дымомъ сожженныхъ жилищъ, построенныхъ упорнымъ трудомъ многихъ поколій и исчезнувшихъ съ лица земли по беззаконію, несправимой ошибкѣ судей, по злобной ненависти инакомыслящихъ, у которыхъ забѣранные инстинкты выходятъ наружу съ особой яркостью во время войны. Мечтъ и пуга заступаютъ тогда законы. Культурный пріобрѣтенія духа, отличающій человѣка отъ авѣра, какъ по мановенію волшебной палочки, исчезаютъ или подавляются. На ихъ мѣсто выступаетъ забѣранный, кровожадный инстинктъ. Этотъ инстинктъ заражаетъ. Онъ передается толпѣ, а та уже вымѣщаетъ свою язбу за дѣйствительную или вообразаему обиду на противникахъ. Стоитъ улавливать пальцемъ на человѣка какъ на виновника, и толпа его растерзаетъ.

Въ напечатанномъ нами изданіи изображены именно такие безхитростные, но вмѣстѣ съ тѣмъ колоритныя факты, имѣвшіе мѣсто въ жизни галицко-русскаго народа съ 1914 года до развали Австроїї. Предѣстѣнникомъ воспоминаемыхъ ужасовъ былъ рядъ политическихъ процессовъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, начиная съ 80-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Обвиняемые русские люди оправдывались коронными судами за неимѣніемъ доказательствъ, ибо испогодывали культурного и национального единства галицко-русской вѣтви съ остальными русскими міромъ не подлежало наказанию по австроїскимъ законамъ. Какъ видимъ, почва къ обговариваемымъ событиямъ подготавливалась австроїскимъ правительствомъ заранѣ.

Въ Прикарпатскомъ Краѣ живутъ три племена: русское, польское и еврейское.

Каждое изъ нихъ пропитано разною культурой, характеромъ и особенностями. Евреи устраиваютъ свое благополучіе на экономическомъ порабощеніи ими поляковъ и русскихъ. Поляки, собственно ихъ духовенство и шляхта проникнуты культурными налегами западной Европы, стараются устроить благополучіе своего народа на счетъ закрѣпощенного ими еще въ средневѣковѣ части русского народа.

Галицко-русскій народъ несмотря на продолжительное подневольное пребываніе его подъ польскимъ и австроїскимъ владычествомъ благодаря своей стойкости, не потерялъ русско-восточного

облика и всегда относился съ предубѣждениемъ къ западнымъ за-воевателямъ. Онъ смотрѣлъ на западъ, какъ на культурнаго хиц-ника, стремящагося его сѣльѣ культурнымъ образомъ. Не по думѣ было галицко-русскому народу отдать западъ своимъ русскимъ культивирнымъ пріобрѣтенія и раствориться въ его стихіѣ. Онъ мечталъ о культурномъ вовседеніи съ близкайшимъ, роднымъ востокомъ и пѣлъ подъ надежду, что раныше или позже настанетъ пора, когда онъ освободится изъ подъ чуждаго ему владычества.

Сохраненіе русской души въ русскомъ населеніи Прикарпатской Руси объясняется еще и тѣмъ, что русское боярство очень скоро ополчилось, пропиталось западной культурой и совершенно денационализировалось, а тѣмъ самъмъ и подѣжало въ корыѣ довѣріе къ себѣ галицкаго простонародья и избавило его отъ нежелательного влиянія запада, стремившагося проникнуть въ русскую среду посредствомъ отшатнаго отъ народа высшаго сословія. Доказательствомъ сего служатъ разныя уніі, сущившіи галицко-русскому народу блага на землѣ и небесѣ, а между тѣмъ послужившіе только для вящаго его закрѣпощенія иноплеменнымъ влѣменту.

И русское населеніе Прикарпатья чувствовало эту чужую экспанзію. Оно послужило русскому миру службу вѣнѣчнаго пред-охраняющей оболочки, черезъ которую Западу необходимо было проникнуть въ русскую сердцевину. Уразумѣла это Австроїя, которая, считая Прикарпатие Ахиллесовой пятой русскаго народа, пошла на него приступомъ.

Послѣдній описываемый нами события изъ жизни галицко-русскаго народа являются завершеніемъ движенія западно-европейской культуры на русской Востокѣ.

Въ дни великой войны грянула на нашу голову громъ и попыкались удары за ударомъ. Ополчились тогда противъ насъ представители австроїской власти съ своими аничарами галицкими украинофилами. Всѣ враждѣ силы въ союзѣ съ украинофильствующей австроїской мірской и духовной іерархіей использовали войну для уничиженія галицко-русскаго населенія, исповѣдующаго свое единство съ остальными русскими народами.

Въ чёмъ обвиняли настъ? Въ измѣнѣ и предательствѣ. По ихъ мнѣнію исконное русское населеніе Галичины, не можетъ не чувствовать симпатіи къ своимъ закордоннымъ братьямъ.

Основываясь на этомъ мнѣніи, а не на содѣянныхъ преступленіяхъ противъ существующихъ законовъ, требующихъ положительныхъ фактівъ, — они искали лишь примѣръ русскости, и безъ разбора возвраста, пола и сословія воли на смерть тысячи галицко- и уго-русскаго народа. Разнузданность достигла крайнихъ предѣловъ. Австроїская власти не имѣя прямыхъ доказа-

зательствъ на которыхъ можно было опереться и судить законыъ порядкомъ русскій народъ Пиркарпатья и Закарпатья, пошла по примѣру среднєвѣковой инквизиції. Руководствуясь однѣмъ только подозрѣніемъ, Австрія наказывала жестоко за одни русскіи убѣжденія, воспринятыя русскими галичанами, боковинцами и угроссами отъ предковъ и передаваемыя отъ рода въ родъ — за духовное единство Руси, котораго не отрицаєтъ ни наука, ни австрійскіе императоры присоединившіе Галичину къ своей имперіи, за идею, которую разрѣшила исповѣдывать австрійская конституція, давшая всѣмъ націямъ на территоріи Австріи свободу культурного развитія и національного исповѣданія.

Въ Австріи — при наличии правового порядка, установленного народнымъ представительствомъ — царствовало во времена войны беззаконіе. Отвѣтственность за содѣянія въ Галичинѣ австрійства несетъ правительственный центръ, и поопѣрѣшіи его къ тому галицкимъ представителямъ украинофіи, задумавшіе по трупамъ своихъ кровныхъ братьевъ добиться при помощи вѣмѣцъ господства надъ малорусскимъ населеніемъ.

Повторяю, что Австрія подготовила почву къ уничтоженію галицко-русскаго народа давно. Во имя принципа Divide et impera, стала пропагандировать въ русскомъ народѣ идею национального отщепенства. Идея измѣнника Мазепы дала неожиданные для самыхъ вѣмѣцъ плоды. Нашлись среди галицко-русского населения люди, которые за юдины сребренники, получаемые отъ австрійскихъ властей въ видѣ жалованій, отреклись отъ русской народности и положили основаніе подъ "украинскій" народъ, разворачавшій русский народъ Галичины извращеніемъ исторіи. Съ помощью правительственныехъ пособій воспитались кадры галицкой молодежи въ слѣпой ненависти ко всему русскому. Такимъ образомъ за нѣсколько лѣтъ до войны габсбургскій тронъ располагалъ внутштительнымъ количествомъ мазепинской интеллигентіи, являющейся съ одной стороны рабской опорой династіи и сохранившей эти традиціи до сихъ поръ (Василь Вишневаный-Габсбургъ), съ другой стороны продолжавшей насаждать въ народѣ мысли зародившіеся въ умѣ Мазепы и его послѣдователей. Внутренная борьба съ мазепинцами была для насъ страшнѣе всего. Они съ помощью австрійскихъ властей вытѣсняли насъ систематически изъ одной культурной позиціи на другую. Рядъ русскихъ обществъ и институцій захватывали мазепинцы въ свои руки. Вѣбогатившия настѣнными трудомъ и имуществомъ, тѣмъ энергичнѣе ведутъ они свою пропаганду до настоящаго времени.

Въ мѣсяцъ послѣ объявленія мобилизаціи и воинственнаго воззванія дряхлого императора Франца Іосифа "Къ моимъ народамъ", посланного по всей Галичинѣ при сопроводительномъ

пастырскомъ архиерейскомъ посланіи — львовскій греко-католицкій митрополитъ Шептицкій разослалъ, независимо отъ первого, второе пастырское посланіе, въ которомъ взываетъ галицко-русскій народъ скватъ за оружіе. Война ведется ради настъ, ибо лютый врагъ царь московскій не смогъ стерѣть того, что мы въ австрійской державѣ имѣемъ свободу. Извѣстно хочеть настъ людей побудить къ измѣнѣ" — гласитъ посланіе.

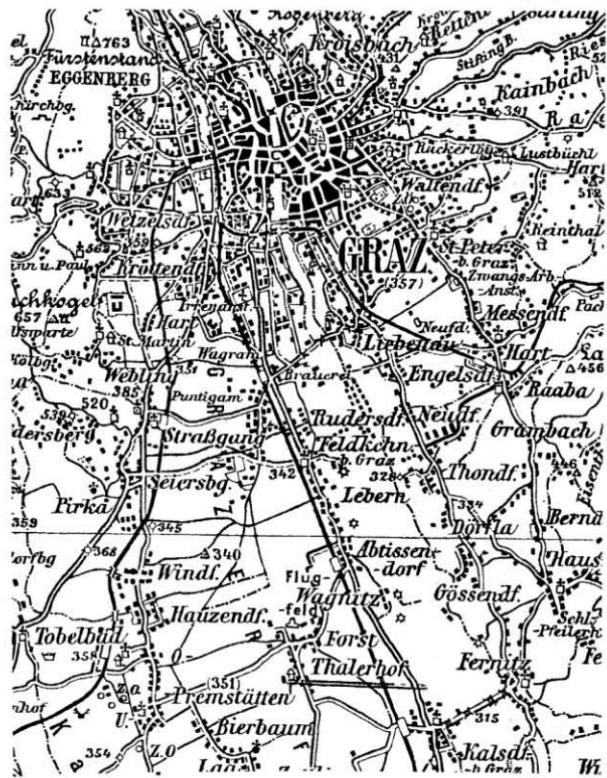
Въ то время, когда греко-кат. митрополитъ такъ писалъ, мадьяро-австрійцы вели этапный порядкомъ тысячи крестильни и сотни смященниковъ на смерть; и ни одного слова защиты для своей насты.

Годъ 1917. принесъ облегченіе. "Талергофъ" кончились. Одни оставались въ Талергофѣ "подъ соснами", другие потянули въ родную Галичину.

Въ 1918 г. развалилась Австрія; родилась Украина; но и она сошла скоро со сцены.

Галицко-русскій народъ медленно приходитъ къ себѣ. Начинаетъ возваставливать разрушенныя хижини, берется за мирный, созидательный, культурный трудъ.

А какъ быть съ недавнимъ прошлымъ? Должно ли оно быть забытымъ? Нѣтъ, это было бы преступленіемъ, болѣшимъ того, какое совершили враги. Пусты же кровь галицко-русскаго народа, его страданія, слезы женъ и дѣтей, вдовъ и сиротъ, пепелища его усадьбъ и селений будуть, хотя бы въ маленькой части занесены на страницы истории русскаго народа.

АВСТРИЯ
г. Грац и окрестности, где находится Талергоф (подчеркнуто).

Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ. (Пополненія къ I выпускѣ).

Бобрецкій уѣздъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій и бѣжать изъ Зaborиниши въ родной Бобрецкій уѣздъ. Тутъ я все таки былъ арестованъ 26 августа 1914, а на сълѣдующій день втонули въ камеру моего заключенія г. Зубрицкаго, представителя уѣзданого суда изъ Бобрѣкъ. Господинъ Зубрицкій весь дрожалъ отъ волненій, а на мой вопросъ, что послужило причиной его арестованій, отвѣтилъ едва слышно:

Собственно говоря, я и самъ не знаю. Немного спустя г. Зубрицкій придалъ себѣ право сказать, что какіе то неизвестные ему создали хотѣли у него расквартироваться. Когда же онъ запротестовалъ и пытаться искъ къ себѣ на квартиру, явился къ нему жандармъ, вышѣший до того въ его распоряженіи въ качествѣ исполнительного органа мѣстнаго суда, и безъ предъявленія какихъ

либо распоряженій властей, во-преки существующему правопорядку, обвинилъ ему обѣ его арестѣ.

—Вѣтъ почему, продолжалъ предсѣдатель суда, я никакъ не могу понять, что такое сейчасъ происходитъ, и къ чему припредѣтъ этотъ военно-административный произволъ. А вѣдь разбиралась внимательно въ происходящемъ приходили къ заключенію, что есть кто то, кто всѣмъ этимъ руководить — закончилъ судья Зубрицкій.

Утромъ въ день Успенія Пр. Богородицы приказано намъ готовиться къ пургѣстю. Въ камеру вышли жандармы, тѣ самыи, который арестовалъ судью Зубрицкаго и давъ ему теперь пощечину вѣльзъ выходить на улицу. Суды пытались протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій бывшего своего подчиненнаго, а въ ответъ на свой протестъ получили

вторую пощечину уже от конвойного солдата.

На вокзалѣ въ Бобркѣ мы погрузились въ вагоны и приѣхали во Львовъ были распределены по разнымъ тирмаль и изъ потерять г. Зубрицкаго изъ виду. Позже уже въ Талергофѣ и часто видѣть судью Зубрицкаго въ компаний крестьянъ за чисткой картофеля для об-

щаго арестанского котла. Судья Зубрицкій не долго оставался въ Талергофѣ. Онъ былъ освобожденъ послѣ допроса и разбора его дѣла, а вернувшись домой въ Галичину скоро умеръ отъ перенесенныхъ болѣй не дождавшись развода взысканной Австриѣ.

спиц. Александръ Юл. Ильевич.

Борщевский уѣздъ.

Въ І части Альманаха, въ доносѣ изъ Волковець, нашлись неточности или сбѣдѣй, не вполнѣ согласныя съ тамъ описанными дѣйствительными событиями. О б. п. синц. Іоаннѣ Смольномъ написано будто бы онъ „стумѣль оправдатися и быть отпущенъ на свободу“, между тѣмъ дѣло представляется слѣдующимъ образомъ:

Обыски и арестованіи въ с. Шановцахъ произошли раньше другихъ селъ, ибо уже 5 и 6 августа 1914 г. синц. І. Смольный и писарь Василий Максимовъ были доставлены въ Борщевъ, а позадомъ Григорій Гладилко попалъ прямо въ Чортковскую тюрьму. Кромѣ арестованныхъ большой о. Іоаннѣ былъ сопровождаемъ двумя его дочерьми Еленой и Ярославой, рѣшившими не оставлять болѣгого отца безъ опеки.

Борщевскій уѣздный староста объявилъ арестованнымъ, что имъ получено свыше распоряженіе арестовать всѣхъ организаторовъ и общественныхъ дѣятелей русскаго движения въ Галичинѣ. Староста былъ недоволенъ прибытіемъ дочерей о. Іоанна. Не имѣя приказа арестоватьѣи, онъ распорядился помѣстить ихъ пока съ болѣгымъ отцемъ въ частной квартирѣ подъ жандармскимъ наблюденіемъ. Такъ какъ продвиженіе

российскихъ войскъ послѣдовало неожиданно, растерянійская австрійская власти неусыпно эвакуировать арестованныхъ изъ частной квартиры. Такъ же оставили неотступные австрійцы арестованныхъ въ Чортковской тюрьмѣ и Львовскихъ Бригадахъ. Что о. Смольный не „оправдалася“ передъ австрійскими властями, видно хотя бы изъ того, что онъ возвратился въ Паненцы только въ началѣ октября т. е. дѣй недѣль послѣ приѣтія русскихъ войскъ въ Борщевъ, а то въ Паненцы и надѣлъ Дѣбрѣтромъ еще дѣй нефтѣй послѣ отступленія австрійскихъ войскъ шнырилъ австрійскій жандармъ, арестовывалъ югою пошло и уводилъ черезъ рѣку въ Венгрію. Такъ сѣвались съ освобожденными русскими войсками изъ Чортковской тюрьмы Григоріемъ Гладилцемъ. Возвращавшагося ночью домой съ радостными извѣстіями „что русские мени освободили“, утромъ австрійцы сняли арестовали и выслали въ Венгрію въ Арадъ. Кромѣ упомянутыхъ было еще арестовано крест. Гудзь изъ Пановець и помѣщикъ Ів. Ал. Жаровскій изъ Дзвоничка. Послѣднему не могло уѣздное начальство забыть его прогулки въ Каменець-Подольскъ, состоявшейся въ общество друзей и знакомыхъ въ 1913 г.

Послѣ возвращенія австрійцевъ въ 1917 г. вновьдѣли по доносу мѣстныхъ маєспинцевъ обласки и приданіи къ русскимъ людямъ и покойный наѣгъ отецъ

Іоаннъ былъ выселенъ съ семьей въ Городенскій уѣздъ.

Марья Смолина-Рудко.

Бродскій уѣздъ.

г. Броды. Въ концѣ июля 1914 г. прѣѣхалъ изъ Львова въ г. Броды, близъ бывшей австро-русскої границы комиссаръ полиціи Хоральтъ, извѣстный нашему обществу изъ политического процесса о.о. Сандовича и Гудими и, распредѣливъ роиѣ бродскій поліціи, нагрянувъ съ обсыпкой въ Читальную, Русскую Кассу и также къ г. г. Ст. Ів., Носевичу, Луѣк Н. Тemeху, Николаю Д. Кушнѣту, Ивану Гр. Сѣрко, и къ пишущемъ эти строки, т. е. Андрею Гр. Поницкому. Пріѣхавъ изъ города домой, я уже засталъ у себя непрошеныхъ гостей, а посты провинденіе ревизіи приказано миѣгъ явится въ поліцію. Тутъ же находились г.г. Носевичъ и Тemeхъ. Послѣ допроса и списаній протокола, Носевича и Тemeхъ отправили во Львогъ, а я вернулся на этотъ разъ домой съ ключами Р. Кассы, переданными миѣгъ г.г. Носевичемъ. Проходя мимо Прагскаго Банка встрѣтился и съ четырьма мѣстными украинофилами: чиновникомъ Сек. Левицкимъ и сыновицами А. Софионовскими, Сев. Гѣльбовицкимъ и Фенчикскимъ. Высказанное вслухъ этими господами удивило, что я до сихъ порѣ не въ рѣшеткѣ убѣдило меня окончательно, что раньше или позднѣе меня постигнетъ участъ г. Тemeхъ и г. Носевича. Спокойнѣйшимъ образомъ прошѣтъ и мимо достойной компаний дѣланъ видъ, что даже ихъ не замѣчали, а уже 2 августа и былъ арестованъ и вместе съ Иваномъ Гр. Сѣрко въ цѣнѣкѣ отправленъ во Львовъ. Насъ помѣстили

въ полицѣйскихъ арестахъ при ул. Яховича въ небольшой камерѣ, въ которой въ теченіе двухъ дней собрались 17 человѣкъ. Изъ знакомыхъ помни г.г. Ив. Пашкевичъ, Ю. Кисиленскаго и Дрыгинича.

Такъ продержали настѣ 26 дней въ невозможнѣйшихъ и неподлежащихъ описаніи санитарныхъ условіяхъ, а 27 августа въ 3 часа утра мы были присоединены къ общему транспорту въ составѣ около 1000 человѣкъ и отправлены въ глубь Австрии. Но пути на поѣзда, искаженнѣя гражданинъ изъ порнѣи патріотическими чунтиками съ бранью замахнулись на сплющенника Скоробогатого, нашего топарища недоля, съ цѣлью настѣ ему удары. Тогда одинъ изъ конвойныхъ побѣгъ заинтинающаго пахала за широкорѣтъ присоединеніе его къ настѣ транспорту и при несмотря на сдѣлы и оправданіи былъ отправленъ вѣтѣкъ съ нами.

Моя жена осталась послѣ моего ареста дома, но не долго. Послѣ иступленія передополъ русскихъ отрядъ изъ Броды и скораго ихъ отступленія была арестована также и моя жена, а затѣмъ и ея мать, понесшіи своей дочери въ тюрьму лицу. Когда же русскій поїзда вторично приближалась къ Бродамъ, погнали ихъ пѣшкомъ съ сосѣдомъ Козьмою Крижановскими въ Золочевъ, а отсюда по железнѣй дорогѣ по Львогъ. У соѣда К. Крижановскаго была найдена при ревизіи послѣ отступленія русскихъ передополъ частей солдатской су-

мочки съ россійской махоркой. Жена сидѣла по Львову въ обществѣ 350 человѣкъ въ арестахъ по ул. Баторія. Австрійцы не успѣли ихъ во время эвакуировать и послѣ занятія Львова русскими войсками женѣ вернулась благополучно домой, а позѣ 1915 г. при наступленіи австрійцевъ спаслась въ Россию.

Въ общемъ въ Бродахъ и двухъ бродскихъ предмѣстыхъ, Малыхъ и Великихъ Фольваркахъ, были арестованы въ 1914 г. сгдѣдующи лица:

1. Андрей Гр. Поплицукъ,
2. Марія Р. Поплицукъ,
3. Ирина Ал. Кучерина,
4. Николай Желехъ,
5. Козьма Крижановскій,
6. Лука Д. Сѣрко,
7. Григорій Сѣрко,
8. Иван Гр. Сѣрко,
9. Марія Бойчукъ,
10. Елена Бойчукъ,
11. Василий Шустъ,
12. Игнатій Дауба,
13. Иванъ Каравай,
14. Лука Каравай,
15. Марія Каравай,
16. Анна Каравай,
17. Петръ Дауба,
18. Данило Горницкий,
19. Н. Горницкая,
20. Лука Темехъ,
21. Лука Бойчукъ,
22. Василий Ивасюкъ;
23. Семенъ Бобко,
24. Павель Огіїнникъ,
25. Марія Огіїнникъ,
26. Семенъ Огіїнникъ,
27. Димитрій Зен. Плісъ,
28. Іванъ Як. Лысайко
29. Семенъ Гладунъ,
30. Павель Гладунъ,
31. Ольга Гладунъ,
32. Екатерина Гладунъ,
33. Ярославъ Гладунъ,
34. Андрей Гладунъ,
35. Марія Ив. Шишоль,
36. Марія Вас. Бойко,
37. Марія Ник. Бойко,
38. Марія Темехъ,
39. Іванъ Чорний,
40. Лука Ник. Темехъ,
41. Степанъ Ив. Носевичъ,
42. Іванъ Мих. Дребичъ,
43. Софія Оом. Лиль,
44. Василій Р. Ваврыкъ
45. Марія Філ. Дребичъ,
46. Юліанъ Кустиновичъ,
47. Н. Шпакъ,
48. свящн. Мартинъ Як. Балюта,
49. Андрей Васильевъ, Высоцко,
50. Данило Ів. Сидорикъ,
51. Семенъ Ал. Boehcho,
52. Н. Синистюновичъ, Поповцы,
53. свящн. Юстинъ Сухаровскій, Залоготы,
54. Н. Бендаревскій, с. Берлинъ,
55. Іосафатъ Якимовичъ, с. Беринъ,
56. свящн. Ігнатій Ф. Гудимъ, Дауковицы,
57. Филиппъ Гудимъ, Дауковицы,
58. Іванъ Придiba, Буратинъ,
59. Іванъ Чорнобай, Буратинъ,
60. Чижъ, Черница.

Кромѣ поименованныхъ было арестовано еще нѣсколько человѣкъ, къ сожалѣнію ихъ фамилии установить мнѣ не удалось.

Андрей Гр. Поплицукъ.

Горлицкій уѣздъ.

с. Мацинѣ вел. Австрійскія войска орда въ завоеванной странѣ. Не давали вели себя на Лемківщинѣ, какъ дикая

с. Мацинѣ вел. въ половинѣ минувшаго декабря солдаты расположились въ мѣстной церкви. Тамъ сидали свои лошади, а за престоломъ устроили отхожее мѣсто. Однажды, отпѣвъ у мѣ-

стного крестьянина свинью, они закололи ее тут же въ церкви и повѣсили ее на крестъ, употребляемому во время крестныхъ ходовъ, для справления.

„Прик. Русь“ 1915 г. № 1548.

Золочевскій уѣздъ.

с. Бортновъ. Въ селѣ Бортновѣ, еще до начала войны, 3 августа 1914 г. были арестованы прежде всего все крестьяне, состоящие членами правленія мѣстной читальни О-ва им. М. Качковскаго, а именно:

- 1) псаломщикъ Іванъ Сабрига;
- 2) вслугъ „Русской Дружинѣ“ Іванъ Балуничъ, умеръ въ Талергофѣ;
- 3) Василій Пивоваръ;
- 4) часовщикъ Григорій Регета;
- 5) Степанъ Фурда, умеръ въ Талергофѣ;
- а нѣсколько дней спустя также рѣдь другихъ русскихъ крестьянъ:
- 6) Никита Орицишинъ,
- 7) Василій Орицишинъ,
- 8) Іванъ Маркеничъ,
- 9) Іванъ Котъ,
- 10) Павелъ Кухарь,
- 11) Михаїлъ Чуприй,
- 12) Григорій Котъ,
- 13) Василій Коханъ,
- 14) Василій Хамуза, умеръ въ Талергофѣ,
- 15) Марія Хмѣль, умерла въ Талергофѣ.

Всѣ они были закованы въ кандалы, при чемъ ихъ заковывали молотомъ, нарочно до того небрежно, что почти у всѣхъ руки оказались спораненными.

Арестованные были отправлены подъ конвоемъ въ г. Золочевъ, где сперва разбили Ив. Маркеничу камнемъ голову, такъ что онъ лишился чувствъ. Панну

Хукху толпа оборвала бороду, жандармы же начали имъ шашами этихъ бечевництвъ.

Крестьянинъ Василій Хамуза, членъ правленія мѣстной русской читальни арестованы и увезли отдельно на жел.-дор. вокзалъ, чтобы вѣтъ отправить его въ Золочевъ. На вокзалѣ начали на него „украинца“ изъ Краснаго и избили колющими, изранывали его изъ груди, руки, спину и изорвали на немъ одежду.

Большинство этихъ крестьянъ были арестованы по доносу мѣстного еврея Рейсберга. Другіе изъ арестованныхъ въ Бортновѣ были указаны жандармами, какъ „опасные русофильи“, „украинцы“ изъ Краснаго и Фирсовскаго, въ частности двумъ „украинскимъ“ агитаторамъ изъ Краснаго, братьямъ Дѣткуланы, которые вообще были довѣренными лицами и освѣдомленителями жандармовъ.

За три дн. до занятія русскими войсками с. Бортнова, сюда вошли ма-дарики посыпавъ легионеры. Капитанъ попытался окружить приходской домъ солдатами, самъ же вошелъ внутрь, выкрикивая, что онъ имѣетъ приказъ арестовать священника. Когда же на встрѣчу ему вышелъ 80-лѣтій немощный старикъ, свящн. Феофілій Дѣткуланъ, капитанъ смутился и, приказавъ только проинвести общѣкъ, ушелъ, оставивъ старика въ покое.

Тотъ-же капитанъ приказалъ солдатамъ снять колокола съ колокольни и отпѣтить языки, угрожая растрѣбывать каждого, кто посмѣетъ звонить.

Въ день отступления австрійскихъ войскъ изъ Бортнова были еще арестованы два крестьянина — Николай Орицишинъ и Александръ Синюцкий.

Солдаты синаянъ имъ руки взяли ихъ съ собой. Наконецъ посыдѣніе австрійские отряды арестовали воята Ивана Магеру, но такъ какъ, уже некогда было расправиться съ нимъ, то заперли его въ громадномъ домѣ. Его освободили оттуда вступившій въ село передовымъ русскимъ стражи.

Арестованныхъ въ 1914 г. бортновскихъ крестьянъ конвоированы въ Золочевъ жандармы подъ командой пѣхотного Ингерсага. Передъ входомъ въ Золочевъ посыдѣній приказалъ арестованннымъ сойти съ подицѣ и идти медленно пѣшикомъ, сообщивъ предварительно толпѣ, что они ведутъ „шлюповъ“.

Поопрененная и разыренная этимъ сообщеніемъ гордеская толпа стала избивать несчастныхъ чѣмъ попало и куда попало. Та же самая бойня повторилась въ оградѣ тюрмы. На слѣдующий день въ 8 ч. утра арестованые были закованы въ кандалы и отправлены во Львовъ.

Золочевский уѣздъ. (По сообщению Теодора Андрухова).

г. Золочевъ. Ещѣ въ 1914 г. въ первыхъ дниахъ августа былъ арестованъ въ Золочевѣ Теодоръ Яхончичъ и вымѣстъ съ многими пасланы въ Терезиенштадтъ. Затѣмъ по истечениѣ югтогораго премени былъ онъ переведенъ въ концентраціонный лагерь въ Тамергофѣ. Постъ пережитыхъ вонений, болѣй, и разстроенный вернулся въ 1917 году домой, гдѣ и умеръ послѣ развали Аустрии.

Въ с. Жашковѣ того же уѣзда былъ арестованъ Григорій С. Зубинскій.

Анна Длеховичъ,

Путь съ главнаго вокзала въ военную тюрму во Львовѣ былъ для настъ тоже настоящимъ крестильнымъ ходомъ. Многіе отъ побоевъ и оскорблений едва держались на ногахъ.

У входа въ военную тюрму увидѣть настъ ткремный надзиратель по національности чехъ, и приказать снять немедленно цѣпы съ нашихъ рукъ.

31 августа мы были посажены въ вагоны, а 4 сентябрѣ приѣхали въ Тамергофъ.

Иванъ Сабрига.

Въ с. Вел. Ольшаницѣ были арестованы 23 крестьянина, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ.

Въ с. Синиловѣ были арестованы 9 крестьянина, въ томъ числѣ одна женщина. По словамъ жителя того же села Петра Сукача, служившаго пѣ въ австрійской арміи и попавшаго въ русский тигъ, австрійцы повѣсили 12 крестьянъ въ м. Яричевѣ.

(„Прик. Русъ“ 1914 г. № 144).

с. Переяловачка. 13 августа 1914 г. явился въ с. Переяловачкой комендантъ жандармской станции въ Соколовѣ Чузы съ 3 солдатами и послѣ короткаго согѣдѣній съ тогданишнимъ сельскимъ старостомъ Петромъ Иваховымъ пошли на ревизію въ домъ сельскаго писаря Теодора Андрухова. Послѣ ревизіи подвергли Андрухова и его сына Михаила, гимназиста 8-го класса, допросу поставивъ имъ рядъ вопросовъ, въ родѣ — чѣмъ оба занимаются въ свободное время, какіи газеты читаютъ, въ частности на какомъ языке и какимъ право-

писаніемъ (казеннѣ ли фонетики или же этиологическими) ведутъ Андруховъ переписку съ властями. Получивъ отъ Андруховыхъ развязеніе, что они дѣлаются все, что разрешено законами, жандармъ оставилъ обоихъ подъ карауломъ пока дома приказывалъ имъ собираться къ отѣзгу въ Олеско къ судебному допросу, а самъ съ солдатами зашелъ въ домъ Андрея Рудко, 70-летнаго старика. Послѣ тщательного обыска не найдя ничего подозрительного, жандармъ арестовалъ Рудко съ женой Екатериной не разрывши имъ запастись необходимымъ пропитаніемъ и переодѣлся на дорогу.

Предлогомъ къ самочинному обыску и арестованіямъ произведенному жандармскимъ комендантамъ, какъ поедѣле выяснилось, былъ недостойный доносъ со стороны „regierungspartei“ цѣлъ тѣ. мѣстныхъ „украинцевъ“ чаявшихъ такимъ образомъ возвѣдать „самостійную Україну“.

Присоединивъ такимъ же манеромъ къ арестованнѣмъ еще Ивана Ф. Ивахона, комендантъ обсыпалъ у всѣхъ карманы и отобрая у нихъ деньги вѣльзъ садиться въ поданный подъиомъ. Каково же было удивленіе арестованнѣхъ, когда подиомъ вымѣстоѣ хѣдъ въ Олеско свернули на путь въ Золочевъ, а спрошенній жандармъ отвѣтилъ, что всѣ команда наѣздили перебраться уже въ Іѣлый Каменъ, значить туда и сѣдуется имъ єхать. Послѣ прїѣзда въ это мѣстечко жандармъ передалъ сопровождаемыхъ жандармской смѣнѣ. Тутъ арестованые сѣдались предметомъ надзуринъ собравшейся толпы, ревѣящеи неистово :

— повѣсить, растрѣлять измѣнника.

Въ Золочевъ прѣѣхали въ 11 ч. ночи. Въ уѣздномъ старостиѣ не было уже ни живой души, начальство вѣдь заблаговременно скѣжало. Въ виду этого арестованнѣхъ заперли въ тюрьмѣ, помѣщавшихъ въ старинномъ замкѣ. Тамъ провѣржали двое сутокъ. Собрать въ тюрьму около 150 человѣкъ, „измѣнниковъ“ тюремная администрація распорядилась отправить ихъ подъ конвоемъ на вокзалъ. Тутъ пошло блѣднѣти отъ чѣмъ-то. Родственники, отъ желѣзодорожной прислуги, не возвращались отъ оскорблений по адресу арестованнѣхъ даже интеллигентные казалось представители арміи. Какой то капитанъ артиллерии увиѣзъ младшаго Андрухова въ гимназической формѣ набросилъ на него съ руганью и съ подиомъ руки. И только движение толпы напришней сади и не-произвольно оттолкнувшее разыреннаго капитана спасло гимназиста отъ вѣрныхъ побоевъ. Офицеръ приказалъ жандарму обратить особое вниманіе на гимназиста.

Мазепинецъ жандармъ по фамиліи Щуръ поопрененный офицеромъ, съ наглымъ взоромъ не замѣдлилъ ступить гимназисту цѣлымъ країкомъ руки. Уже въ вагонѣ по пути изъ Золочева во Львовъ старикъ Андруховъ просилъ жандарма освободить неміногъ сыну руки. Но тутъ иѣ отвѣтилъ, увидѣвъ между арестованнѣми еще одного гимназиста Н. Мандибура изъ Соколовки, обратился къ нему въ офицерскомъ языке (на польскомъ):

— иди сюда, твой коллега говорить, что ему въ цѣлыхъ скучно, въ мѣстѣ будешь вѣтъ веселѣ.

Во Львовѣ на вокзалѣ построили всѣхъ въ шеренги, а скованнѣхъ гимназистовъ жандармъ — провокаторъ умышленно выдвинулъ впередъ. Это во-

Зимою свое действие. Городская толпа жаждвшая зрелищ и теперь ежедневно собирающаяся кругом вокзала встретила эшелон неистовых криком и угрозами, готовая арестованных растерзать на мсту. Не смотря на присутствие наспехенной конной и пешей полиции вооруженныхных солдат бросала камнями, бревнами, тошала и била. Больше всего досталось закованным гимназистам, покойному судье Михаилануссу, которому подбили глаза и разбили голову. Такъ прошли они черезъ городъ на улицу Батория, а когда тамъ не оказалось свободныхъ мѣстъ, арестованные были размѣщены въ Бригадахъ.

Въ мирное время культурная на первый взглядъ львовская публика, превратилась въ началь войны въ парашоты, въ дикихъ лѣбре, потеряла свой членитический обликъ. А вѣдь каждый изъ жителей Львова считаетъ себѣ европеемъ. А русскій народъ въ Галичинѣ страдалъ и кровью истекалъ отъ моральныхъ и физическихъ ранъ напоминая ему этой страшной „евроной“.

Во дворъ въ Бригадахъ стояли готовы нѣсколько вѣнницъ, ежедневно скрывающие подъ тижестью повѣшеннныхъ не-

умѣлою рукою жандарма или солдата, неимѣющихъ жертву. Трудно было смотрѣть изъ камеры въ окно на странное зрѣлище. А вѣдь до ушей заключенныхъ долетала синяя смѣхъ должностныхъ лицъ высокопоставленныхъ арестованныхъ на тотъ свѣтъ.

Нѣсколько дней спустя началось новое движение. Это перевозили арестованныхъ изъ Бригадокъ на вокзалъ. Надѣро власти распорядились сдѣлать снаружи на нагонахъ соответствующую надпись, ибо не смотря на полное закрытие вагоновъ на каждой станціи и подстанціи толпа встрѣчала транспортъ громкими „распин“.

И вдругъ какъ по мановенію золотой плаочки крики замокши, наступила тишина. Ссыльные узнали отъ конвоя, что пѣдѣтъ перешагнула границу и остановился въ предѣлахъ Моравіи.

Сочувственное - радушиное встрѣча оказалась транспорту неистовыхъ чешскими населеніемъ вселила въ ссыльныхъ вѣру, что есть угошки на земѣ, где торжествуетъ право и правда, где живетъ культурный народъ.

Иванъ Рудко.

Добромильскій уѣздъ.

С. Работицій Посадъ. Послѣ закрытия всѣхъ русскихъ институтовъ и издательствъ въ августѣ 1914 года, я, не получая русской газеты изъ Львова, а интересуясь политическими событиями, ходилъ иногда въ близъ лежащее мѣстечко Работица къ врачу Гурскому читать газету. Однажды на обратномъ пути встрѣтившись съ жандармомъ Рудовскимъ, весьма сопѣтствиымъ и честнымъ человекомъ (бывшій крукъ

между жандармами — поляками) рассказалъ ему о французской побѣдѣ надъ немцами надъ Марной. Жандармъ предупредилъ менѣ, что въ настоящее время надо быть осторожнымъ, что моль можна невинно пострадать за каждое неосторожное слово. — „Dziisiaj nikt nie repusz wci gie nie wezigna“.

Видно, что нибудь да знали жандармы, только неловко было ему распространяться передъ хорошимъ сво-

имъ знакомымъ. Я конечно взялъ по вниманию его соображеній и чутинку инстинктомъ, что этой рокѣ виситъ надъ всѣми русскими галичанами, весь ушёлъ въ себя и въ исполненіе своихъ связническихъ обязанностей.

Въ первыхъ днихъ всебоющей мобилизациіи отправился я съ списками своихъ прихожанъ въ сельское правленіе. Тутъ составлялись и проѣзжали списки подлежащихъ воинской повинности. Сельское правленіе было уже въ сборѣ, также присутствовали два жандармскихъ маковини. Когда послѣдніе удалились въ село, я случайно замѣтилъ лежащую на полу бумагу. Поднявъ ее, я понялъ, что она содержитъ помѣщика. Бумагу потерялъ жандармъ. Было это отношеніе жандармскаго управлѣнія, въ которомъ сообщалось изъ Вены, что 1) за арестованіе всякаго неблагонадежного интеллигента назначается правительствомъ награда въ 50 коронъ; 2) арестованіе подозрѣваемаго крестьянина награждается суммой 8 коронъ; и 3) за саботажъ, шпионажъ, въ частности поврежденіе телеграфной и телефонной сѣти полагается строжайшее наказаніе, лицамъ же склонившимъ преступника или указавшимъ его выдается вознагражденіе въ суммѣ 200 коронъ.

Мѣрѣ стала ясной причина массового арестовъ. Вѣдь темы личности, желающіе выручить гропъ хотя бы цѣной жизни своего близкаго, находятся всегда въ изобилии. Распоряженіе правительства было понято жандармами и ихъ агентами какъ средство наживы — благо моментъ такой подошелъ, не стѣдѣтъ выпускать его изъ рукъ.

Заходилъ въ то время къ моему сыну коррепентъ гимназистъ Михаилъ Хроновичъ. Молодой человѣкъ, хотя по убѣждѣніямъ своимъ быть ярымъ украинофиломъ, однако душа и совѣтъ

его была неискоречена. Какъ то заходить ко мнѣ въ кабинетъ, весь взволнованный и возмущенный. На вопросъ, что съ нимъ случилось, отвѣтѣлъ:

— „Сейчасъ я былъ въ Рыботицахъ, где поистребившийся мнѣ знакомый жандармъ предложилъ мнѣ отправиться въ сосѣдній русскій селеніи и заняться сѣльской русскихъ людей, въ частности интеллигентіи, общимъ постоянное мѣсячное познандроженіе и особое за всѣхъ донесъ“.

Гимназистъ отклонилъ съ отвращениемъ предложеніе жандарма, а чтобы не подвергнуться мести, поступилъ охотникомъ на военную службу.

Примѣромъ кровавой неразберихи, господствовавшей во времена войны въ Галичинѣ, можетъ также послужить маленькое происшествіе съ сельскимъ старостомъ въ Рыботѣ. Постадъ Домъ его стоялъ за селомъ, а бендерово проходившая австрійскій войскъ постоянно требовали старосту для разныхъ спровокъ, для дачи квартиръ, подводъ и т. д. Чтобы упростить дѣло, сельскій староста примишь со своей канцеляріей т. е. съ кипой бумагъ на волнистомъ воздухѣ въ мѣстѣ, где скрещивались дороги. Надолго мадырскіе жандармы и увидѣвъ мужика, лежащаго съ бумагами чѣрвомъ на травѣ, сѣились же его арестовали и раздѣлили съ цѣлью побѣсить въ недалекой церковной оградѣ. Счастіе хотѣло, что въ тотъ же моментъ надѣбѣхъ галопомъ мадырскій офицеръ, утекающій съ отрядомъ кавалеристовъ. Офицеръ скинулся спереди у жандармовъ, а затѣмъ заговорилъ къ полужиному старостѣ на „русско-польскомъ“ языке. Такъ опредѣлилъ староста парѣнѣ на кото-ромъ заговорилъ къ нему офицеръ, бывшій по національности по всей вѣрності словакомъ. Офицеръ приказалъ

освободить крестьянина, а когда жандармы удалились посоветовать ему спрятаться и совсем не показываться никому на глаза.

Вскрой и я был арестованъ. Въ перемышльскую тюрьму препровождали меня среди обычныхъ надругательствъ вымѣстъ съ гг. Нездрапой, Заслоцкимъ, свящн. Гукеничевъ, дрому Ильинскимъ и множествомъ другихъ. Въ трехъ то-

вариныхъ вагонахъ было 200 человѣкъ, въ томъ числѣ изъконо российско-подданныхъ изъ Красиника. Не смотря на усиленную просбу начальника конвой дать еще одинъ вагонъ, чиновникъ тяжъ, полкъ, грубо отказать въ просьбѣ, поклевавъ намъ „передохнуть“ по пути въ Градецъ.

свящн. Мирославъ Лисликъ.

Жидачинскій уѣздъ.

Транспортъ изъ Стрыя въ Бадовичи. Какъ всѣ трагедии, такъ и Талергофъ имѣетъ свое предисловіе. Во времена посыднаго, передъ европейской войной, всѣданія австрійской delegaciї въ Будапештѣ обратили мавесинскій депутатъ Кость Левицкій, подданный „украинскій“ министръ при Петрушевичѣ, въ ихъ привнесшій повинную поддакамъ и организующій въ Галичинѣ правительственную партію среди кореннаго населения, къ австрійскому военному министру Кробатину съ запросомъ, знаетъ ли онъ, что въ Галичинѣ рождается „rollenden Rubeln“ и что на счетъ Россіи содерживаются въ Галичинѣ бурсы, которыхъ воспитанники по окончаніи гимназіи получаютъ офицерскую степень? Можна ли положаться на случай войны съ Россіей на тогородѣ людѣ? Какіе предохранительные мѣры намѣряетъ предпринять министръ, чтобы цѣнности австрійской имперіи не пострадали?

Кробатинъ обѣщалъ сдѣлать все возможное и отъ него зависящее. Сейчасъ было изданъ приказъ по арміи, что не пскай конничий среднее учебное заведеніе можетъ быть допущено къ офицерской степени! Но армія пошлю разъясненіе, что въ Галичинѣ имѣются „руссофили“, съ которыми сдѣлутъ

обращающаю какъ съ измѣнниками, Мавесинцемъ Барономъ Василько постянно обращаетъ вниманіе должностныхъ круговъ на опасность, угрожающую государству со стороны „руссофиловъ“ и ничуть не смущаясь наскокомъ правителѣства при преисадованіи русскихъ галичанъ: „rascken sie doch eismal die Spitzten an“. Немедленно послѣ этого опустились въ тюрьму Бендашкій, Гудима, Сандовичъ и Коцда. Австрійскіе офицеры получили даже карты, на которыхъ были обозначены русскіе деревни специальными знаками.

Во время войны мадьяры примѣнили эти инструкции министра Кробатина при выѣздахъ съ галичинскими музыками спрашивая ихъ: „ты руссъ?“, а получивъ отвѣтъ: „я руссингъ“, таинскихъ на мѣстѣ убивали. Единственно благодаря гиуснымъ доносамъ мавесинскихъ вождей стѣсноты парламентской трибуны, какъ то Кость Левицкий, фонъ Василько и др., а также мѣстнойпольской администраціи, горѣщей на ранѣи съ мавесинцами склонъ ненавистью къ русскому миру, падо столько неповинныхъ жертвъ. (Даничинъ насчитываетъ ихъ 60 тысячъ ченовикъ). Доносчики готовили висѣлицы для передовыхъ людей (Spitzen) — но вышло иначе. Передовые люди попали въ Талергофъ, откуда мно-

гіе все таки вернулись домой, а на мѣстахъ расправились дикая мадьярская орда съ сѣрой крестьянской массой.

И въ Талергофѣ Кость Левицкій не оставилъ свою жертву безъ вниманія. Сюда демонстрируетъ отъ своего ваты д-ра Ганкевича, который въ качествѣ члена лагерной комиссіи имѣлъ должностную „опеку надъ ненавистными московитами“.

Кровавые годы 1914 — 1917 предсказывали передъ войной покойный депутатъ Вас. Давидякъ, сообщавшись съ депутатомъ свящн. Стояномъ. Послѣдній же былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ убитымъ наставникомъ Фердинандомъ.

Въ Конопиши, резиденцію Фердинанда было переведено Гл. Упр. Воен. Шт. Въ его составѣ организовано особое отдѣленіе вѣдомаго украинофаильской пропагандой въ Галичинѣ и Россіи и всѣми дѣлами, связанными съ этимъ вопросомъ. Посты гланкнеровъ заняли въ этомъ отдѣленіи Кость Левицкій и фонъ Василько готовы гибель русскому народу въ Галичинѣ. Подобные организации были въ каждомъ уѣзда, где мавесинцы въ качествѣ Leibgarde-истовъ при уѣздахъ начальникахъ вели точные указатели будущихъ жертвъ проскирій. Съ объявлениемъ мобилизациіи и военного положенія, попали аресты усмотренныхъ жертвъ. Въ некоторыхъ уѣздахъ болѣе сознательные у. начальники не могли своимъ авторитетомъ пристановить арестовать невинныхъ людей, за которыхъ сами могли поручиться. Если, данное лицо не принадлежало къ Regierungspartei т. е. къ мавесинской фракціи, тогда Leibgarde была всесильной и безконтрольной въ своихъ произволъыхъ дѣятельностяхъ.

Для достовѣрности и лучшаго доказательства истини изображенаго нами положенія приведемъ еще одинъ фактъ.

Въ маѣ 1914 г. было подписанъ адвокатами Костемъ Левицкимъ, Федакомъ и 180 товарищами, и поданъ въ имперское вѣдомство во Львовъ меморандумъ съ просьбой передать „украинцамъ“ русскій народный общества: Народный Домъ, Старополіткій Институтъ и О воинѣ Качковскаго. Въ этомъ письмѣ обращается вниманіе австр.-правителѣства на предную для государства дѣятельность означенныхъ обществъ содержащавшихъ рядъ ученическихъ пріютовъ и воспитывающихъ русскую молодежь въ духѣ, согласно съ исторической истиной наперекоръ цовсемѣстно утверждаемымъ мавесинскимъ училыдамъ, гдѣ застращающимъ образомъ извращалась родная исторія (и. пр. „Украинска Правда“ вмѣстѣ съ „Русской Правдой“ исторіи, князь Владимиръ и Ольга и т. п. были украинцами и т. д.)

Даже во время войны Кость Левицкій и К^о не присыпалъ, а наоборотъ съ рвениемъ и энергией, достойной лучшаго признанія занимались доносами, не смотря на то, что по ихъ же самыхъ пониманію всѣ „руссофили“ частично притянуты по тюремѣ, или выпытаны, или же бѣжали въ Россію, сѣдовательно Галичина осталась完全ъ отъ деструктивнаго „руссофильскаго“ элемента. За подпись этого доносника и компаний было подано въ Намѣстничество вторично меморандумъ 24 ноября 1915 года № 54570/ргр. подъ заглавиемъ: „Меморандумъ общей украинской национальной Рады, касающейся мѣропріятій по реформѣ украинскихъ учрежденій, включенныхъ руссофилами во Львовѣ“ — изъ которому между прочимъ говорится: „Es gibt in Lemberg drei grosse

Körperschaften, welche den Zwecken der russophilen Propaganda dienstbar gemacht wurden, so dass diese Propaganda in diesen Instituten ihre Hauptherde gefunden hat.

Durch mehrere Dezenen wurde das Vermögen dieser Institute zur Unterstützung der russophilen Aktion in Österreich verwendet.

О Ставропільському Інституті пишеть: „Als Patronatsherr der wichtigsten Stadtspfarre in Lemberg besetzte das Senioretat dieselbe immer mit hervorragenden russoph. Geistlichen, das Internat erzog die Jugend im russischen Geiste, in der Buchdruckerei wurden die russophilen Zeitungen und Broschuren meistenteils unentgeltlich in Druck gelegt, sie wurde zum Brennpunkte der ganzen russischen Agitationsliteratur in Galizien“.

О Народному Домѣ: „aus den Einnahmen des Institutes erhielten die russophilen Agitatoren direkte Subventionen. Im Interne für die Schuljugend wurde diese im russischen Geiste erzogen. Dieser Internat, unterstützt sehr reichlich aus Russland... wurde zu einer Pflegestätte des russischen Geistes und russischer... gegen das Reich gerichteten Propaganda... Die Vertreter der Ukrainer lenkten seit vielen Jahren mehrmals die Aufmerksamkeit der Regierung auf diese abnormalen Zustände... Die Täetigkeit... des Narodnyj Dim war seit Jahren angerichtet gegen die vitalsten Reichsinteressen... erzog die Jugend zu den Aposteln... der russisch-nationalen Propaganda, wurde zur Brutstätte und zum Hauptherde der russischen gegen die Mo-

narchie gerichteten, die Foerderung russischer Interessen für den Kriegsfall vorbereitenden und bezweckenden Action“.

О об'єднанні Качковського: „Dieses Vereines haben sich die Führer der Russophilen bemächtigt mit Hilfe.. seiner. Leseweine (?) in den Dorfgemeinden das Gift des Russophilismus in die Volksseelen einzumopfen, die breiten Volksmassen für Russland... zu gewinnen.. dass derselbe Verein sowohl vor dem Kriege als auch während des Krieges mit den Führern der Verräterreien und der Spionage zusammenwirkte und aus Russland sehr reichlich subventioniert wurde...“

Въ этой денunciaції обращается внимание на политический процесс днів'янского парламента Маркова и тов. днів'янської от 21/6—21/8 1915 г. якія котормъ въ качествѣ свидѣтелей въ пользу правительства давали показанія члены „украинской націон. ради“ Костя Левицкій, Н. Василько, А. Весомольский, О. Коромыш и др.

Какъ видимъ, несмотря на то, что „ненавистный московифъ“ истекающий кровью былъ поверженъ во прахъ и „обезвреженъ“, Костя Левицкій и члены его компаний не унимались, а приступали всѣхъ силъ чтобы услышать послѣдний вдохъ этого самого „московифа“.

Въ Жидачевскомъ у. начались аресты въ первыхъ дняхъ ангусты рокового 1914 г. Уѣздный начальникъ Казимир Яворчиковскій, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ уѣзданой машистской организаціи, состоявшей изъ ножаковъ: учителей Ивана Билинского изъ Пчанъ и Михаила Рихницкаго изъ Розсадова и ксендза Головкевича изъ

Тескарова и Борочки. изъ Яблонецъ, побилъ рекордъ относительно числа арестовываемыхъ. Одновременно наполнились всѣ тюремы въ уѣзда: въ Николаевѣ, Жидачевѣ и Журавль. Когда въ этихъ мѣстечкахъ не хватило места, арестовываемые переводились въ уголовную тюрьму въ Сtryѣ. Такъ 20 августа переведено изъ Николаевской крѣпости надъ Днѣстровъ 52 человека въ Сtryѣ. По пути изъ Николаева „украинские соколы“ напали на транспортъ изъбывая арестованныхъ. Всего въ Сtryѣ къ моменту моего прибытия было свыше 300 человѣкъ. Надо съ приватностью вспомнить, что тогоданній предсѣдатель окружного суда въ Сtryѣ г. Маркаль Мѣсинский самъ наблюдалъ и строго приказывалъ обращаться съ нами по человѣчески. Даже разрѣшилъ арестованнымъ на собственныхъ средствахъ приобрѣтать пропитаніе. Воспользовавшись гуманностью г. Мѣсинского мы заказали и постоянно получали обѣдъ изъ ресторана г. Вонсовича. Это не понравилось стрѣльчискимъ украинофізамъ и они посредствомъ своей организаціи затребовали примѣненія къ намъ строгаго режима, а для большаго давленія выбили г. Вонсовичу всѣ окна. Тогда по приказанию г. Мѣсинского и ст. согласія и-ка тюремъ Іос. Потушинскаго продукты покупались на наши средства на базарѣ и обѣдъ готовился въ тюремной кухнѣ.

Когда русская армія подступила къ Сtryю явился въ тюрьму со конвоемъ чиновникъ у. начальника Броцкскій и установивъ насъ въ шеренги погналъ на воязъ. Впереди шелъ г. Марушакъ и какой то чехъ — оба въ пѣщакахъ. Клиша отгласилась адскимъ ругательствами, туча камней полетѣла на наши головы. Бѣхали мы несущи трое сутокъ,

а 5 сентября нашъ поѣздъ остановился въ Вадовицахъ. При разгрузкѣ устанавливали настъ по четыре деягентанть Бодицъ, полжѣтъ, посыпая намъ шевки въ лицо, а во время шестѣй изъ вокзала въ вадовицкую тюрьму передъ нами сменился старичокъ-полжѣтъ отставной Уланскій ротмістръ, привыкавшій смотрѣвшихъ на насъ женщинъ, выливать изъ оконъ нечистоты на наши головы.

Послѣ прїѣзда изъ Вост. Галичини нового эшелона въ Вадовица, мы опять погрузились на вокзалѣ и уѣхали дальше за западъ.

—

С. Вишневъ. Въ с. Вишневѣ были арестованы въ 1914 г. сідѣльціи лица: Петр Казимирчукъ 54 лѣтъ, Григорій Курілецъ, Іванъ Мельникъ; всѣ три умерли въ Талергофѣ. Вернулись изъ Талергофа домой: Іванъ Фениксъ, Степанъ Блюзовскій, Феодоръ Петр Казимирчукъ, Даниїлъ Фениксъ, Феодоръ Курілецъ, Михаїлъ Гучко и Марія Федакъ.

крестъ. Феодоръ П. Казимирчукъ.

С. Дубравна. Въ первыхъ дніяхъ августа 1914 г. крестьянинъ села Дубравки Матей Зваричъ, 60 лѣтъ, въ разговорѣ о разгромленіи пойдѣлъ сказать, что россійскій войска могутъ дойти и до Жидачевскаго уѣзда. Россіи, молъ, бояться и война ведется не на жизнь а на смерть. Полѣтъ стоять и слышать разговоръ мѣстныхъ крестьянъ украинофізы Данило Мудрыкъ, изъвестный въ цѣлой окрестности ябед-

никъ и доносчикъ. Мудрый не принялъ участія въ разговорѣ сельскихъ политиковъ, но услышавъ сказанное М. Зваричемъ немедленно отправилъ домой, запріягъ лошадей и поѣхалъ въ с. Лиховицъ. Зарѣчные съ доносомъ къ тамошнимъ жандармамъ. Жандармы истолковали доносъ по своему и старикъ М. Зваричъ очутися въ Журавнѣ въ тюрьмѣ, по обвиненію въ государственной изменѣ. Послѣ недѣльного заключенія М. Зваричъ былъ отпущенъ на свободу благодаря показаніямъ евреевъ Шулмана и Хайима Шраферова удостовѣрившимъ, что М. Зваричъ невиновный, а слова сказанные нимъ среди собравшихся крестьянъ были доносчики. Мудрый вѣстою извращены.

Въ другой половинѣ августа по доносу мазепинца Музинки и двухъ ев-

реевъ изъ Журавна были арестованы на бывшѣ въ Журавнѣ, явившися тамъ за покупками жители с. Дубравки: Павелъ Мисакъ, Кириллъ Зваричъ, Петръ Брычъ и гимназистъ Илья Брычъ, обвиняемые украинофилами и евреями въ укрывательствѣ бомбы и въ стремлении отравить воду для уничтоженія имѣвшихъ расквартироваться въ Журавнѣ мадьярскіхъ частей.

Этотъ недѣльный доносъ послужилъ толчкомъ къ высокому арестованныхъ въ административномъ порядкѣ изъ родной мѣстности на продолжительное заключеніе въ Талергофъ.

По пути на вокзалъ и въ Талергофъ арестованые подверглись надругательствамъ и избиеніямъ со стороны огнестрѣльной толпы.

Кириллъ Зваричъ.

Коломыйский уѣздъ.

С. Вел.-Камянка. Я служила въ с. Вел.-Камянка учительницей, а мой отецъ Илья Мих. Мардаровичъ состоялъ настоятелемъ прихода въ томъ же селѣ 22-го августа, 1914 г. заманили настъ жандармы хитростью въ с. Годы, възяли Коломыю и арестовали настъ тамъ бѣзъ всякого повода отправили въ Станиславовъ. Два дни водили настъ по Станиславову изъ тюрьмы въ тюрьму на потoku городской черни. По пути на вокзалъ напали на настъ уланы, упражнявшіе възять железнодорожного пологти. Они нанесли миѣ сильный ударъ въ лицо и голову тяжелымъ, тупымъ орудиемъ; я потеряла сознаніе, а когда очнулась, увидѣла себя на ногахъ. Врачъ приводилъ меня въ сознаніе поливая голову водой. Пояза нашего уже не было. Послѣ краткаго отдыха, конвойный солдатъ отвѣтъ настъ обратно въ тюрьму.

Иванна Ил. Мардаровичъ
учительница.

Первые два мѣсяца моего арестованія были выполнены безпрерывнымъ путешествіемъ изъ одной тюрьмы въ другую. Сперва отправили настъ въ Шатмаръ-Неметтъ, затѣмъ въ Мискольцъ потомъ обратно въ Галичину, въ Синопскую тюрьму. Относительно обращенійъ настъ администраторъныхъ властей довѣрѣ сказать, что мой отецъ и синцъ Семеновъ [ваконоучитель въ Станиславовѣ] при слѣдованіи въ тюрьму были посажены изъ вагонъ, въ которомъ живодеры перевозятъ собакъ. Оба старика преклоннаго возраста, избитые и изъволнованыи не могли подняться, сильнѣ имъ не хватало. Въ Синопкѣ томились настъ голодомъ, завѣдующій тюрьмой Лоренцъ не разрѣшилъ настъ приобрѣтать пищу изъ собственныхъ средствъ. Наконецъ мы были сосланы въ Талергофъ.

Уѣздъ Каменка-Струмиловая.

с. Убинье. Когда вспоминаешь церкви времена, то въ памяти воскрепаютъ только самые яркіе эпизоды, рѣзко нарушающіе нашу жизнь или же сильно действующіе на наше чувство и воображеніе.

Въ началѣ Великой войны меня не миновала судьба, постигшая многихъ моихъ земляковъ; я была арестована и отправлена въ Львовъ, въ тюрьму «Бригадки».

Ночью съ 27-го на 28 августа еда мы ложились спать, съ шумомъ открылась дверь каземата и раздался шаги крикъ:

— Выходи!

Коридоры и внутренний дворъ тюрьмы освещались яркимъ сѣромъ, въ которомъ влагоѣзде засвѣкали жандармскіе штыки и каски.

Зрѣлище неописуемое, чувство опешающіе. Зачѣмъ столько вооруженныхъ съ ногъ до головы жандармовъ, что будутъ они дѣлать съ нами? Несколько послѣ десятковъ лѣтъ неусыпнаго учительского труда въ народной школѣ и посчитаніи сотенъ маленькихъ гражданъ придется на старость лѣтъ погибнуть на ножахъ? Но что сдалось культурное воспитаніе молодыхъ поколѣй? Чего ради провоцировались и привыкали народными массами идеи права и морали, если холодное жестью иметь право распоряжаться жизнью сотенъ и тысячъ величайшихъ людей?

Всѣхъ всѣмъ выѣти во дворъ. Собрались до 2500 человѣкъ. Въ углу подъ тюремной стѣной застава комиссии

се синками на стояѣ и начала вызывать по фамилиямъ. Вызванныхъ строили въ ряды по четыре. Когда набралось до 250 человѣкъ, жандармы окружали ихъ усиленнымъ конвоемъ и уводили въ сторону вокзала.

Сердце у меня екнуло. Неизвѣстность хуже всего, а спросить некого — куда отправляютъ? Ворота отпирались и закрывались несколько разъ, засонѣ громѣли, арестованныхъ спѣшили направлять на жѣданную дорогу. Остальными вѣяли итти спать.

Можно предполагать, что вызываемые были заблаговременно намѣчены, ибо вызывались преимущественно молодые и здоровые люди.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, вызвали и меня во дворъ, где я встрѣтилась между прочимъ Ф. Назаркевичемъ, котораго привезли изъ военной тюрьмы. Тамъ тоже всю ночь плая перекличка и отправка на вокзалъ.

Оказалось, что власти искали кого-то другого, а не наша его повѣсила меня и г. Назаркевича въ полицію, запретивъ распространяться о происходившемъ въ тюрьмѣ.

На полиціи настъ заперли въ камеру, нанеся предварительно г-ну Н-чу пощечину, а на слѣдующій день прискальпъ вѣстовой съ приказомъ освободить настъ.

Я остался во Львовѣ и поселился у своего сына, а черезъ несколько дней явился русскій войска.

С. Т. Сопницкій.

Любачевскій уѣздъ.

Произвольная рука австрійцевъ, Галичинѣ, не минула и Любачевскаго уѣзда.

Мѣстечка Нароль и Липскъ совер-
шенно уничтожены пожаромъ, сильно
пострадали мѣстечка Любачевъ и Цѣ-
шадовъ.

Въ с. Цѣшадовѣ жандармы ворвались въ церковь въ то время, когда старикъ свящ. Мокрицкій служилъ обѣдно. Жандармы сорвали съ него ризы, вывели изъ церкви и поставили домой, не давутъ ему возможности окончить литургію. Дома хоянинчики уже другие жандармы. Послѣ тщательного обыска, не найдя ничего ничего подозрительного, арестованы о. Мокрицкаго съ женой и двумя дочерьми и отправлены въ Гданскъ на тюрьму.

Въ Любачевѣ было арестованы мѣстный псаломщикъ Иванъ Дубинъ. Его посадили въ маленькую камеру, заѣздали дверь кирпичемъ оставивъ только небольшое отверстие для подачи пищи. Такъ просидѣть Дубинъ дѣлъ недѣль въ полной темнотѣ, ходилъ и грезилъ. Освободили Дубинъ русские солдаты. Когда его вывели изъ заключенія, онъ почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе.

Въ Любачевѣ кромѣ того были арестованы 7 человѣкъ, въ томъ числѣ А. Мончаловскій и сынъ В. Гоповскій съ сыномъ Иваномъ.

Въ Олжицахъ были арестованы 9 человѣкъ, въ томъ числѣ священники: Макары и Лучеко и студенты И. М. Рыбашый и И. М. Козѣй съ двумя младшими братьями гимназистами.

Въ с. Сухой Волѣ были арестованы 6 человѣкъ, въ Бѣгалияхъ — 3, въ Липовцѣ — свящ. Пшемша, въ Коровицѣ и Удаловѣ по одному, въ Новомъ Дикорѣ — 4, въ Нѣметовѣ — 3, въ Цѣшадовѣ — 7, въ Синявѣ — свящ. Федоренко, въ Горной Башнѣ — 4, въ Бруслѣ — 2, въ Ловчѣ — 2, въ Грабарѣ и Жуковѣ по 3, въ Новомъ Селѣ — 5, въ Стар. Дикорѣ — 3, человѣкъ.

Въ с. Хотинѣ были арестованы всѣ члены сельского правленія съ вѣтомъ Фед. Давидко во главѣ. Въ общемъ арестовано вѣдь 11 человѣкъ.

Газ. "Прик. Рус." 1915 г. № 1514.

Перемышльскій уѣздъ.

Кромѣ поданныхъ въ первой части Альманаха были еще арестованы въ с. Иванъ Чуба младший и Никита Федашъ, а въ с. Накло — Иванъ Фешапкъ. Позднѣй и сосланы въ Талергофъ:

Накловецъ.

Перемышлянскій уѣздъ.

с. Женевѣ. Въ с. Женевѣ былъ арестованъ въ 1914 г. весь составъ управлій мѣстной русской читальни въ лицѣ Тимофея Грица, Петра Грица, Степана Чайковскаго, Никиты Чайковскаго, Василия Мазура и Степана Мазура. Исполненія обязанности сельского писаря были и въ то время вызваны въ уѣздное староство для получения

инструкцій относительно реквизиціи у крестьянъ скота для войскъ. Возвратясь домой встрѣтилъ я на своемъ дворѣ жандарма и двухъ ландштурмистовъ, которые послѣ обыска въ читальни ждали спокойнѣ моего возвращенія изъ города. Связавъ насъ поочередно за руки отправили подъ радостные окликі и плачущую ругтань односельчанъ

католиковъ на станцію Задворье. Тутъ вдоволь наѣздились нами жандармами, короткими ударами прикладовъ. Больше всѣхъ пострадала я и Иванъ Джара изъ Переяснова. Окровавленныхъ и усталыхъ доставили насъ въ Львовъ въ Замарстиновскую военную тюрьму. Слѣдуетъ отметить, что въ теченіи дальнаго путешествія изъ Львова на Западъ неистовства неунимѣающейся оравы, встрѣ-

чившей насть цовсемѣтво на станціяхъ адскимъ гамомъ и колотушками не прекращались до границъ Шлѣвка. Въ Божѣй отказалась торговки продать намъ сѣстричныхъ припасы.

Предварительныи страданіи, сочувствовавши намъ въ протяженіи прѣѣзда черезъ Галичину, "корвились" только на Чешско-моравской границѣ. Послѣ 6-ти мѣсячнаго заключенія въ Осмѣйцѣ на Моравіи и допроса военнымъ судомъ мы были сосланы въ Талергофъ.

Степанъ Мазуръ.

Подгаецкій уѣздъ.

Арестованія "прикарпатскихъ Россинъ". Подъ такимъ заглавіемъ помѣстила украино-финская газета "Діло" сообщеніе обѣ арестованіяхъ русскихъ галичанъ изъ Подгаецкому уѣзда, при чёмъ слова "прикарпатскихъ Россинъ" были въ "Діло" въздржаны влагать въ кавычки. Подаемъ это сообщеніе въ перевѣдѣ изъ мѣстнаго галицкаго діалекта:

Въ пятницу 7-го сего августа были арестованы жандармерией въ Вышневинѣкѣ свящ. Вас. Томовичъ, настоятель прихода въ Мозоленѣ и Зарнинѣкѣ благочинный и были препронаженіе въ судебные аресты Подгаець.

откуда того же дня былъ перевезенъ по почтовымъ подъѣзду въ 3-мъ часу понощуди въ Львовъ для предѣза военному суду. Въ субботу въ 4 ч. утра былъ арестованъ жандармами въ Голотахъ помощникъ прис. поѣзденаго изъ Журавна Владимира Напроцкаго и было препровождено въ судебные аресты въ Подгаецахъ. Уѣздное старство въ Подгаецахъ закрыло въ четвергъ 6-го числа сего мѣсяца всѣ существовавши въ уѣзда "москоно-финскіе" организаціи, какъ то: читальніи им. Качковскаго, дружини и ссудо-сберегательныи товарищества при читальняхъ Качковскаго.

Газ. "Діло" 1914 г. № 177.

Русско-Равскій уѣздъ.

м. Магеровъ. 2 августа 1914 г. пріѣхавшій ко мнѣ на подвойѣ крестьянинъ с. Лаврикова съ просьбою юхатъ туда хоронить покойника сообщилъ, что ихъ приходникъ Николай Осмѣловскій арестованъ и вмѣстѣ съ школьниками другими жителями Лаврикова отправленъ въ Цѣшадъ въ Жолкву.

Это сообщеніе сильно менѣ обеспокоило, такъ какъ я бытъ однихъ национальныхъ уѣжденийъ въ арестованыхъ соѣдомъ, вовсе не скрывалъ со своими политическими нозрѣями, и укрѣпилъ въ своихъ прихожанахъ любовь къ родной Руси, что воне не мѣшало мнѣ

быть одновременно хорошим австрийским гражданином.

На другой день послѣ похоронъ въ Лавриковъ явился въ Магеровъ гузары, чтобы меня арестовать и посадить въ тюрьму. На этотъ разъ однако мнѣ удалось при помощи разныхъ луковокъ увернуться отъ тюрьмы. Когда же я, послѣ уничтоженія Магерова артиллерийскими огнемъ, переселился въ Лавриковъ, тамъ вторично было арестовано и предано полевому суду, квартирвалему въ Каменскѣ-Липинскѣ. Судъ не нашелъ доказательства моей виновности и отпустилъ меня на волю.

Третій разъ былъ и арестованъ въ 1915 г. жандармомъ Зелинскимъ и отправленъ въ Перемышль, где послѣ допроса, быть оправданъ, а четвертый разъ уже въ 1916 г. преступнику душа австрийскому жандарму Слезаку подвергla меня общей участы, постигшей десятыхъ тысячъ моихъ земляковъ. Я былъ арестованъ и препровожденъ въ Талергофъ.

Селякъ. Ioакимъ Решетило.

Рогатинский уѣздъ.

Въ Рогатинскомъ уѣзда были арестованы: воспитатель русской бурсы въ Рогатинѣ, священники Иоаннъ Матицакъ изъ Липицы гор., Аполлоній Филипповскій изъ Подкаменя съ дочерью,

пощ. чин. въ Рогатинѣ Романъ Кобринъ, псаломщикъ Мих. Демчишинъ изъ Конюшокъ и одинъ дворовый служащий изъ Стратина.

Діло 1914 г. № 170.

Сольський уѣздъ.

С. Орава. Въ селѣ Оравѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ слѣдующіе крестьяне: Михаилъ Глуханъ, Иванъ Марковичъ, Алексѣй Диньковичъ, Яковъ Вайдичъ, Павелъ Бутчакъ и Юро Добровольскій. Вся вина арестованныхъ заключалась въ томъ, что они интересовались общественной жизнью любили читать русскую газету и русскую книгу,

а знали историческое прошлое родного народа твердо и сознательно стояли на точкѣ культурнаго единства всего русского народа. Арестованы были передовыми людьми въ своемъ селѣ, а не скрываясь въсю съ своими убеждѣніями, тѣмъ самимъ уже были союзомъ въ глазахъ враговъ всего русскаго.

Крестъ. Михаилъ Глуханъ.

С. Корчевъ. Я былъ арестованъ въ первыхъ днихъ августа 1914 года въ Ждачѣ на Лемквицкой и вмѣстѣ съ другими просидѣть въ Горлицкой тюрьмѣ до 14 сентября 1914 г.; послѣ того я былъ вывезенъ въ Талергофъ. Въ іюль 1915 былъ я препровожденъ съ 24 галичанами изъ Вѣлы и заключенъ въ военную тюрьму, где просидѣть ровно два года. Послѣ представительнаго судебнаго слѣдствія я былъ поставленъ передъ военный судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ выѣхать съ г. Богатиревъ въ товарищами. Судъ меня оправдалъ однако я былъ задержанъ въ тюрьмѣ по настоянию военно-прокурорскаго надзора; окончательно вышелъ я изъ вою 17 іюля 1917 г. послѣ объявленія имп. Карломъ амністии.

Селякъ. Єводосій Дуркотъ.

Приїмчаніе. Синодиція Єводосій Дуркотъ, настоятель прихода въ с. Корчевѣ Руско-Равскаго уѣзда бытъ убитъ поляками въ своемъ приходѣ въ 1924 году.

С. Тарнавка. Сольського уѣзда въ с. Тарнавѣ Сольського уѣзда были арестованы и сосланы въ Талергофъ: Николай Осиповичъ Матицекъ и Ели-

санета Васильевна Матицекъ, перенесшіе благополучно ссылку и затѣмъ возвратившіеся на родину.

T-цѣ.

Станиславовскій уѣздъ.

С. Горохолина. Кромѣ упомянутаго въ I части Альманаха Иванъ Кащукакъ, въ селѣ Горохолинаѣ были еще арестованы: псаломщикъ Алексѣй Дмитрій Кащукакъ и войтъ Иванъ Борицакъ 72 лѣта. Первый изъ нихъ умеръ въ Талергофѣ, а второй былъ сосланъ въ Глинду; оба были солью въ глазахъ нашихъ недруговъ; имъ не нравилась просветительская дѣятельность обоихъ

среди сельского населенія и стремление ихъ учредить въ Горохолинѣ русскую читальную. Оклеветанные передъ австрийскими властями, Кащукакъ и Борицакъ обвинились въ шпионажѣ, государственной измѣнѣ и, въ частности, въ освѣдомленіи ими русскихъ войскъ относительно австрийскихъ "укрѣпленій" кругомъ с. Горохолини".

Михаилъ Тимкоевъ.

Тернопольскій уѣздъ.

С. Купчинцы. 12 августа 1914 г. явились въ селѣ мадьярскіе офицеры съ цѣлью набрать тутъ подполь для передвиженія австрийской войны. На слѣдующій день слѣжалось въ Купчинцы изъ соседніхъ селений множество подводъ, а остановившіеся у меня на почтѣ мадьярскіе офицеры со своими солдатами потребовали меня, л. дра Эмилъ Гладишевскаго, воята Мих. Броду и мѣстнаго учителя україніза Фуртака участовать въ юрійской комиссіи по назырію военнаго наградженія подводамъ за перевозъ войскъ и военныхъ грузовъ. По окончаній опѣнки мы получили влаго-вѣръ отъ присутствовавшаго тутъ же военнаго начальства будто бы за чрезвычайно высокіи звани, признанные нами крестьянами-подводчиками и разошлись домой.

Не успѣлъ я немного отдохнуть, вижу, является ко мнѣ два жандарма съ требованіемъ слѣдоватъ съ ними въ г. Тернополь для подписанія какого то протокола. Предполагая, что выдуман-

ный жандармами протоколъ имѣть связь съ дѣятельніемъ расстрѣльной комиссіи, изъ которой я принималъ участіе, я вѣдь запрѣтилъ своимъ лошадямъ и въ полночь очутился въмѣстѣ съ жандармами въ г. Тернополѣ. Тамъ сверхъ моихъ ожиданій отведенено ми въ тюрьму при окружномъ судѣ; тюремный надзиратель обшарилъ всѣ мои карманы, отобралъ у меня часы и бумажникъ съ деньгами и заперъ меня въ камеру, наполненную находившимися подъ слѣдствіемъ уголовными преступниками. Отвѣтъ на мой вопросъ, когда же предложатъ мнѣ къ подписи обѣданнаго протокола, была нашеенная мнѣ пощечина.

Въ безшумностѣ и томлѣніи провѣялъ я въ тернопольской тюрьмѣ цѣлыя сутки. 14-го августа вывели меня въ коридоръ, где и встрѣтился со знакомыми священниками: Павломъ Дудикомъ Александромъ Малковскимъ и Александромъ Мироновичемъ. Послѣ нѣсколько часоваго ожиданія жандармы заковали на насъ въ кандалы и увѣли цѣлый эшел-

лонг, въ числѣ около 200 человѣкъ, на поѣзда для отприни во Львовъ. По пути на вокзалъ подверглись мы яростному нападенію городской толпы.

15-го августа напѣть побѣдѣ остались во Львовѣ на вокзалѣ Подзамче. Былъ латинскій праздникъ Успенія Пр. Богородицы. Гулянія кругомъ вокзала черни, полюбопытствовали кого привезли, а узнавши, что это эшелонъ "спасильныхъ шинобонъ", обклада настѣ градомъ камней. Окруженные конвоемъ

с трудомъ добрались мы въ гарнизонную тюрьму на Замарстиновѣ. Тутъ среди множества заключенныхъ и встрѣтились съ священниками Діонисіемъ Бачинскимъ изъ Городища и Іоанномъ Машакомъ, а затѣмъ въ теченіи послѣдующихъ дней послѣ сортировки мы были отправлены эшелонами кто куда — въ Талергофъ, Тересіенштадтъ и т. п. Я очутился въ Талергофѣ.

свящ. Владимиръ Михитка.

Толмачевскій уѣздъ.

С. Ольшаница. Я бытъ членомъ О-ва им. М. Качковскаго и предсѣдатель издаваемую во Львовѣ русскую газетку для народа. Другихъ прегрешеній за мной не числилось, склонительно могъ быть спокойнымъ въ началѣ войны, что австрійскій тюрьмы меня минули. Но возврату своему я не подлежалъ воинской повинности, бытъ я единственно назначенъ кондукторомъ организовавшегося въ селѣ обоза для перевозки военныхъ материаловъ. Выйдя вечеромъ въ село встрѣтился съ своего знакомаго и мы разговаривали о разыгрывшихся событияхъ. По мониту соображеніямъ виновниковъ разгорячавшагося военного пожара были сербы, убийцы австрійскаго кронпринца. На следующій день явился ко мнѣ сельскій подпідѣйскій и потребовалъ меня къ комендантству жандармеріи. Не предчувствуя ничего плохого, въ уѣждѣніи, что жандармъ

вызываютъ меня для дачи сировокъ относительно организованнаго обоза, отправился я въ жандармское управление. Тутъ бытъ я арестованъ и съ многими другими отправленъ въ западную провинцію. Только въ Градцѣ въ Австроії узналъ я минувшую причину моей ссылки. Я обвинялся въ непочтительности и злословныхъ выраженіяхъ по адресу убийца престолонаслѣдника Фердинанда. Послѣ годичного пребыванія въ Талергофѣ мнѣ удалось доказать свою виновность и въ 1915 г. было и отпущенъ на свободу.

Изъ с. Ольшаницы бытъ еще арестованъ Северинъ Дендратъ, изъ Милювъ Василий Яворскій, изъ Пешагичъ Кирилъ Овчарчикъ, умерший въ Талергофѣ, изъ Толмача Михаилъ Атановскій.

крест. Иванъ Мих. Боднаръ.

Турчанскій уѣздъ.

Въ с. Ботля были арестованы въ августѣ кроме перечисленныхъ въ первой части Семенъ А. Еводичъ и Иванъ Ст. Хрецтакъ. У нихъ производили о-

бѣскѣ вместо жандарма школный инспекторъ Иванъ Середа.

6 сентября 1914 были дальнѣе арестованы: Василий С. Фацинецъ, Иванъ

І. Ниразъ, Иванъ С. Малетичъ, Павелъ Сав. Фацинецъ, Феодоръ Михаилъ, Юрій Негеръ, Юрій Малетичъ, Алексій Бугиръ, Павелъ Ловницікъ, Іванъ Сем. Малетичъ. Всѣ были вывезены въ Талергофъ.

Въ Ботлиѣ нимъ были арестованы и вывезены въ Талергофъ: учитель Діонісій Г. Чайковскій, затѣмъ послѣ обыска произведенаго по приказу поста Ивана Фумичка были арестованы: Наталя С. Чайковская, Михаилъ В. Михаилечко, Фома Захаревичъ, Александръ Менко, Іоанъ Іоанычъ (умеръ въ Талергофѣ), Василий Дм. Калиничъ и Андрей Ф. Тижунъ.

Изъ с. Гнилой были сосланы въ Талергофѣ: свящ. Петръ Ив. Яневъ, Иванъ Иваничка, Иванъ Бодакъ, Андрей Бугринецъ, Василий Іречко, Степанъ Гундертайло, Василий Кизюръ, Феодоръ Марканичъ, Василий Иваничка, Степанъ Яворскій, Константинъ Іречко, Михаилъ Кизюръ, Татьяна Дурланъ.

учителя Діонісій Чайковскій.

С. Гнилая. Священникъ Яневъ организовалъ въ селѣ вечерній чтеній, на которыхъ присутствовала большая часть взрослыхъ молодежи. Учнись первого гіній, церквино-славянского письма и истории Руси. Наша вечернія школа была сользь изъ глазаць мазепинцевъ и 12 августа 1914 г. по доносу синій украинофіи Мороза изъ Боринъ и учителя Ив. Кульчицкаго изъ Гнилой былъ арестованъ сначала свящ. Яневъ, а затѣмъ всѣ курсанты, дальше члены О-ва им. М. Качковскаго и предсѣдатели газетки "Голосъ Народа".⁴ Въ общемъ были арестованы Иванъ и Василий Иваничка, Василий Юрочка съ сыномъ Костей 14 лѣтъ, Степанъ Яворскій, Андрей Бугринецъ, Федоръ Марканичъ,

Иванъ Бодакъ, Степанъ Гундертайло, Степанъ Дендратъ, Михаилъ и Иванъ Кизюръ, Татьяна Дурланъ и Юрію Ивановичка.

Священникъ Яневъ обвинялся въ получении рублей, въ совершеній фильныхъ погребеній — будто бы выѣсто покойниковъ закапывались на кладбищѣ ящики съ винтовками и тѣмъ подобныя неизѣбѣ.

Я въ то время находился еще на свободѣ. По долгому службу при сельскомъ управлѣніи меня вызывали въ м. Боринъ и тутъ я случайно по дѣлу одного изъ знакомыхъ замѣтилъ къ мѣстному приходнику свящ. Морозу. Тогда узнавъ, что я изъ села Гнилой, сейчасъ же винилъ меня смущать по поводу моихъ уѣждѣній и выговаривать по адресу о. Янева. Затѣмъ стала мігъ чертить пальцемъ на карте и на глоубъ политическія границы будущей триединой державы: Австро-Венгеро-Украина послѣ побѣды Австроії надъ Россіей. Я слабо возражалъ, а въ два дни послѣ этого разговора, я былъ арестованъ жандармами. Остальныхъ прихожанъ арестованы "украинские сіоніки" совмѣстно съ австрійскими жандармами.

Въ спискѣ подлежащихъ арестованію, находившемся въ рукахъ учителя Кульчицкаго значилось 48 фамилій изъ села Гнилой, и только благодаря военному набору, остальные гниланичане спаслись отъ тюрьмы. Такжѣ изъ Боринъ пошло множество жителей въ тюрьму благодаря свящ. Морозу.

Всѣхъ насть сослано въ Талергофъ а отсюда, кто не падъ жертвой эпидеміи и былъ помоложе вѣкомъ отправленъ въ власти вноскѣдѣй на позицію.

крест. Иванъ Иваничка.

Бережанский уездъ.

М. Козловъ. Въ 1914 г. были арестованы въ мѣстечкѣ Козловъ и со-
сдѣланы въ Талергофѣ сѣдующій семье и
лица:

Михаилъ Зѣлинскій, Даниилъ Зѣ-
линскій, Иванъ Дѣдиковскій, Андрей Дѣ-
диковскій, Николай Дѣдиковскій (умеръ до-
ма), Николай Веретельникъ (умеръ до-
ма), Марфа Веретельникъ, Иванъ Куль-
баба (умеръ въ Талергофѣ), Андрей Куль-
баба, Дмитрий Кушнѣръ (умеръ до-
ма), Матвій Кушнѣръ (умеръ дома),
Ксения Кушнѣръ (умерла изъ дома), Юлія
Кушнѣръ (умерла отъ Ропчиць въ Зап.-
Галичинѣ), Михаилъ Кушнѣръ (умеръ
въ Талергофѣ), Анна Кушнѣръ, Иванъ

Кушнѣръ, Василій Бучинскій, Кирилль
Семчишинъ, Петръ Гесъ, Ілья Гесъ,
Іванъ Гесъ, Іванъ Гураль (умеръ въ
Талергофѣ), Дмитрий Стѣчишинъ (умеръ въ
Талергофѣ), Андрей Фалинскій (умеръ
въ Талергофѣ), Михаилъ Лещинскій,
Анна Лещинскій, Анастасія Ракоча, Лю-
домиръ Заринскій.

Заключеніе въ Талергофѣ и пере-
житыя лишнія сильно подорвали юно-
шеское козловщество, и некоторые изъ нихъ
умерли на возвратномъ пути изъ Талер-
гофы въ Галичину, иные же умерли
дома послѣ возвращенія изъ Талергофа.

Козловскій.

Бобрецкий уездъ.

С. Шоломый. Я былъ арестованъ
въ первыхъ днихъ августа 1914 года
во время уборки хлѣба въ поѣзѣ. Посѣгъ
предварительного карманныго обіска
тутъ же не мѣстѣ, а затѣмъ послѣ о-
быска у себя дома, я былъ отправленъ
жандармскимъ вахмистромъ Ковальскимъ
пог҃ть рукоуксеканіи україніофизонъ сначала
въ Золотоніскъ, а посѣгъ въ уѣздную
тюрму въ Бобрѣкѣ и посаженъ на вѣтъ
съ уголовными преступниками. До-
прашивали меня судебныи сѣдователъ
Вассерманнъ. Тогда я узналъ, что я
арестованъ по доносу односельчанъ укра-
їніофизонъ: П. Лобы и Гр. Болюта. Выбѣ-
нялось мнѣ въ вину сообщничество съ
православными священниками Гудимой
и съ студенческой молодежью, и что
будто бы ко мнѣ часто прѣѣзжали изъ
Львова немівѣстные темныхъ лицности,
вмѣстѣ съ которыми я составлялъ планы
и пересыпалъ ихъ въ Россію, а
далѣше, что я выписывалъ изъ Россіи

кукурузу и рисъ распредѣлялъ ихъ въ
агитационныхъ цѣляхъ между крестьянъ.
Доносы были подписаны обома упомя-
нутыми україніофизонами и скрытіемъ не-
честія сельского правлѣнія. Я конечно
постарался защищить себя отъ винов-
ныхъ на мене ложніи обвиненій. Я показалъ
судебному сѣдователю перевѣды и фактуры на кукурузу и рисъ,
выписанной мною въ 1913 году изъ
Буда-Пешти и Олдерберга для распредѣ-
леній между голодающею населеніе.

Должно бѣтъ судебній сѣдователъ
убѣдился въ моей невинности и отпу-
стилъ меня домой послѣ краткаго со-
вѣтсвія съ предсѣдователемъ суда г. Зу-
бринкимъ.

Однако мнѣ не судилось остаться
дома. Сейчасъ же на другой день явил-
ись ко мнѣ на дому жандармы по гла-
вѣ съ комиссаромъ уѣздного староства
и опечатать сельскую читальну, пред-
сѣдователемъ которой былъ я, увеяли менѣ

обратно въ Бобрку и посадили въ уѣзд-
ную тюрму. Вскорѣ привезли сюда
о. Галинскаго изъ Подомонастыря, Алек-
сія Рендуцкаго изъ Стрѣлиць, о. Сте-
пана изъ Берездовичъ, студ. Швайкъ—
служ. русск. креп. О-на въ Бобрѣкѣ, о.
Каралиту изъ Стрѣлкѣ и др. 18 ав-
густа настъ перевезли въ Львовъ и раз-
мѣстили въ Бригидкахъ. О страннѣхъ
мученикѣхъ и лишеніяхъ изъ той тюр-
мы рассказывали уже другіе. Я постара-
юсь восстановить картину, потраскую
до глубины души жителей нашей козлы.

Изъ маленькаго окопка видѣли мы,
какъ во днорѣ вѣшали нашихъ кре-
стьянъ. Роль падачъ исполняли солдаты.
Одного парня, кажется изъ с. Туринки
вѣшали дважды; когда онъ первый разъ
повисъ въ воздухѣ, и подъ тяжестью тѣла
законихалась и затѣрещала вин-
ницца, не выдержала веревка и сорвав-
шійся парень шлепнулся на землю. Про-
должавъ нѣсколько минутъ неподвижно,
парень поднялся на ноги и началъ
молиться.

Мы онѣмѣли отъ ужаса, а разграп-
ченные пазачи не смущаясь вовсе изо-
браженной мною картинкой принесли по-
лучную веревку на которой побѣгли свою
жертву.

Чуть свѣтъ въ день Усп. Б. М.
настъ повезли изъ Бригидокъ по Горо-
децкой ул. на главный вокзалъ. Не
смотри на раннее время на улицѣ ожи-
дала настъ толпа городской чори, привѣт-
ствовавшая настъ градомъ камней и
отборными ругательствами. Коннойные
солдаты выѣсто запицдали сопровожда-
емыхъ, подадоривали толпу, обвиняя настъ
въ неупыхахъ австрійскихъ войскъ на
руссскомъ фронтѣ.

Передъ мною стоя учительница изъ
Знесенія (фамиліи не помню). Вдругъ
приступаетъ къ ней неизвѣстный франтъ
и ударяетъ палкой по головѣ. Обливаясь
кровью учительница упала на мостовую.
Я съ студентомъ Напроцкимъ подхватили ее подолужную и понесли на
вокзалъ, где мы были размѣщеніи по
70 человѣкъ въ каждомъ вагонѣ.

Въ Шоломѣ были арестованы слѣ-
дующія лица: студ. Григорій Чемеристъ,
крестильне Яковъ Миллскій, Григорій
Порада, Андрей Мокрый, Михаилъ
Карабинъ, Андрей Мокрый и Михаилъ.
Башишинъ умеръ отъ истощенія иско-
пѣтъ постъ освобожденія.

крест. М. К. Кумка.

Лемковщина.

Послѣ арестованія священниковъ Гнатишиака изъ Криниць, Дуркота изъ Лобовы, Венгриновича изъ Тылича, Монахнаго изъ Монахинъ мы ожидали, что по всейѣ вѣроятности также у насъ будеть произведены обѣскъ и памъ угро- жаетъ то же самое. Было видно, какъ ежедневно весятъ изъ Криниць въ Санчъ арестованыхъ. Между тѣмъ доходившіе изъ позиціи извѣстій все болыше тре- вожили населеніе. Вѣдѣтъ стъ звакуиро- напомнился изъ Криниць Львовскимъ На- мѣстничествомъ съ цѣнными администра- тивными аппаратами, тоже тайныхъ агентовъ и жандармовъ разбрѣзась по селеніямъ Сандецкаго округа.

11 сентябрь явился къ намъ жандармы и проинзвѣси обѣскъ про- сматривая главнымъ образомъ корреспон- денцію. Послѣ обѣска мы были аресто- ваны, то есть — мѣстный приходникъ Иоаннъ Дуркотъ 84 лѣтъ, и я мнѣ же съ трудныемъ ребеночкомъ и были доставлены въ Лобову. Тутъ послѣ допроса старику Дуркоту посчастливилось вер- нуться домой, а въ съ женой и Маріей Трохаловской изъ Лобовы были отпра- влены въ Санчъ. Въ управлениі уѣз- дного старосты посторубчались намъ цѣ- лая вереница арестованыхъ крестьянъ изъ Криниць. Комиссаръ старосты гр. Лось не посмѣтѣвалъ даже на вру- ченные ему именные списки приказывать наѣзжать заключить въ тюрму при мѣст- номъ судѣ. И тутъ только началась пытка. Субботній денъ, городъ полонъ

гужающимъ еврействомъ, которое съ ругательствами бросило на насъ съ зонтиками и кулаками. Я боялся, какъ бы разыренная толпа не началью не убила пѣвой или камнемъ моего малютку. Перешагнувъ порогъ арестантскаго дома намъ легче вдохнулось. На встрѣчу мѣй вышелъ священникъ Масцохъ, по- сланый въ тюрму изъ склонъ днѣвъ раннѣе мены. А тюрма наполнилась все болыше и болыше. Привезли сюда моихъ хорошихъ знакомыхъ благочиннаго Сандови- ча изъ Брунара, Александри Савчака и братцевъ Качмарчиковыхъ Любомира и Владимира. Курить въ заключеніи не разрѣшилось. Такъ простояли мы цѣлую недѣлю ожиданія допроса. Вдругъ въ день Рождества Пр. Богородицы выдали намъ наши вещи и должны были вывести наѣзду дальше на западъ. Однако вѣдѣто отѣзда получалось изѣтъ неожиданное. Въ Санчѣ начались военно-пожарной сукъ. Появились священники: Курило, Въ. Монахнаго, Феофилъ Качмарчика съ сыновьями Любомиромъ и Владимиромъ и свин. Сандовича съ сыномъ Анто- ниемъ студ. философіи. Свин. Сандовича съ сыномъ приговорилъ поземной судъ къ смертной казни; приговоръ прочитанъ утромъ въ праздникъ Возданіенія Ч. Кр., а черезъ часъ увезли осужденныхъ въ часовину исповѣдаться. Мы замерли отъ ужаса и несправедливости, содѣянной властью наперекоръ попран- ной справедливости. Вѣдѣ они напиши хо- ропіе знакомые, совершиенно невинные

погибаютъ ни зачто, ни про что. Осу- жденныхъ посадили въ автомобиль и увезли за городъ, где они были расстрѣ- лены.

На слѣдующій денъ послѣ проис- шествій, потрясшаго наѣсъ до глубины душъ, мы были построены изъ риды по четыре и отправлены въ вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія на западъ. Были тутъ по большей части жители Сандечкаго и Грибовскаго уѣздовъ числомъ въ изѣскою сотень, а также остатки интеллигентіи изъ Вост. Галичинъ бѣженцы изъ районовъ военныхъ дѣ- ствій.

Былъ поданъ побѣдъ исключительно изъ товарищъ вагоновъ. Размѣстились мы кто куда. Въ моемъ вагонѣ помѣ- щались три сестры Стеранки учитель-

ницъ, г. Савчакъ съ дочерью Стефа- нией, учитель изъ Тылича Джуганъ съ дочерью, браты гимназисты Дуркоты Сергеѣ и Феодосій изъ Лобовы, остав- ляные всѣ женщины и дѣти. Нашѣ кон-войны, посыпъ изъ Мушинъ Юр-чакъ, на каждой станціи рассказывали спрашивавшимъ прохожимъ, кого вѣдѣтъ, всѣдѣствіе чего, конечно, мы были выставлены на постоянныи оскорблѣніи и побои со стороны спрашивавшихъ, а въ Жижицѣ обскочили насъ проѣзжавшіи на позицію уланъ и троицтво обкрадали по-падавшихъ имъ подъ руку арестован-ныхъ земликовъ. Послѣ трехднѣннаго, мучительнаго путешествія, проѣхавъ Венгрию на Прешбургъ мы очутились въ Стрии.

свич. Мих. Соболевскій.

Короснянскій уѣздъ.

Въ с. **Бонаровѣ** былъ арестованъ всадомицъ и писарь Петръ Завойский, нынѣ уже покойный. Онъ былъ душою села и его стараниями и трудами было раздѣлѣно мѣстное помѣщичье помѣстье исключительно между русскими насе- леніемъ съ Бонаровы.

С. Ваневка. Во второй половинѣ сентября 1914 г. былъ арестованъ безъ предварительнаго слѣдствія и положи- тельныхъ доказательствъ какъ либо ви- новности Григорій Мих Шуफлатъ и по- слѣ сутончаго заключенія въ Коросѣ бытъ отправленъ съ транспортомъ въ Тарефоргъ, гдѣ проဆѣдалъ до іюля мѣ- сица 1915 г. Затѣмъ послѣ двухнедѣль- ной конфинировкы въ Гиниѣ и двух- мѣсячнаго пребыванія на волѣ въ Пильзенѣ было ему разрѣшено вернуться въ Га- личину. Послѣ двухнедѣльнаго пребы-

ванія дома Г. М. Шуфлатъ былъ вто- рично арестованъ, какъ обвиняемый въ дезертирствѣ, что не согласовалось съ истинной такъ какъ Шуфлатъ въ первы же денъ своего приѣзда на родину какъ военнообязанный явился къ мѣст- ному учителю полку Лесинику. Учителю Лесинику занималъ въ это время долж- ность учителя, писара, войта и комиссара, а въ отношеніи къ русскому населенію цѣлой окрестности былъ истиннымъ бичемъ боянъ. Когда по указанию Леси- никъ явился жандармъ къ Шуфлату для вторичнаго его арестованія, сказалъ ему:

— Ну собирайся, побѣдѣшь говорить Богородицу.

Не сумѣвшій пинческимъ замѣ- чаніемъ жандармъ и великолѣпо созна- вая потуги австро-польской администра- ціи, стремившейся къ уничтоженію ма-

тѣшаша проявленія русскаго движенья въ Галичинѣ, Плуфлатъ спокойно отвѣтилъ:

— И Вѣрную знаю и Вѣрую буду говорить.

На допроѣ въ уѣздномъ старостѣ виновнаго вырѣзутъ въ лучшѣй премѣна, поддерживая русскій духъ и надежды среди мѣстнаго крестьянскаго населения.

Г. М. Плуфлатъ живъ до сихъ поръ и не поколебимо вырѣзутъ въ лучшѣй премѣна, поддерживая русскій духъ и надежды среди мѣстнаго крестьянскаго населения.

Вторымъ талергофцемъ въ с. Ва-невѣкѣ есть Григорій Мотовилікъ не-грамотный єдинокъ, попавшій въ Талергофъ и просидѣвшій тамъ полныи годъ. Дальше были арестованы въ Ва-невѣкѣ и сосланы въ Талергофъ Петъръ Мотовилікъ, неграмотный, которому не разобрѣено даже проститься съ болѣной ракомъ женою. Такы же судьба постигла Григорія Сем. Плуфлата, по профессїи исламчика и сельскаго писаря, оставившаго дома безъ всякаго обеспеченія нерпинобольную жену и троє дѣтей. Постѣній стоски за семью лишился въ Талергофѣ рассудка и бросился тамъ подъ колеса поѣзда. Похороненъ въ Талергофѣ „подъ сосновами“. Старій его сынъ Семенъ продолжаетъ просчитительную работу среди народа, начатую его покойнѣмъ отцомъ и прерванную австрійскимъ произволомъ.

С. Красна. Въ половинѣ сентября 1914 года явились въ деревню Красну коросинскіе жандармы и арестовали сельскаго старосту Алексѣя Яблонскаго, писаря Семена Вархолика, исламчика Петра Вовиняка и лапочника Напола Гайдайка

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: Всѣхъ этихъ людей хитростью заманили жандармы въ сособѣй Коринть будто бы для получения поучений и инструкций, какъ должно вести себя во время войны сельское населеніе, котораго наставниками они будто бы будутъ назначены. Крестьяне по своей простотѣ покорѣніи жандармской затѣи и безъ всякихъ предчувствій отправились въ жандармскій посты въ Коринты. Здѣсь однако имъ заявили, что это дѣло въ виду такъ сказать особой важности будуть устроено въ уѣздномъ старостѣ въ Коросно. Наши простечки отправились изъ собственной подводы туда. Пріѣхавъ въ Коросно сошли съ подводы и ждали на улицѣ передъ зданіемъ старости, пока позвутъ ихъ на мнимое совѣщеніе. По истеченіи какихънибудь нѣбуль десяти минутъ увидѣли они себѣ окруженніемъ солдатскими конвоемъ и не понимая вовсе происходившаго оказались такими образомъ арестованными. Первую ночь провели въ мѣстной тюрьмѣ, а подъ уѣздомъ были отправлены вѣѣть съ другими на желѣзную дорогу и увезены въ Талергофъ.

На станціи Доброй въ Вадовицѣ чуть не склонились они жертвой жестокаго самосуда озвѣрѣвшіе черни, подстремевшіе какимъ то фельдфебелемъ и только энергичнаго защита одного лейтенанта спасла ихъ отъ вѣрной смерти. Кто былъ этотъ благородный офицеръ неизвѣстно.

Бесспорно, арестъ этой произошелъ по чьему-то доносу, трудно однозначно безъ малѣйшихъ уликъ, единственное на основаніи предположений указывать на кого бы то не было пазырцемъ.

Не въ укоръ будь сказано нашей интелигентціи, вернувшейся домой и остав-

шася при жизни крестьяне чувствуютъ себя бодро и гордятсяѣмъ, что имъ пришлось пострадать за народную правду. Исповѣдуютъ одну идею, вѣѣть за нее страдали въ тюрьмѣ и желаютъ быть вѣѣты записанными въ памятную книгу талергофцевъ, которыхъ чисто имена-рдного единенія и австрійскій произволъ соединятъ въ одну великую семью.

Арестованній Петъръ Вархоликъ умеръ въ Талергофѣ отъ тифа.

М. А. Клеменко, учителя.

С. Рѣбникъ. За долго до войны под-готавливались австрійскими властями и ихъ исполнительными органами генеральный наступлѣніе и разгромъ коренного русскаго населенія въ Галичинѣ. Этотъ наступлѣніе проходитъ красной нитью на всемъ протяженіи исторіи Галицкой Руси; лати-низация церкви, попытки латинизаціи русскаго письма, затѣи придумательное введение фонетики были тѣмъ искусственными преградами, которыя постепенно но неуклонно прогрессируя разрушили русскія земли Галича отъ культурнаго единства съ русскимъ міромъ, подвергли неуклонно русскому населенію Галичину моральному параличу, уничтожая русскій обликъ коренного насе-дѣнія Галичиной Руси.

Въ Галичинѣ обивыаетъ по на-иѣнѣйшій день австрійскій законъ, которыи для скорѣшаго обезличенія галицко-русской народной массы налагалъ особыи налогъ на русское печатное слово и размѣръ 25% противъ такого же налога на печатное слово напольскомъ, а даже на еврейскомъ языке. Чего то болѣе австро-польскіе правители. За два или три года до войны эти опа-сенія, хранившіяся въ душѣ нашихъ сособѣй стали высказываться недулж-

но правилось правительство, стремясь галицко-русскаго народа къ просыпѣнію, и напытъ его молодежь изъ ученицы и явно и недвусмысленно начали говорить, что въ Галичину привезутъ русскіе рубли. Русскія деньги мереціиали написали праг-рамъ и въ нашей греческой иѣрѣ, иль козакоахъ, иль строющихъ церквяхъ, иль маѣтѣшихъ проповѣдѣахъ, протеста со стороны закрытого народа противъ грубаго покоренія его правъ, иль народныхъ читальняхъ и кооперативахъ, которыя росли по селямъ, какъ гиганты по небу. Могучи и вооруженная Авст-рия, сильнѣшіе материально цили, захвативши весь административный аппаратъ въ Галичинѣ въ свои руки, боялись русскаго народа. Такія опасенія привели австрійскую администрацію въ началѣ европейской войны къ поспѣхѣ головоного уничтоженія русскихъ Га-личанъ.

Въ августѣ 1914 г. явился въ Рѣбникъ шесть жандармовъ и первымъ долгомъ срываючи вѣѣтку „Русская школа“, находившую на зданіи сельской школы въ теченіи 70 лѣтъ. Арестованы крестьянина Павла Галько „за зbrodnię zbierania ofiary na serbski czescionwy krzyz w 1912 g.“ и скончавшаго отправлены въ Талергофъ. Конечно, „собирали на сербскій красный крестъ въ 1912 г.“, было вѣстою выдумкой и предлогомъ жандармовъ для арестований ненінаго, но весьма дѣ-тельнаго и сознательнаго крестьянина Галько.

Три недѣли наводили жандармы сиркви въ сособѣй селахъ относи-тельно благонадежности сіянъ. Меренія и перечитывали на почѣ въ Лончакахъ всю корреспонденцію поступающую на его имя. Трудно было имъ къ чему нибудь придраться.

1 сентября явился къ нижеподпи-
санному жандармъ въ сопровождении
двухъ солдатъ и произвелъ обыскъ.
Я былъ уже тогда благочиннымъ и хотѣ-
ше напечь ничего подозрительного, все-
таки вѣзъ мнѣ собираться въ южный
городъ для дачи показаний и списаній
протокола. Въ Кросѣ предъявлены мнѣ
три обвиненія: будто бы я собирали,
Богъ вѣстъ когда, на сербскій красный
крестъ, дающе, что я не разрывалъ
своимъ прихожанамъ ходить въ польской
костелъ въ Лончахъ, гдѣ настоятелемъ
былъ польскій кс. Антонъ Тенчаръ
и вконцѣ предъявляли издававшуюся
во Львовѣ газету "Прикарпатская Русь".
Что касается кс. Антона Тенчара, такъ
у насъ были съ нимъ счеты другого
характера. Онъ стремился перенести въ
латинство русскихъ крестьянъ въ селахъ
соседнихъ съ Лончаками, и боролся съ
этимъ по долгу своего духовнаго званія,
какъ священникъ русской церкви. Ксендзъ
Тенчаръ по этому поводу постоянно
распускалъ о мнѣ нехорошія слухи съ по-
литической закраской, тѣкъ что и въ концѣ
концовъ былъ принужденъ искать за-
щиты передъ австрійскимъ судомъ. По-
нятно ксендзъ Тенчаръ былъ уличенъ
въ низкой провокациѣ и тѣкъ проигралъ.
Этотъ фактъ повиномому и послужилъ
въ послѣдствіи причиной моего ареста.
На этотъ разъ посѣлъ допросъ меня от-
пустили домой. Но уже черезъ двѣ
недѣли арестовуютъ жандармы въ селѣ

войта Корнила Макуха, Василия Яскишку,
Михаила Помайбу, Иосифа Каминскаго,
Стефана Галько, псаломщика Михаила
Трамбу и меня и отправляютъ въ Ко-
росѣ, гдѣ уже была собрана въ аре-
стахъ почти вся русская интеллигентія
изъ южда въ числѣ 124 человѣкъ.
Былъ тутъ, помню хорошо, г. Дяковъ
Валерій съ женой ребенкомъ, гимна-
стикъ Колинскій, гг. Коc, Григоровичъ,
Копчакъ, священники Слоніцкий 54 лѣта,
Томовичъ съ женою, Войтовичъ, Чес-
нокъ, я 68 лѣтъ и др.

Тюремный режимъ изображенъ на-
длежащимъ образомъ другими, его я каса-
ться не стану. Сентября 29 дня возвращено
намъ отбраныя у насъ вещи кромѣ денегъ и мы погрузились въ вагоны.
Никто не зналъ, куда насъ несутъ. На границѣ Галичинѣ и Моравии перемѣнило
сопровождавшее насъ начальство написаніемъ мыломъ на вагонахъ надписи
"zdzajste" на "Landesverteigter", и за-
вило намъ, что мы едемъ въ Вѣну.
Селицъ Феодоръ Мерена.

Въ с. Чернорѣбикѣ были арестованы и высланы въ Талергофъ кре-
стьяне: Михаилъ Возникъ, Дмитрий
Сеньчакъ, Степанъ Сеньчакъ, Григорій
Сеньчакъ и сынъ его Фаддей. Послѣдний,
посѣлъ освобожденіи изъ заключенія и
определѣніи его на военную службу,
погибъ на полиціи.

Иванъ Мигалевскій.

Стрижевскій юздъ.

С. Пет. Воля. Казалось бы, что
безчестія австрійской администраціи
должны были происходить въ военное
время только въ Восточной Галичинѣ,
а въ Западной только тамъ, гдѣ рус-
ское населеніе живетъ компактной мас-

сой. Въ действительности же аресты
производились и въ тѣхъ мѣстахъ Западной Галичинѣ, гдѣ въ перемежу
разбросали русскія и чисто уже поль-
скія селенія.

Вездѣ, гдѣ только проникалась рус-
ская мысль, куда доходили печатныя
русскія изданія изъ Львова, доводимыи
цензурой, по большей части даже изда-
вѣ напечатанныи не въ литературномъ
языкѣ, а на мѣстномъ галицко-русскомъ
говорѣ съ сохраненiemъ единственну
историческаго этнографическаго пра-
вионасія — вездѣ ста наступленіемъ
военного времени проникали пушальнцы
австрійскаго правительства въ лице га-
лицкаго жандарма и извѣляли изъ на-
родныхъ массъ подогреваемыхъ въ не-
благонадежныхъ для Австріи образѣ мы-
шений. Ключекъ, случайно попавшаго въ
домъ жертвы, русскаго письма, взвѣзъ на
покупку сельскохозяйственнаго инвен-
таря, полученнаго крестьяниномъ въ од-
номъ изъ кредитныхъ русскихъ товари-
ществъ во Львовѣ, молитвеннага книжка,
напечатанна кириллицей, — все это
служило власти имущимъ предлогомъ къ
безчиненнымъ арестамъ и массовому
истребленію русского жителя въ Гали-
чинѣ.

Я былъ арестованъ въ концѣ ав-
густа 1914 г. жандармами изъ Корничинъ
и отправленъ на извозчикъ, которому
уплачено моими же деньгами — въ Кро-
сно. Послѣ шѣхъкоудочнаго стран-
ствованія изъ одного мѣста на другое
изъ сопровожденія жандарма и очутися

Сяноцкій юздъ.

с. Даліева. Во время арестованія
русскихъ людей изъ Сяноцкому юздѣ
въ 1914 г. состояло двое священниковъ
украинофиловъ Петра Левинскій и Ва-
силія Мигаль добрѣнными комиссарами
на судебнай окружѣ Рымановѣ.

Изъ нихъ особенно усердно подпи-
сался Мигаль въ приходѣ Даліева гдѣ
къ то время была русская читальня,

передъ смѣнившейся властью. Этотъ апизодъ довольно характеренъ для злчнаго пониманія психологии тѣхъ трусливыхъ и до мозга костей испорченныхъ людей, которые не взирали на свой вѣкъ и сантъ, пренебрегая всякой моралью не убоялись запачкать своихъ руку братской кровью пъ начемъ неповинныхъ людей пъ услову австрийскому произнозу и своимъ сепаратистскимъ стремленіемъ.

Б.

Въ августѣ 1914 г. былъ арестованъ въ Ольховскомъ Посадѣ Иванъ Вольчко-Кульчицкий и отправленъ въ Талергофъ стъ первымъ саночнымъ транспортомъ. Постѣдъ освобожденія ишь маѣ 1916 г. изъ Талергофа Вольчко-Кульчицкій прибылъ въ Ольховскій Посадъ, где всѣ его имущество было разграблено, а постройки сломаны и растащены.

Разгромъ редакцій „Прикарпатская Русь“ и „Голосъ Народа“ на канунѣ войны.

1915—1916.

ВОЗВРАТНАЯ ВОЛНА

австро-мадьярскихъ наслій.

Бобрецкій уѣздъ.

с. Старое Село. Результатомъ возвратной австрійской волны сѣльсованишъ по пятамъ отступающей русской арміи, явился отливъ новыхъ транспорто-транспорто-арестуемыхъ русскихъ галичанъ въ австрійскій тырмы и концентрационные лагеря въ западныхъ австрійскихъ провинцияхъ. Я былъ арестованъ вмѣстъ со своимъ шефомъ Федоромъ Ник. Дяковымъ по доносу бывшихъ австрійскихъ ступаковъ. Постѣдъ дантельныхъ странствованій по галицкимъ тырмамъ въ Львовѣ — Перемышль —

Краковѣ и поѣзѣ голода, холода и надругательства, и очутылся съ многими иными въ Вѣнѣ, а отсюда былъ отправленъ въ Талергофъ, где прожилъ до окончательной его ликвидации. Въ общемъ сидѣть и въ тырмѣ болѣе года, а затѣмъ вернулся домой. Въ Талергофѣ заставили меня иѣмъ возить тутъ булажники для постройки улицъ и мостовыхъ въ Талергофѣ. Передѣлъ самъ себѣ обѣзѣдѣніемъ и работалъ въ качествѣ столяра и плотника.

крестъ, Василій Н. Дяковъ.

Долинскій уѣздъ.

с. Подбережье. (Сообщеніе пок. Иоанна Бирчака). Первые бои перенесли, и въ своемъ приходѣ. Когда русские заняли Долинскій округъ, покоя не было, такъ какъ съышно было днемъ и ночью орудійный гулъ изъ Карпатъ. Ишь маѣ 1915 г. началось отступление русскихъ армій, а за ними тянулись заносами перенесенными обозы, бѣгущихъ изъ боязни передъ мадьярами, крестьяне. Ихъ сеѣвъ появлялись мадьярскіе части, а изъ моего приходѣстъ расположившись въѣгли. Началась упорная битва. Могутъ и 30 мадяровъ изъ села, собранныхъ на приходѣстѣ, ночевали въ по-

грѣбѣ, такъ какъ каждую минуту угрожала опасность быть убитыми отъ пролетающихъ пузы оскоюю. Вѣрь пуземетной стрѣльбы разгуль-разгуль проходила надъ приходствомъ, задѣвалъ и сильно порти криницу приходского дома, изъ подъ чего капитанъ Никоновъ по-свѣтотональѣ мѣтъ отправилъ дѣтей въ с. Тиссопъ. И сидѣть съ женой подъ камышинной стѣной дома, тоже спасаясь отъ позмокной смерти въ то время, когда началились штабы изучаты съ чердака русскій расположженія.

Около 8 часоітъ вечера лягли по ззорѣ приходства мадьярскій жандармъ

сь одним солдатомъ. Жандармъ заговорилъ къ полковнику на непонятномъ мадьярскомъ языке, изъ чего и понялъ одно слово „попа“. Предполагая, что разговаръ касается меня, спросилъ я полковника о причинахъ послѣденіи жандармомъ въ столъ необычное время моего дома. Полковникъ отвѣтилъ кратко по пѣмечки: „жандармъ приглашаетъ васъ въ Болеховъ для составленія краткаго протокола. Вѣдь это недалеко. До свиданія, отче!“ и покинулъ мѣръ руку, полковнику любезно простился со мною.

Въ Болеховъ отнесли меня въ жандармское управление, где комендантъ жандармерии Губертъ прочелъ мнѣ мои политическіе грыбы въ родѣ, что и главный воинъ въ уѣздѣ, устроилъ по литигійской собраніи, явился представителемъ мѣстной читальни, дальше, что въ виду распространенія иль уѣзда русофильской агитации отрекся отъ меня даже моя дѣла, что въ мое время приходствѣ единъ только учитель „украинецъ“, всѣхъ остальныхъ соратилъ я въ „русофильство“ и много другихъ несугражданъ. Я высушивъ скопиной всѣ обвиненія отвѣтилъ жандарму, что онъ шутитъ и что мнѣ пора вѣртаться домой.

Хотя я дѣйствительно явился представителемъ читальни, такъ въ этомъ не предусматривается еще ничего преступнаго, такъ какъ статутъ читальни утверждѣнъ австрійскимъ наимѣстническимъ.

— Въ даномъ случаѣ мы должны были дѣйствовать даже противъ воли наимѣстничества. Вы не пойдете домой, а заинчуете изъ школы — отыскать коменданта и вѣдѣть посадить меня въ арестахъ. Здѣсь было уже полно всякаго народа. Была полночь, и пристать на стулы. Смѣялись караулы, а съ ними

явился жандармъ-мадьяръ, конвоировавшій меня въ Болеховъ. Жандармъ пододорвался со мною и угостить сигарой и виномъ. Въ шесть часовъ принесли кофе, отъ которого я отказался, въ виду его сомнительного достоинства. Завтралагъ имѣть съ болеховскимъ жителемъ г. Ормизовскимъ, который подѣлился со мною полученнымъ изъ дома закускою. По полудни 20 сент. переведено насть въ судебные аресты. Я на дѣланъ допроса, однако же не дождался. Въ праздникъ Святославъ вечеромъ явился въ арестахъ иль капитанъ съ поручикомъ украинофилемъ Кордубомъ, склонный спященному изъ Бережанъ. Капитанъ обратился ко мнѣ слѣдующими словами: „Вы свободны, однако на основаніи мѣнѣній нашихъ добѣренныхъ вы неизвѣданны, потому будете выведены изъ предѣлъ Галичинъ. Вы выѣхали не въ сюи дни сопериши богослужѣніемъ для россіянъ“.

Я возвразилъ, что ввидимыя на менѣ обвиненія неѣрѣи. Богослуженій соперишились въ церкви по обыкновенію для прихожанъ, а случайнѣе участіе въ Богослуженіяхъ русскихъ воинскихъ чиновъ не дѣлаетъ менѣ преступникомъ, ибо входъ въ церкви доступенъ и „епре- и элинину“. Русскій солдатъ искалъ въ церкви не цолники, а мозиты. Тутъ мыѣшали въ нашъ разговоръ упомянутый поручикъ: „Стыдно свидѣнникамъ такъ поступать, вѣ баты, слишкомъ ужъ много масла на нашей головѣ!“

Я счѣтъ лучшимъ не отвѣтывать на замѣчаніе Кордубы и промолчать. Капитанъ дѣлъ мнѣ разрешеніе сходить изъ сопровождѣнія солдата домой за кое-какими вещами. Сопровождавшій солдатъ былъ безъ штыка, что означало илькоторую синисходительность со стороны

властей по отношенію ко мнѣ. Дома я засталъ уже другой штабъ, другихъ офицеровъ и послѣ краткаго разговора съ женой, ушелъ обратно въ Болеховъ. Сопровождавшій менѣ солдатъ помагалъ нести куонокъ.

25 сентября былъ я отправленъ 16 болеховскими мѣщанами, среди нихъ бургомистромъ Филлеромъ и г. Ормизовскимъ въ двумъ изъ м. Сколе, а именно г. г. Мушинскимъ и Конопкой въ горы. Въ Тыссоѣ и видѣлся со своими дѣтьми. Затѣмъ Ормизовскимъ, Филлеромъ и двоихъ скольскихъ интеллигентовъ вернули въ Болеховъ, а меня съ остальными направили въ Сколе, где мы прибыли около 10 ч. вечера. Конвоировавшій насъ солдатъ не имѣлъ никакихъ инструкцій относительно дѣльнѣйшей нашей судьбы, а потому решить заночевать среди базара, а утромъ видно будеть, где насъ пристроить. Изъ этого положенія вышелъ настъ прусскій жандармъ, проходившій мимо и вѣнчий нашему конвоиру свести насъ изъ жандармского управления. Утромъ насъ называли въ уѣздное староство. Староста увидѣвъ насъ сказалъ сердито: „Такъ, имѣсто гнать москалей они занимаются зонаемъ мирного наслѣдія!“ Затѣмъ предложилъ мнѣ лойти въ кабинетъ. Начался обыкновеній разговоръ. Узнаю отъ меня, что мнѣ не знаны причини моего ареста, староста уѣзжаетъ меня, что: „нѣвѣроѣто кто то имѣлъ личные счеты, которые сейчасъ выражаются денунциацией. Такакъ вещь можетъ и со мной случиться“ — закончилъ уѣздный староста по польски.

Начальникъ суда г. Тересцикъ, чтобы облегчить немногого мою участъ вѣзѣть тюремному сторожу выпускаль меня на свѣжій воздухъ, когда же при-

шло распоряженіе отправить илькоторые свободы въ Талергофъ, онъ посыпалъ мнѣ обратиться къ кому либо изъ знакомыхъ депутатомъ съ просьбой ходатайствовать обѣ освобожденій. Услышавъ, что я кромѣ депутатъ Левицкаго и Романчука никого больше не знаю, сопѣтывалъ къ Левицкому не обращаться такъ, какъ онъ по его словамъ есть „піеансупп“ Я не замедлилъ сейчасъ же составить письмо на бумагѣ, предложеній мнѣ любезно предсѣд. суда г. Тересцикъ.

Въ полдень проводилъ настъ жандармъ Кисинъ на вокзалъ. Вѣдь помнимъ троицкими по всей прѣятности, чтобы избѣжать нападеній со стороны городской терни. Вѣдь мыѣшали въ направлении на Лавочинъ. Здѣсь встрѣтился и съ одинимъ изъ своихъ прихожанъ Людвикомъ Л. Въ Мунітакъ конвоировалъ настъ кромѣ Кисиня скольскій епархъ Чуккеръ, пѣвшій всю ночь „коломыки“ не исключая езрѣскихъ, а потому не давші намъ спать всю ночь. Мадьяры пытались было подходить къ нагону, вѣдь которому мыѣхали, однако сопровождавшіе насъ жандармы выручили изъ бѣды прибѣгая къ неминной хиротости, что въ вагонѣ могъ бытъ не арестантъ, а Сѣменъ. Переѣхавъ черезъ Буда Пештъ и очутившись въ Вѣнѣ, мыѣшали изъ восточнаго на южній вокзала. Здѣсь съ помощью незнакомаго офицера, благодаря знанію ильмѣцкаго языка, и сработалъ переговорить съ дѣлъ Левицкимъ, однако получивъ отвѣтъ, что его ильть въ зданіи парламента, мыѣшали часу для сѣаніи въ пѣздѣ и черезъ Семеригъ отправились въ Абтиссендорфъ, предѣлъ Талергофа.

спец. Іоаннъ Барчакъ.

Залѣщицкій уѣздъ.

с. Зазулицы. Въ дополненіе и исправленіе извѣстія о моемъ и моихъ родныхъ арестованіи, поданному и подписанному моимъ братомъ въ І. ч. Альманаха 58 стр., сбѣдуетъ отмѣтить, что нойть Максимию Будренокъ, постаршися заснать насть въ австрійскую тюрму, была награждена австрійскими серебряными крестомъ заслугъ согласно газетнымъ официальнымъ сообщеніямъ. Именно по этому поводу было напечатано въ вѣнѣской "Wiciner Zeitung" и переведено краковскими, "Ustawoznawcami". Киргел-омъ Codziennu", № 74, отъ 15 марта, 1916 г.

В. К. Долиницкій.

Золочевскій уѣздъ.

г. Золочевъ. Меня арестовали австріи первый разъ въ 1914 г., но, благодаря уѣзду старостъ Пржыбліскому, черезъ недѣлю освободили.

Вторично я былъ арестованъ въ 1915 г., причемъ просидѣть 5 недѣль въ тюрьмѣ въ Золочевѣ, а затѣмъ 3 недѣли въ львовскихъ Бригадахъ.

Въ 1916 г. меня предали военному суду во Львовѣ, который составилъ обвинительный актъ по донесу одного ресторатора и крестъ М. Рудинского изъ с. Зарѣчья носилъ Золочевъ. Они донесли, будто я приказывалъ выгнанівать флаги

Семенъ Іл. Трука.
препод. гимназіи.

Мостицкій уѣздъ.

с. Пакость. — Шапа, встань!
жандармы пришли. — Будить меня dochь Наталия въ 10 ч. вечера 29 іюня, 1926 г.

Это было горячее, и я устроить себѣ постель въ клуѣ, на соломѣ. Цѣлый день было занять въ поѣзда, вѣчеромъ позвидѣ мадралъ въ сособнѣе сего четыре корни реквизированного зерна. Поднялся я съ трудомъ и нику

— обступило мою загороду шесть солдатъ съ фонарями. Ихъ комендантъ, жандармъ Богуцкий, кричать на мене: — Вставай, погулять съ „москалями“, а теперъ плащъ за ними? а гдѣ награбленныи вещи? а русскій катехизисъ кто читай?

Ничего не отвѣчу жандарму. Знаю, что меня сейчасъ уведутъ, иду

въ хату, одѣваюсь и прощаюсь съ се-
мьею.

Меня увозятъ на подводѣ въ м. Крукеничи. Помѣщаются въ волостномъ арестѣ. Просидѣть я тутъ всю ночь, а подъ утро приносить мнѣ жена пищу и немного денегъ.

Черезъ день утромъ пришѣлъ изъ камеры жандармъ Богуцкий и заявилъ, что отвѣтствуетъ мнѣ въ Самборѣ.

Передъ отѣзгомъ прибѣгаешь и то-
рично жена и разсказываетъ, что послѣ
моего ареста солдаты навязались серіозно
за работу. Перенесли исѣ углы, перे-
трили исѣ солому, постель, чѣрдакъ,

перенерули всю мебель, даже иконы.
Обулили со стѣнъ штукатуру и изра-
ли всю семью въ оградѣ. Мою библио-
теку сожгли, а товары въ моей лавоч-
кѣ разграбили.

Въ Самборѣ послѣ составленіи про-
токола опредѣляютъ меня на сборный
пунктъ при узницѣ М. Качинскаго № 5.
Тѣсно было дѣлѣ, такъ какъ ежедневно
прибывала сїѣжая партия такихъ же,
какъ и я арестованныхъ.

9 полѣ ночью отстали наше иѣ-
сколько членовъ на вокзалѣ и отпра-
вили черезъ Буда-Пешти на западъ.

Иванъ Клеменъ

Русско-равскій уѣздъ.

с. Наменна-Поминовъ. Въ 1914 г. никогда было нашимъ недругамъ заняться истребленіемъ русскихъ людей на нашемъ селѣ.

Въ 1915 г. которыхъ личности ли-
я, что пахотныи земли разбѣжанскими
и врестонянскими крестьянами въ сосѣ-
днихъ селеніяхъ отдаются распоряжені-
емъ властей въ завѣдываніе донѣрен-
ныхъ лицамъ, постарались и у насъ

устроить нагонку на сознательнѣйшихъ
крестьянъ. За дѣло взяли мѣстный си-
ней съ комендантъмъ жандармскаго по-
ста Францомъ Дембоничемъ, а помогали

имъ въ нечестивомъ дѣлѣ нойти украин-
офиль Иванъ Банахъ и его замѣститель
Иванъ Иванецъ. Имъ мало было арестовать членовъ и отпринуть по
назначенію, то есть къ допросу или
уже въ худшемъ случаѣ прямо въ
тюрьму. Обыкновенно явились они къ
крестьянамъ въ команѣи ихъ-коханыхъ
ландинтурмистовъ и избивали погонюю

исѣѣ членовъ семьи намѣченной жерт-
вы. Терроромъ донеси нашихъ кре-
стьянъ до того состоянія, что тѣ, чтобы
смягчить гнѣвъ гроховыхъ лихощѣдѣй
откупались у нихъ продуктами, а мѣ-
стного еврея крестьянство истребляло
страха ради низкими поклонями.

Въ селѣ Каменка Поні. были аре-
стованы и сосланы въ Талергофъ сла-
рианіи упомянутыхъ личностей: Лука Ів.,
Вонкъ, Николай Сакомаха, Гаврило
Подсусекъ, Васінай Клубъ, Григорій
Комінарь и Андрей Перетитко. Въ
1917 году вернулись изъ ссылки домой
тѣ изъ арестованныхъ, у которыхъ бы-
ло крѣдѣкъ здоровье. Остальные не пе-
ренесли побоевъ и лишеній и остались
навсегда въ Талергофѣ.

Сбѣдуетъ замѣтить, что трое сы-
новей Луки Вонка служили въ австр.-
арміи въ то время, когда отецъ ихъ
томился въ тюрьмѣ.

Григорій Лукачъ Вонкъ.

Изъ Стрыйскихъ горъ.

Гаухіе слухи о новой кровопой-
расправѣ позорившихъ австро-надѣль-

каръ начинаютъ подтверждаться.

Узнаемъ, что въ с. Синенодскѣй вынужнемъ, заливтомъ австрійцами 17-го октября, побѣжены сѣдѣющіе крестьяне: М. Кональ, П. Кональ, И. Герасимовъ, Н. Джуся, И. Матвіинъ, А. Кональ, Ф. Гудзъ, И. Кональ, И. Федоришинъ, И. Горбаль и П. Джуся за то, что они по приказанію русскихъ военныхъ взятій, помогали при постройкѣ моста, а одинъ 16-лѣтій мальчикъ за то, что его мать выстирала бѣлыя русскіе солдатамъ. Въ с. Типчонъ убитъ австрійцами Г. Воронъ, а въ с. Синенодскѣй нижнемъ — С. Кучера.

Ярославскій уѣздъ.

Въ Ветлинѣ, мадьяры ворвались съ улицы, ходили въ разныхъ направленіяхъ со списками въ рукахъ, и тѣ дома подѣлъ которыхъ они останавливались, были немедленно поджигаемы. Такъ какъ почти не было дома, который не удостаивался бы ихъ вниманія, то населеніе угрожало полное разореніе. Къ счастью во времена подоспѣвшихъ русскихъ казаковъ и застаний мадьяръ прекратилъ свою бешинствѣ.

Въ с. Святомъ находилась церковь особенно любимая приходомъ. Мадьяры нойда въ Святое открыли храмъ и поставили туда своихъ лошадей покрывая ихъ церковнымъ облаченіемъ; офицеры расшивали за престоломъ водку и устраивали оргіи; тамъ же они отправляли естественный надобности. Большую икону Богоматери мадьяры вынесли изъ окопъ устроивъ тамъ изъ нея родъ прикрытия. При отступлѣніи австрійской арміи церковь была взорвана тѣми же мадьярами.

Въ с. Сосницѣ превратили мадьяры церковную ограду въ нисѣлицы. Ворвались въ селеніе, они прежде всего арестовали на улицѣ попавшихъ въ ихъ

Послѣдній шагъ домой черезъ лѣсъ и тамъ былъ захаченъ и раструблънъ австрійцами.

„Прик. Русъ“ 1915 г. № 1594.

Какъ австрійцы поднимали селенія? Прибывающіе изъ окрестностей Турки крестьяне показывали куски чистаго фосфора, найденные ими на крышахъ своихъ домовъ. Мадьярскіе войска отступая изъ турецкаго уѣзда бросали на соломенные крыши съ цѣлью поджога куски фосфора. Такимъ образомъ сперію рѣдко русскихъ селеній.

„Прик. Русъ“ 1915 г. № 1594.

руки мѣстныхъ крестьянъ Илью Якимца, Ивана Шустака, Андрея Гордѣя, Николая Сѣнѣгorskонца, Илью Яворскимъ и Ианну Кошку. Затѣмъ сознавъ все населеніе офицеръ объяснилъ, что австрійское правительство будетъ всегда „вотъ такъ расправляться съ изгнанниками“, — и адѣсъ же на глазахъ жителей села арестованные были побѣжены, причемъ подъ трупами первыхъ трехъ были разложены кости и тѣла сожжены. Останки селенія мадьяры извергли церкви.

Въ с. Маковискѣ было сожжено 140 загородъ.

Въ Ярославскомъ уѣздѣ вообще, вѣдѣтъ гдѣ проходили мадьяры, останавливались лишь груды развалинъ и множество бесприютныхъ сирот. Боязниство населения разоренныхъ мѣстечекъ и сель приуждены были жить въ устроенныхъ землянкахъ, благодаря произволу австрійскихъ нѣсколькіхъ.

Въ д. Медеѣвѣ^{*)} произошло слѣдующий случай. Тамъ жилъ синайский крестьянинъ Илья Кональ. Го-

^{*)} По доносу свящ. Н. Крайчика

да 2 или 3 назадъ онъ умеръ оставивъ жену съ нѣсколькоими дѣтьми. Австрійцы вступили въ эту деревню, спросили прежде всего, гдѣ живеть Кональ, а когда узнали, что онъ давно уже умеръ, сказали его женѣ: „Тогда одѣвайся ты и пойдешь съ нами. Все ран-

но“... Ничего не подозрѣвая женщина послѣдованна за солдатами, а тѣ привели ее изъ сосѣднюю деревушку, побѣжали на деревѣ вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами.

„Прик. Русъ“ 1915 № 1594.

ЛЕМКОВЩИНА.

Западная окраина Карпатской Руси (Галичина) представляетъ собой пе- чальную картину. Всѣ русскіи села почти пусты, дома жителей разграблены; крошки дражайшихъ старииковъ, мужчины почти не истрачиваются, женщины же держатся въ сторонѣ и на всѣ вопросы только поклоняясь плачами отвѣчая одно и тоже: „не знаю, ничего не знаю“. Чувствуется тяжелая атмосфера, въстрѣчныхъ замѣчается страхъ и печаль. Это послѣдствіе австрійскихъ издѣятельствъ надъ мирными русскими населеніемъ.

Мазепинцы, которыми на Лемковщинѣ являются не мѣстные люди, а пріезжіе изъ Вост. Галичина, исклю- чительно учителя, священники и жандармы, завѣдомо скуда присланные, созданы въ моментъ объявленій войны одну общую организацію, съ цѣлью уничтожить русского духа среди мѣстного населенія посредствомъ доносовъ. Ихъ-то наши крестьяне, въ особенности Горлицкій и Грибовскій уѣздахъ, боились больше мадьяръ, такъ какъ они всюду проникали, неѣдъ подслушивали. Довольно было кому нибудь изъ русскихъ несчастливо высказаться о комъ нибудь изъ „украинскихъ“ агентаторовъ, чтобы на слѣдующій день быть свидѣнными жандармами. Такъ и пр. въ с. Лосе, Горлицкаго у. неосторожное

слово сказанное въ сердцахъ одниимъ крестьяниномъ послужило поводомъ къ арестованію и отдаче подъ военный судъ за обвиненіе въ государственной измѣѣ въ крестьянъ.

Уже въ самомъ началь мобилизаціи были арестованы и вывезены всѣ священники и интеллигентные крестьяне. Чтобы случайно не осталитъ кого-нибудь изъ опасныхъ „москофиевъ“ на свободѣ, уѣздные начальники получили приказъ пользоваться всѣми указанными и соображеніями мазепинскими дѣятелей и арестовать всѣхъ, на кого они указуютъ. Однимъ изъ видѣвшихъ такихъ соѣдѣній уѣздного начальства въ Синюхѣ былъ настоятель мѣстного юніатскаго прихода и мазепинскій организаторъ кс. Эммануилъ Константиновичъ. Благодаря его заботливости въ Синюхѣ и въ уѣздѣ арестованы всѣ русскіе люди принимавшіе малѣйшее участіе въ народной работѣ. Эта же склонность до того, что самъ лично ёздить по селамъ и собирали свѣдѣній, прѣбѣгая неоднократно къ провокации.

Кромѣ арестовъ происходили также казни. Отступая австрійцы многіхъ низводили въ собой и выбрасывали по дорогамъ, или собирали изъ одномъ мѣстѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ и казнили. Бургомістръ Синюха полякъ Адольфъ

Рудницкій рассказывает, что въ Сянокѣ, кромѣ мѣстныхъ жителей военныхъ власти казнили нѣсколько десятковъ крестьянъ, но кто они такие, откуда ихъ привели мы не знаемъ. Намъ сказали только, что это опасные „москофилы“.

Горлицкій уѣздъ.

Въ с. М. горлицкаго уѣзда жандармы, подъ руководствомъ бѣлзинскаго и затѣмъ новогранитнаго мѣстного синода, мавеница Игнатія Залда, приводили обыски въ крестьянскихъ домахъ ища какихъ то прокоммюніц и военныхъ картъ, когда же таковыхъ не нашли, взыскивали по указанию того же священника молитвенные книжки надѣяніи льновск. Ставроп. Института.

Усердное сожѣлѣніе оказывали ан-

Съ Дуклянского перевала.

Во Львовъ привѣжаютъ ежедневно все новые и новые гонодные оборванные щѣльцы изъ западныхъ окраинъ Галицкой Руси, такъ называемой Лемковины, и эта особенность изъ окрестностей Дуклы, Змыгорода и Горлицы-Они, очертая голову щѣгутъ изъ родныхъ мѣстъ, отъ ужасовъ вражеской расправы, отъ страшного привира голодна и холода.

Жалкое впечатлѣніе производитъ вѣнчаный видъ нечастныхъ щѣглецовъ, но уже прямо потрясающимъ комаромъ вѣзть отъ нихъ рассказы о перекиныхъ имъ ужасахъ. Щѣглецы привѣжаютъ чаще всего въ одиночку — женщины, старики, дѣти, рѣдко 3—4 лица одной семьи, но изъ каждой семьи обязательно недостаетъ кого нибудь. Мать потерпѣла дочь, синь отца, малыши дѣти родителей и т. д. Однихъ убили австро-іцы, другихъ, въ особенности жен-

щинъ, увезли съ собою въ Венгрию на дикову поѣзду, иные бѣгали передъ изъ зѣрствами и по недѣльямъ скрывались въ лѣсахъ.

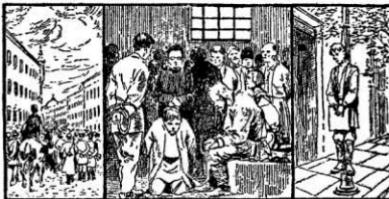
Жестоко и беспощадно расправлялись австро-іцы съ населеніемъ Лемковины за его русскіи убѣждѣніи и горячую любовь къ своему прошлому. Большинство сего сожитія до тла, много священниковъ и крестьянъ казнено безъ суда и суда, а тысячи народа арестовано и вынужено вглубь Венгрии и Австро-іи.

Въ особенности жестоко мѣстныя лемкіи посыпъ временного отступленія русскихъ войскъ. По многимъ селамъ австро-іскіе жандармы производили новые тщательные обыски, ища, главнымъ образомъ вовнѣйший Верх. Главнокомандующаго къ русскому народу.

„Прик. Рук.“ 1914 № 1477.

Больше всего казнено крестьянъ изъ тѣхъ селахъ, въ которыхъ побывали уже казаки и откуда затѣмъ русские отступили.

„Прик. Рук.“ 1914 № 1477.

БУКОВИНА.

Аресты русскихъ буковинцевъ начались со объявленія войны Россіи.

Еще изъ начальъ болканскихъ войскъ состояли доѣрѣнныя лица изъ украино-іской фракціи по всѣмъ селамъ Буковины: точные списки т. н. „руссофіловъ“, не поклонниковъ идти на уязви барона Николая Вацлава, Степана Смал-Стоцкаго и Змѣянина Поповича. Эти списки, составляемые украино-іскими, отдавались комендантамъ чироницкой жандармеріи майору Фишеру Штурму со всѣми собранными „доказательствами“.

Кромѣ этого, „доказательства“ собирали усердно доѣрѣнныи черновецкій поліціи Францъ Недѣль. Каждый, кто только находился изъ какомъ-нибудь отношении къ русской народной партіи, кто читалъ или писалъ русскіи газеты и книги, кто былъ членомъ русскихъ обществъ, читалъ и пожарныхъ дружинъ, а не хотѣлъ поклоняться ма-

зинскимъ богамъ, тотъ записывался въ черную книгу. Не спѣлъ также черновецкой прокурорской надзиратель въ лицѣ „штатка по руссофільскимъ дѣламъ“ Примингеръ. Всѣ они ворко сѣдили за проявленіемъ культурнаго русскаго движенія на Буковинѣ.

По наущенію этихъ доѣрѣнныхъ лицъ закрыто 7 маѣ 1910 г. всѣ русскіи народныи общества и воспитательные приюты въ Черновицахъ, а ихъ имущество было конфисковано.

Съ тѣхъ поръ всѣ жандармскіе пункты на Буковинѣ начинаютъ вести точные списки „руссофіловъ“, пополняя ихъ старательно отъ поры до времени неофитами и донося по начальству въ мельчайшихъ подробностяхъ о малѣйшемъ проявлении русской жизни среди православныхъ русскихъ буковинцевъ.

Въ 1914 г. арестованія начались въ началѣ августа.

Первыми были арестованы священники: др. богосл. и архид. экзарх Кассиан Богатырец изъ Веренченки, архид. экзарх Дионисий, Кисель-Киселевский изъ Садыгоры, Семенъ Водолушукъ изъ Васловецъ, Димитрій Дроботъ изъ Задубронки и Емельянъ Маковьевичъ изъ Черновки. Профессоръ чернинъ, богосл. ф-тъ прот. Евгений Козакъ съ семьей былъ сосланъ изъ Залізбурга, а о. Корній Томашевичъ въ Градецъ.

Дальше были арестованы священники: Антоній Тофанъ изъ Плоской, Николай Джуремій (румынъ) и изъ Боронецъ съ сыномъ Иоанномъ Шоршомъ, Илларіонъ Преличъ (румынъ) и Феодоръ Ракъ, унатъ, священникъ—оба изъ Раранча, монахъ Кирилъ Козаркевичъ изъ монастыря Драгомірна, монахъ Германъ Ганинъ изъ св. Пантелеймонова монастыря на Афонѣ.

Затѣмъ дополнительны были арестованы супруги православныхъ священниковъ: гж. Савинна Маковьевичъ (умерла въ 1915 г. въ Талергофѣ) и Эмилия Рахмистровна; Иоаннъ Мильчукъ съ женой Еленой, учительницей изъ Садыгоры; сироты по праносу: священникъ Мильтиадъ, Фемистоклъ и Аристидъ Гуменюки, ученики въ возрастѣ 9, 11 и 14 л.; Петръ Панковичъ—начальникъ станции въ Барбонцахъ, около 1.600 русскихъ букоинцевъ крестьянъ, проидшіихъ по различнымъ тюрьмамъ букоинскимъ, галицкимъ, угорскимъ и стрыjsкимъ; около 150 липованъ (старообрядцемъ, давнишнихъ выходцевъ изъ России) изъ Бѣлої Криницѣ и Климовецъ со своимъ єромонахомъ о. Макаріемъ были въ Талергофѣ.

Чтобы народъ, видѣвший арестованія свойствъ передовыхъ людей, не понималъ, распустили жандармы слухи, что у одного священника найдены военные

планы, у другого амуниція, у третьяго боечинъ съ русскими имперіалами, у иного переписка съ россійской арміей и т. п.

Всѣхъ арестованыхъ помѣщено сначала въ мѣстныхъ уѣздныхъ арестахъ, а въ теченіе слѣдующей недѣли они были перенесены въ тюрьму чернонѣцкаго уголовнаго суда.

Изъ мірской интelleгентіи были еще арестованы: адвокатъ Евгений Гакманъ изъ Черновки, Кароль Могильницкий съ супругою изъ Серета, учителя и преподаватели: Каролъ Шоршъ Тодосасъ, Ліцію, Настасія, Василій Ора; мѣщанъ Василій Нагорнякъ изъ Черновицъ; студ. богословіи: Гаврилъ Ва-силичъ изъ Рени, Петръ Мойсій изъ Репуцинента, Алексей Союзъ изъ Вапшовецъ, Анастасія Тарновецкій изъ Боронецъ, Степанъ Фотій; судья Володимиръ Смеречинський изъ Застаніи, помощ. прис. поѣбр. Константінъ Смеречинський изъ Садыгоры, Николай Рахмистровичъ изъ Черновицъ, также нѣсколько псаломщиконъ: Яковъ Богданъ, Яконъ Бульбука, Леонтій Кейванъ, Онуфрій Лемінъ, Парфеній Драбикъ, Антоній Діаконовичъ, Іванъ Речукъ, Парфеній и Александръ Маковьевичъ, Евгений Лупашко, Епифаній Бачинський, Іванъ Бонинъ и множество другихъ, которыхъ имена и фамиліи установить не представляется возможнымъ.

Въ половинѣ августа были переведены арестованные частями въ Станиславовъ. Тутъ занесли имъ острогъ "Дубронъ" и тюрьма окружного и военнаго судовъ, остальныхъ же насыпалъ изъ тюремъ Олмікти, Берна, Никомль, Бистрицъ и др., куда также ссыпалъ галичанъ и угророссонъ.

^{*)} Былъ вскорѣ освобожденъ.

Подъ конецъ августа мѣсяца привезено въ Станиславовъ сортировка арестованыхъ на группы: несмы опасныхъ, менѣе опасныхъ и новое неопасныхъ "руссофиловъ"—арестованыхъ на основаніи доносовъ и безъ та-кового основанія.

Разыгравшіяся тогда не въ пользу австрійцевъ военныхъ событий заставили австрій администрацію въ сільшімъ порядке выслать заточниковъ въ тубу Австро—одинъ изъ Талергофъ, иныхъ въ Тересинъ.

Букоинцевъ отправили почти всѣхъ непосредственно въ Талергофъ или же съкративъ остановками на передаточныхъ лагеряхъ въ Зитцендорфъ и Оберголлабрунъ.

1. Каразъ Качконскій	изъ	Сторожинецъ	269	1914 г.
2. Петръ Красовскій	"	Панки	окт.	"
3. Дмитрій Кручко	"	Глубокой	22/10	"
4. Василій Горюшъ	"	Сторожинецъ	20/10	"
5. Василій Гандокъ	"	Глубокой	20/9	"
6. Емельянъ Головачъ	"	"	22/9	"
7. Георгій Ілінка	"	Брошковецъ	19/9	"
8. Ілья Лупашко	"	Волоки	7/9	"
9. Трофимъ Лупашукъ	"	Глубокой	28/10	"
10. Георгій Мелянка	"	Вез. Кучурова	3/10	"
11. Флоръ Оларашъ	"	Ропча	18/9	"
12. Паращенко Олярашъ	"	"	18/9	"
13. Георгій Рыбарукъ	"	Тростынна	ноябрь	"
14. Іванъ Рогатиновичъ	"	Жадови	17/9	"
15. Іванъ Стефановичъ	"	Вез. Кучуровы	окт.	"
16. Конст. Стороцукъ	"	"	окт.	"
17. Василій Цыганюкъ	"	Дубовца	25/10	"
18. Василій Вижнюкъ	"	Глубокой	22/10	"
19. Феодоръ Хабалло	"	Волоки и. дер.	9/12	"
20. Ілья Геремчукъ	"	Висш. Шеровецъ	сент.	"
21. Ілья Модованъ	"	Чорнавки	сент.	"
22. Іванъ Новекъ, лип.	"	Молодієва	28/9	"
23. Ст. Червінскій	"	Чорнавки	окт.	"
24. А. Тарновецкій	"	Красна Ильскій	"	"

Когда арестованныхъ перенесли изъ арестовъ на Станиславовъ нок-заль, на нихъ надали съ саблями и кольями бѣжанціе изъ подъ Галича австр. узаны, мадзарскіе обовные и мѣстная польская жељбандорожная при-слуга. Перо не въ состояніи описать происходившаго. Священникъ Дроботъ и монахъ Козаркеница избили до крови. На станціи Дешлятина повторилось нападение со стороны толпы, руководимой и подстрекаемой директоромъ черновецкой рум. гимназіи Бужоромъ, въ то время поручикомъ, а на венгерскихъ стан-ціяхъ были арестованные избиваемы мадзарскими офицерами.

До сихъ поръ удалось мнѣ составить далеко не полный списокъ понѣ-шенныхъ буковъ, русскихъ крестьянъ:

25.	Василий Дущакъ	"	Вел. Кучурона	янв.	1915.
26.	Прокофий Яцко	"	Волавца "	апр.	"
27.	Иванъ Оларъ	"	Волавца "	апр.	"
28.	Николай Сушинскій	"	Вел. Кучурона	янв.	"
29.	Адрианъ Яремко	"	Топоронецъ	Пасха	"
30.	Михаилъ Демчукъ	"	Нон. Мамаенецъ	мартъ	"
31.	Петръ Завадицъ	"			"
32.	Евстафий Червинскій	"	Чорнавки" на Цѣлѣт. нед.	"	"
33.	Димитрій Руданъ	"	Погорѣлочки	21/3	"
34.	Степанъ Гуменюкъ	"	Боничука	апрель	"
35.	Андрей Чуприкъ	"	Чука	мартъ	"
36.	Николай Андріецъ	"	Кисиленко	18/5	"
37.	Михаилъ Балабанчукъ	"	Брязинъ	июль	1916.
38.	Ст. Балабанчукъ	изъ	Фундуль Модловей	июль	1916.
39.	Миронъ Чуперковичъ	изъ	Фундуль Модловей	июль	1916.
40.	Ефимій Ерганъ	"			"
41.	Артемій Громада	"	Брязинъ	"	"
42.	Дмитрій Русанъ	"	Фундуль Модловей	"	"
43.	Артуръ Шекъ	"	Нижн. Викова	апр.	"
44.	Юрданій Романчукъ	"	?	14/1	"
45.	Петръ Макаренко	"	Топоронецъ убить жанд.		"
46.	Памфілій Куларенко	"	Ропча	16/3	1917.

Святодухъ.

Политическое положение русского народа въ Буковинѣ въ началѣ войны.

Параллельно съ гонениями со стороны австро-венгерского правительства русского народа въ Галичинѣ и на Угорской Руси въ лице его совокупительныхъ представителей, интеллигентовъ и крестьянъ, группирующихся въ Русско-народной Партии, шло тоже и въ Буковинѣ.

За каждымъ шагомъ ея ревнитицъ, (оснований ли сельской читальни или дружинъ, собраний или изданіе газеты) саждали ворко и здѣсь различные правительственные органы, поддерживаемые "украинскую" фракціею, стоящую подъ командаю снохъ лидеровъ Николая Василька, д-ра Стефана Смаль-Стоцкаго,

препод. Іерофен Пигулникъ и краевого школьного инспектора Емельяна Поповича. Въ каждомъ проповѣдѣ ея жизни чуяли уже "государственную измѣну".

Со временемъ выработались въ этомъ направлѣніи даже "специалисты", а именно краевыи комендантъ жандармеріи полковникъ Едуардъ Фишеръ, съгѣтникъ полип. дирекціи Францъ Недѣль и государь прокуроръ Маркусъ Примингеръ.

Невидимая рука слѣжки за Русско-народную Партию, особенно за спицениками, принадлежащими къ неѣ, высала на "украинское" учительство (а такими было оно вѣдь почти все), пребывавшее

подъ тяжелымъ кнутомъ своего краевого инспектора Поповича, добившагося за свою "васяту" степени краевого школьн. инспектора. Онъ задалъ подѣдомственному ему учительству задачу поддерживать въ русскомъ народѣ "украинскій духъ", руководить всѣми "украинскими" читальнями, сбчами, касами, ворко слѣжть за каждымъ движениемъ Русско-народной Партии, парализовать ея и обо всемъ доносить. Во время выборовъ въ законодательныи учрежденія "украинские" учители оставляли свои школы и цѣлыми недѣлями шатались по селамъ, агитируя за правительственные кандидатовъ.

А если кто изъ учителей не "дѣлаетъ" въ указанномъ направлѣніи, то бѣгъ изъ немилости Поповича. На какое-нибудь прошеніе со своей стороны или слышать отъ него сейчасъ фразу: "не знаю вѣсъ, пане! вы ни-чего не дѣлаете.."

"Украинская" партія доставляла также правительству всевозможные "материалы" для "черной книги", на которой значились всѣ члены Русско-народной Партии и всѣ подписчики русскихъ газетъ. И на основаніи этихъ сѣйчайныхъ дополнялись по приказу краевой команды жандармеріи "Russischen Fasizitk", веденные на каждомъ постѣ жандармеріи.

Въ началѣ балканскихъ войнъ были разосланы на провинцію даже агенты съ печатными формулами, въ которыхъ виселись различные замѣчанія о "русскофіалахъ".

Помимо, какъ однажды когда я сидѣть, въ это время, имѣть съ моимъ семействомъ и оливимъ случайнымъ гостемъ за обѣдомъ, поступать это во мою дверь.

Всѣль управитель народной школы въ Высшихъ Шеронцахъ. Исполнить Владъ,

одинъ изъ видныхъ укр. организаторовъ и агитаторовъ, и изинясь, за безопасность, заявлять: "Прихожу къ вамъ, отче, въ крайнемъ возмущеніи, чтобы запретствовать противъ мошенничества, сдвигаться какого я сейчасъ былъ" На мой вопросъ: вѣдь чѣмъ дѣло? — разсказывалъ онъ намъ, что въ кабинѣ Садагорского корумпированнаго, очень ревнаго украин. агитатора Дим. Гричука, како-то субъектъ изъ украин. правлѣнія Черновицъ выполняетъ при помощи наѣско-лькихъ украин. учителей опросные листы, касающіеся поодинокихъ "русскофіальныхъ" спасибонониковъ, пасломщиковъ и крестьянъ Садагорской окрестности.

Гоненіе австр. правительствомъ буковинско-русского народа, а особенно Русско-народной Партии, велось до 1910 г. довольно скрыто. Оно объявлялось въ частой конфискаціи и пристановленіяхъ газетъ, въ недопущеніи заграничныхъ русскихъ газетъ и книгъ, даже богослужебныхъ и молитвослововъ, въ тайномъ наблюденіи жандармеріею, посиліе и ихъ конфидантами въ поединоки лицами, обществами и ученическими бурсами, въ недопущеніи на государственную службу лицъ, принадлежащихъ къ Русско-народной Партии, въ исключеніи изъ школъ русскихъ учениковъ за чтеніе русскихъ книгъ, также за нерасположеніе къ праслованію, которое считали однимъ изъ видовъ "русскофіала", и, наконецъ, въ явномъ и огнестрѣльномъ покровительствѣ "украинцевъ".

Только изъ 1910 г. рѣшилось правительство подъ давлѣніемъ Николая Василька нанести Русско-народной Партии смертоносный ударъ.

Распорѣженіемъ отъ 29/4 1910 № 2348, 2406 и 2430 Praes. при-

калаю оно закрыть дні 7 мая 1910 г. черновицькі общества: „Русско-православный Народный Домъ”, „Дѣтскій Приютъ”, „Общество русскихъ женщинъ”, стулъ „Карпата” и состоянія при первыхъ двухъ обществахъ ученическія бурсы, выбросивъ воспитанниковъ по проргу на улицу. Того же дня, даже въ той самой часъ, были произведены у всѣхъ видѣнійшихъ нашихъ людей нѣ Черновицахъ и на прониціи комиссарами помініи при многочисленной ассистенціи строгіе обски.

Въ то же время затѣмъ австро-венгерскія власти прошесъ противъ русскаго народа, живущаго въ предѣлахъ монархіи, а вѣрѣе говори, три процесса: одинъ во Львовѣ — противъ русскихъ галичанъ, другой въ Черновицахъ — противъ русскихъ буковинянъ, а третій въ Венгріи — противъ угророссовъ, вмѣнія всѣхъ въ нину государстvenную измѣнѣ.

Съ муравицкимъ прилещеніемъ начали специалисты по дѣлу русофильства собирать „матеріала” для затѣнныхъ процессовъ, разыгравъ по городамъ и деревнямъ, допрашивая тысячи „свидѣтелей”. Венгерскіе и галицкіе слѣдователи скоро вывалились изъ нозаденіи на нихъ задачи и пустили въ ходъ 1913 и 1914 г.г. Мармарощь-Сиготскій и Львовскій процессы. Между тѣмъ черновицкій судебный слѣдователь сонѣти. Леманъ и госту прокурору Примингерту медленнѣ изъготовленіемъ обвинительного акта, хотя вали подъ арестъ цѣлую семью Геровскихъ, братъ дра Алексѣи и Егора, ихъ мать Алексѣю и сестру Ксенію и допросили за помощью галицкихъ, венгерскихъ и буковинскихъ судонъ тысячи свидѣтелей. Сколько труда они наложили иль, что дѣло, доказывая 60 толстыхъ то-

мънъ протоколъ и 28 объемистыхъ фасцикуловъ съ „согрога delicti“. Такжѣ произведены были строгіе обски у обжалованнѣхъ. Не смотря на это, „матеріала” все еще были слишкомъ скучны, чтобы пустить иль ходъ дѣло Vr. VII, 81/14.

Какими способами пользовались власти при добываніи уликъ, да послужить слѣдующее. Я состоялъ отъ многихъ зѣтъ въ перепискѣ съ однимъ монахомъ русского св.-Пантелеимоновскаго монастыря по сн. Алоїи. Содержаніе сихъ переписокъ было чисто религиозно-духовное. И эта переписка обратила на себя вниманіе властей. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что мои письма доставляются мнѣ съ 3—5 дненіями опозданіемъ, а, кроме того, были не подлежащи ни наименѣнію сомнѣнію прямѣть, что-то письма вскрывали и они, очень неумѣло вскакивали. Между тѣмъ шелъ Мармарощь-Сиготскій процессъ. Черновицкая газета „Czernowitz Tagblatt“ № 3380 отъ 22 февр. 1914 г. принесла отчетъ процесса подъ заглавиемъ „Die russophile Propaganda in der Bukowina“, въ которой между прочимъ сказано, что на одномъ изъ разбирательствъ было прочтено докладъ черновицкой краевой команіи жандармеріи съ слѣдующимъ пассусомъ: „Правосл. свящ. Діонісій Кисель-Киселевскій изъ Садыгоры состоитъ ревнѣмъ партіаномъ русофильствъ, получаетъ часто деньги изъ Россіи и хотя сейчасъ еще не ведется судебнѣе слѣдствіе противъ него, то уже вскорѣ подвергнется дисциплинарному слѣдствію за распространеніе календарей, изданныхъ редакціею Черновицкой „Русской Правды“.

Прочитавъ эту зложену статью, я обратился слѣдующаго днія къ краевому командинцу жандармеріи полк. Фишеру съ запросомъ: адвентицин-и упомянутый докладъ? — Нѣтъ! — спѣтъ иль онъ рѣшительно и добавилъ: „Наша команда такого доклада никогда никому не высыпала. Впрочемъ, я вѣсно знаю уже отъ трехъ десятковъ хѣзъ, иначе, что принадлежитъ къ какой-то партии, однако и то знаю, что до сихъ поръ вы стояли всегда на легальной листѣ почты“.. На мое замѣчаніе, что виду такого рѣшительного заявленія команда и рѣшается обжаловать редакцію газеты „Czern. Tagblatt“ за клевету, онъ началъ меня въ способъ убѣждать, что не стоитъ носиться по судамъ съ... евреями и что лучше будетъ все это игнорировать, и онъ иль это дѣлаетъ виду имъ покровительствуемаго „украинца“ Вертельника, который въ послѣднее время перемѣнилъ на службу „Нового Времени“ и тамъ его теперь марасть... Затѣмъ напызъ я изъ кармана пачку съ 26 письмами, полученнымъ мною изъ Алоїи, и спрашивалъ его, какъ пояснить то обстоятельство, что мою корреспонденцію доставляютъ мнѣ со значительнымъ опозданіемъ, къ тому еще и кѣмъ то открыта? На это увѣрѣнъ меня полк. Фишеръ, что обѣ этомъ абсолютно ничего не знаеть, что такого приказа никогда никому не давалъ, что въ Австро-„чернаго кабинета“ не существуетъ и только въ случаѣ войны съ Россіею военгъ бы въ жизнѣ...

По приказу судебнаго слѣдователя отъ 28 марта 1914. Vr. VII 81/14 произведены у меня 30 марта по уголовному дѣлу братъ Герониковъ и твар., по § 58 уголовн. зак. строгій обскъ — конечно съ негативнымъ результатомъ. А дні 25 іюна быть я допрошена по этому дѣлу. При этомъ

предложилъ мнѣ судебный слѣдователь, сонѣти. Леманъ два или три фотографическихъ снимка полученныхъ мною Алоїскіхъ писемъ, требуя поясненія нѣкоторыхъ ему непонятныхъ ѿѣть!..

Въ 1920 года, когда Буковина уже находилась при Румыніи, нашелъ я полное подтверждение моихъ предположеній насчетъ моей корреспонденціи. Именно призвалъ мнѣ почтальонъ, что по приказу почтоваго начальника мой письма доставляя нахмистру жандармеріи — егерю, а потому давалъ мнѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ позже признался въ этомъ и пощтоваго начальника, извиняясь тѣмъ, что получилъ пріямѣй приказъ отъ полк. Фишера.

Послѣ окончанія Мармарощь-Сиготскаго процесса я обратился насчетъ выше упомянутаго доклада чернов. команда жандармеріи къ одному изъ защищиковъ изъ Дебрецінъ и получилъ оттуда утвердительный отвѣтъ.

Между тѣмъ изъ самый день праздника Св. Духаѣжали изъ черновицкой тюрмы браты Герониковъ. А черезъ нѣсколько недѣлъ были нысланы тернов. полицію ихъ матъ и сестра изъ Инсбрука въ Тироль.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала всеобщая мобилизація въ Австро и посыпалась изъ Вены на основаніи § 14 члененыхъ распоряженій, стѣсняющій галицкій праъ и ноности гражданъ. На этомъ основаніи закрыто Думу Державную, пристановлено суды присяжныхъ, мѣсто которыхъ заняли военные суды; государствен. администраційный аппаратъ подчинено военной командин; устранина была личная свобода и тайна писемъ; введенна цензура; пристановлена дѣятельность обществъ и запрещены всѣ собранія гражданъ; заведены

Passierschein-ы, без которых нельзя было находить изъ дома; войску и жандармам разрешено производить обыски и аресты без предварительного судебного приказа.

Министр распоряжения заостренны были еще добавочными приказами военных команд и жандармерии, так что вскорѣ краемь западаютъ неслыханный терроръ. Упомянутыя команда приказали своимъ поддѣлъмъственныя органамъ безошибочно обрѣдаться „со всякими за-подозривными и неблагонадежными элементами и въ выборѣ причинъ къ арестованію не бѣть малодушными, ибо лучше раны посыпать, чѣмъ когда-нибудь оповѣдать“ („in der Wahl des Vorwandes nicht engerzig sein, — denn es wird besser sein, ofters zu weit zu gehen, als einmal etwas zu versäumen. Land. Gend. C-do Nr. 13, Nr. 299 отъ 27 июля 1914). Такие и подобные приказы давали, особенно жандармериѣ, широкое поле къ „устыдной дѣятельности“, къ чему ее еще поощряли отличными и денежными премиями.

Въ виду такого положенія дѣль нащелся народъ вѣзъ вскихъ правъ и бѣгъ всикаго законнаго покровительства.

Уже 1 авгу. 1914 года начались аресты русскихъ интеллигентовъ. Всѣхъ взяли изъ одной тюрмы въ другую, наконецъ однихъ заключили въ Талергофъ, другихъ передали военнымъ судамъ, а только немногихъ конфирмовано въ западныхъ провинцияхъ бывшей австрийской монархіи.

За интеллигентство пришла очередь на русскихъ мыслян и крестьянъ, которыхъ также арестовали въ громадномъ числѣ, и то по большей части на основаніи доносовъ. Многіе замѣтные люди считали надостольную ужасную

пору желанною, чтобы расчитаться со своими противниками, изъ-за какихъ бы то ни было причинъ, преимущественно чисто личныхъ. Довольно было только указать жандарму или солдату на кого-то пальцемъ, и онъ напался уже сейчасъ на тѣрь, если не подъ письмѣцемъ.

Жандармы, по большей части съ очень скучнымъ школьнымъ образованіемъ, предоставлено было рѣшать на счетъ „доляности“ и „благонадежности“ русского народа. Команды снабдили ихъ почти неограниченными полномочіями, они ими и воспользовались. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Евгений Кияца и Дрещеръ, окружили себя цѣлью штабомъ конфидентовъ и денунциантовъ и множествомъ неопытныхъ, не искачива даже женщины и дѣтей, повѣсили.

Къ аресту и къ судебнымъ приговорамъ причинились особенно евреи своимъ ложными доносами. А надо заметить, что евреи считались во все времена „патентованными австрійскими патріотами“.

Замѣчательно, что одновременно съ арестами русской интеллигентіи жандармы пускали въ ходъ вдоронъ и тенденциозныя вѣсти, изрѣントно, чтобы этими сплетнями успокоить народъ на счетъ производимыхъ поголовныхъ арестовъ, съ другой же стороны и поддержать въ народѣ воинственный духъ. Такъ, объ одномъ арестованномъ рассказывали жандармы и ихъ сателиты, будто бы у него найдены вѣ стѣкъ или подъ иконой военные планы, другого будто бы скажено при черченіи та-кихъ же, у третьего будто бы найдено подъ половомъ бочечку съ росс. империадами, у четвертаго — тайный телефонъ, бомбы, гранаты, пятаго будто бы скажено при ворѣѣ моста или телеграфическихъ проводовъ. Удивительно, что

вѣ эти слухи появлялись одновременно и разновнично въ различныхъ мѣстахъ по точно выработанному плану.

Хронологический и точный перечень арестованій, хотя бы только одной интеллигентіи, сегодня очень трудно составить. Въ виду этого постаралось сообщить то, что осталось въ памяти.

2 и. ст. августа 1914 г., въ 6 часовъ утра, арестованъ; 3 авг. свящ. Симеонъ Волоцукъ изъ Васловецъ (умершій 12/10 1914. въ Талергофѣ), 4 авг. свящ. Дмитрий Дроботъ изъ Залуборскъ (умершій 22/3 1915 г. въ Талергофѣ), 5 авг. свящ. Емельянъ Маковъ-личъ изъ Черновъ, 11 авг., свящ. Емельянъ Гайдай изъ Луки, 12 авг. свящ. Георгій Драчинскій изъ Товтеръ, 22 авг. свящ. Иоаннъ Шортицъ и Василий Арінчукъ изъ Топоренецъ, 27 авг. свящ. Илларіонъ Илларіоничъ изъ Кадобицъ, 6 окт. свящ. Стефанъ Галинъ изъ Бергометъ и Пр.; далѣе арестованы священники: Георгій Калинський изъ Прелича, Антоній Тифанъ изъ Плюскій, монахъ Кириллъ Козаревічъ изъ монастыря Драгомірна (умершій 24/5 1917 г. въ Шланбергѣ въ Стирії), Оеофілъ Глинка изъ Старой Жучки, монахъ афонскій Германъ Ганькъ, служившій потомъ рядовымъ въ аустр. арміи до 1918 г.), Николай Журомъ (румынъ) изъ Боровецъ, Игнатій Гудимъ изъ Залуча, Илларіонъ Преличъ (румынъ) изъ Раранча, гр.-кат. свящ. Ракъ изъ Раранча. Всѣхъ ихъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, отправлено въ Талергофъ.

Свящ. дра Кассіана Богатирца увезли на военный судъ въ Вѣнѣ, проф. богослов. дра Евгений Ковакъ изъ Черновицъ поселеніи въ Залуборскъ, свящ. Корнилій Томоничъ изъ Земчицъ въ Грацъ (умеръ 16/11 1918 г. въ

больницѣ въ Дрогобычѣ), свящ. Василий Яворовскаго изъ Сергиевъ и свящ. Ак-сентій Кабиленица изъ Стебней освободили военные суды, свящ. Димитрій Нагадина изъ Бергометъ въ Сер. освободилъ послѣ нѣсколько-днѣннаго ареста въ различныхъ этапахъ полк. Фишеръ по ходатайству тайн. совѣтъ и краеваго маршала агр. Георгія Василька, свящ. Георгій Калинський изъ Прелича также вскорѣ отпущенъ на свободу, а греко-униат. свящ. Іосифъ Сохора изъ Заставны (укр.) конфисковано въ Нижній Австроії, ст. согѣтъ аѣсовъ. Илларіонъ Ковакъ конфисковано въ Вѣнѣ директ. салінга Петра Лесненскаго въ Грацѣ, проф. Лъва Киріловича изъ Грацѣ, старш. почтен. контрол. Йоанна Маріана засужено воен. судомъ на 5 лѣтъ тюремъ, начальникъ аѣсовъ. Борисъ Веагіорскій былъ также арестованъ, а Илларіонъ Цурканопольч перенесенъ изъ военнай судь въ Вѣнѣ и т.д. Кромѣ сихъ были еще арестованы еще нѣсколько-днѣннаго рум. священниковъ, которые потому были освобождены военными судами и отпущены въ домой. Также изъ Талергофа освободили послѣ нѣсколько-днѣннаго украинскихъ и румынскихъ священниковъ по ходатайству, икъ пословъ. Однимъ только русскимъ пришлось испытать чашу до самого дна. Два изъ нашихъ священниковъ и одинъ монахъ имерри въ Талергофѣ а всѣ прочие сломаны душно физически, новрватились на родину. гдѣ нашли только одинъ пеше-лица вмѣсто оставленныхъ ими хояистствъ.

Въ Талергофѣ отослано также пять слушателей богословій чернов. факультета: Гапріла Василькова, Петра Мойсюка, Стефана Фотія, Алексѣя Сопока и Ананія Тарновецкаго, далѣе судью Владимира Смеречинскаго изъ Заставны, адлок. канл. дра Константина Смереч-

чинского изъ Салыгоры, старшихъ учитељей Карола Шорта и Василия Орзу (умершаго 27-6 1917 въ Граѓа), учителя Корнилия Кейвана, учителницу Елену Мильчукъ, адвоката д-ра Корнилия Могильницкаго изъ Серета съ супругою Любко, проф. Вас. Лицо (рум. + 1915 въ Талергофѣ), правосл. священника: Николая Рахмистрова, Леонтия Кейнана, Якова Булгаку, Якова Богдана († 1915 въ Талергофѣ) Пареенія и Александра Макиеневича, Евгения Лушашку, Михаила Тарновецкаго, Ивана Речугаго, Александра Никоровича, Михаила Непота († 1915 въ Талергофѣ), Василия Ганина, Антона Діаконовича, Онуфрія Лемпного Парбенія Драбика, Александра Драганчука (рум.), Елифания Бачинскаго (рум.) и Іоанна Бопняка (рум.), даље чернов. мѣщанина Василия Нагорника, надвор. дорогъ Иса. Болника и мн. другихъ.

*

*

Дня 2 августа въ ст. 1914 года въ 6 часовъ утра, въ воскресеніе (праздникъ св. пророка Ильи) арестовали менѣ адѣльные жандармы по приказу коменданта краеваго жандармерий полк. Фишера и отвели ихъ тюрему при Салыгорскомъ уѣздномъ судѣ. Дома оставались трое дѣтей въ возрастѣ 9 и 10 лѣтъ и 70-лѣтній теща.

7 августа перевезли меня въ черновицкую тюрьму при уголовномъ судѣ, где мнѣ привезли изъ камеръ вѣтѣсъ съ бордигами и конокрадами. Вечеромъ того же дня два тюремныхъ надзирателей пытались „выбѣгать“ менѣ арестантской шапкой⁴.

Вечеромъ 13го августа отправлено менѣ вѣтѣсъ съ праносомъ священникомъ Дим. Дроботомъ, Симеономъ Водошукомъ, Антониемъ Тофаномъ, Илл-

Тысячи нашіхъ крестьянъ томились по различнымъ тюремамъ въ Буковинѣ, Галичинѣ, Семиградї и Венгріи и судились военными судами — почти всѣ на основании доносовъ изъ-за минимъ „преступлений“ во время т. наз. „русскихъ инвалідъ“. Многіе приговорены были къ долгогодѣтнымъ тюремамъ, а кѣ которые и къ смертной казни.

Священникамъ Николаю Григорію Евгению Мачуцаку, Василию Великородскому, Григорію Лавѣ, Константину Ва-силичу и Евгению Вурканоничу удалось заблаговременно бѣжать изъ Россіи, откуда только первые три возвратились на родину, прочіе же тамъ померли.

Изъ русскихъ священниковъ осталась дома нетронутыми только Орестъ Козакъ, д-ръ Василий Антимовичъ, Александръ Тотоеску⁵, Иларіонъ Ка-дишукъ и почти исѣ, причисляющіеся къ „украинской партии“.

*

*

ріономъ Преличемъ и Ник. Журомекъ, греко-уніат., священниками Юльюмъ Гумецкимъ, Зиновіємъ Романовскимъ, Ракомъ и Кириадомъ Доіапинскимъ, также русскими священниками изъ Бессарабіи Тимушецъ, Сорочаномъ и Попи-скому и слуш. богоса. Гавріломъ Ва-силичевъ изъ закрытыхъ повозокъ на чернов. показъ и далѣе по жѣлѣзной дорогѣ въ Станиславовъ, куда мы прибыли 14-го августа.

Подъ сильную юскоту понесли насъ щѣшкомъ черезъ цѣлый городъ раніе въ гарнизонную тюрьму, а потомъ въ окружной судъ, при чѣмъ равношерстная публика насъ ругала, на насъ павала и обжигала каминами. Въ окружномъ судѣ привезли насъ изъ двухъ камерахъ. Принесли сюда, отслужили мы всеѣ имѣстѣ акаѳистъ Спасителю.

Въ продолженіи 29, 30 и 31-го августа продержали насъ цѣлыи дни за подпорѣ, безустанно сортируя на какіе-то группы А, В и С. Послѣднаго дня привезли сюда 500 сострадальцевъ, перенесенныхъ изъ тюремъ на „Дубровъ“, наконецъ перенесли насъ почтѣ изъъ тѣ гарнизонный арестъ и вихнули въ комнату, где уже было около 120 человѣкъ. На сїдующій день повторилась снова та самая сортировка. Поть вечеръ, когда послѣдніи плохій вѣсти изъ-подъ Галича, где состоялась битва, настъ отправили насъко на жѣлѣзодорожный вокзалъ. По пути туда наѣхъ транспортъ подвергся напастямъ толпы и солдатъ. Недалеко отъ вокзала испѣтили мы венгерскій трезубъ, убѣгающій изъ Галича. На самомъ вокзалѣ наѣхало на насъ іѣскоўко сотни улановъ съ саблями и палками, бѣзъ направо и налево, чѣмъ попадо. И въ самомъ дѣлѣ побили сильно многихъ изъ нашихъ, между иными свѣщ. Дим. Дробота и монаха Корніла Козаркевича. Одинъ уланъ поднялъ кирпичъ, чтобы имъ разбить мягкую голову. Но въ самый критичій моментъ ударилъ его по рукѣ шешишъ воязъ мени Илья Шлешекъ изъ Серета, чѣмъ спасъ мою жизньъ.

Насъ погрузили по 80—120 человѣкъ въ грязные товарные вагоны, которые привезли къ поѣзду, величайшимъ уланомъ на Венгрію. Около 9 часовъ вечера отбыли нашъ поѣздъ по направлению Стыру, но уже по $\frac{1}{4}$ часовъ тѣло было задержано сигналомъ и возвращено къ Станиславову, такъ какъ русская войска оказались недалеко. Отсюда отправлено насъ черезъ Десницу въ Венгрію. Во время бѣды настъ безустанно бѣжалики їѣщущіе съ нами уланы, польскій и укр. жѣлѣзодорожная прислуза, прѣрѣчающіе съ нами опе-

лонъ нойскѣ, не менше и толпа, заблаговременно извѣщенныя о нашемъ проѣздѣ. Въ Сегединѣ, когда настъ вели на обѣдъ въ одинъ жѣлѣзодорожный магазинъ, присутствующіе пѣнгерскіе офицеры были старшихъ священниковъ кулачками по лицу. А изъ Винеръ-Найдѣтада іѣменская толпа пыталась сдѣлать штурмъ на наши вагоны. Во время всей четырехдневнойѣдѣ настъ шахо питали, ибо комендантъ конно спряталъ зеныги, для итогъ цѣли полученный, въ свой карманъ.

Наконецъ прибыли мы 4-го септември на станцію Абтисендорфъ, отдаленную на 2 километра отъ Талергофа.

Здѣсь началась наша Гоггофа. Офицеры и солдаты, ожидающіе настъ, накинулись съѣхать на насъ съ саблями и пистолетами. Насъ повели на широкое поле, Flugfeld, где обучались летчики. При перечисленіи нашего транспорта повторились прежніе сцены. Офицеры, какъ дикіе авѣри, кидались на священниковъ и тѣхъ, кто былъ въ формѣ или нѣгъ на своей головѣ должностную шапку, бѣзъ ихъ и срывая имъ розетки и вѣнчики.

Свою дикостью настъ сюда привезенныхъ отличился комендантъ, капитанъ Фашинъ.

На слѣдующій день ранимъ утромъ пришелъ къ намъ прaporщикъ съ 4 солдатами, ица „Langhaanige Roppen“, долгогодѣтскими поползъ, праносъ священниковъ. Забравъ менѣ и свѣщ. Тофана и Сорочана, повели къ казармѣ. На мѣстѣ, онъ заставилъ насъ снять съ себѣ расы и подриники и поставилъ подъ стѣну казармы, одного отъ другого въ отдalenіи двухъ шаговъ, а напротивъ каждого изъ насъ солдата съ ружьемъ въ руکѣ. Это выглядело на то, что насъ будуть стрѣлять. Послѣ

иѣсколькихъ тревожныхъ минутъ пра-
порщикъ заставилъ меня и свиту. Соро-
чала пинить дерево, а свиту. Тофана
кошутъ его. А послѣ этой работы отвели
на обратно на Flugfeld, откуда взяли
другую партию напихъ сищенниковъ.

Что и сколько мы перестрадали въ
Талергофѣ, особенно за время комен-
данта поак. Стадлера, не стану здѣсь
описывать. Не буду также упоминать,
что во все времена пребываній въ
этомъ лагерѣ наша жизнь состояла всегда
изъ нитокъ, если не изъ спирѣйствовав-
шихъ арфъ болѣзней, то изъ синевоний
шупы или стального штыка первого луч-
шаго чеснога. А тоска по оставшимся
семьимъ, отъ которыхъ иногда цѣльны
мѣсяцами и даже годами не получали
никакой вѣсточки, доводила часу на-
шихъ страданій... Одиноко отдохнувъ
нашемъ горѣ было наша незабвенная
часовина и дружный бѣсѣды и греніи съ
братьями галичанами, съ которыми мы
здѣсь познакомились.

Наконецъ въ мартѣ м. 1917 г.
проблизилась къ намъ вѣсть о приказѣ
импер. Карса насчетъ распущенія Тале-
рогофа и другихъ подобныхъ лагерей.
Ноши надежды настѣнѣ ожинили. И въ
май м. того же года начали „арестантъ“
покидать Талергофское пекло. Однихъ
пустили на родину, другихъ посыпали
изъ различнѣхъ городахъ западныхъ иѣ-
мецкихъ провинцій, а менѣ съ буко-

винскими священниками Маковѣнцемъ
и Тофаномъ и другими 28 „неблагона-
дежными“ погнали въ „besondere
Zwangstation“ Добербергъ на югъ Таю,
гдѣ мы прожили подъ жандармскимъ
надзоромъ почти до конца августа
1917 года.

Вѣнскій Kriegsüberwachungsamt,
состояній при министерствѣ, пересадилъ
менѣ и моимъ товарищамъ недолги пись-
менныя свидѣтельства о томъ, что настѣнѣ
зачислено въ группу А, т. е. „politisch
Unbedenkliche“, и отпуститъ на ско-
боду. Старостно въ Вайдгофенѣ н. Т.
доставило намъ и паспорта для возвраще-
нія на родину.

Однако тщетно оказалась моя ра-
дость скоро увидѣть монхъ дѣточекъ, ибо
командентъ черновицкой Passierschein-
stelle № 1003, капитанъ — пояснялъ Ка-
менецкій не хотѣть менѣ дать синевоніе
ни изъ покоренія на Буковину. И я,
радъ не разъ, долженъ былъ остѣсть съ
начала въ Визельбургѣ н. Ер., позже
въ Самборѣ Вапковицахъ въ Черем.,
откуда только 15-го февраля 1918 г.
за разрѣщеніемъ буков. краев. прези-
дента графа Йодорфа переселась въ
Садыгору, заставя мою семью адзоровою,
но мой домъ сонершено разграблен-
нымъ.

Протоіерей
Діонісій Кл. Кисель-Биселевський,
настоятель правосл. прихода
Садыгора, Буковина.

„Бѣлый ужасъ“ на Буковинѣ.

Корреспондентъ „Южной Конгліміи“
Г. Фурманъ описываетъ „бѣлый ужасъ“,
охватившій Буковинское населеніе при
извѣстіи о вторичномъ наступленіи ав-
стрійцевъ:

„За днумя поворотами мы найшли
Г-кое. Большое мѣстечко. Есть банкъ,
церковь, костель, синагога, лавки — ко-
нечно, разграбленные и опустошенны...“

Жители толпились у себя на дво-
рѣ, суетились у повозокъ, салей, вы-
носали и укладывали пожитки.

— Нѣмы идутъ...

Привыкнуть, я въ первый моментъ
не поймѣть всему тому, что мнѣ го-
ворили о зѣвѣртахъ мадьяръ и нѣм-
цевъ. Хотѣлось найти ту исходную точку,
которая послужила основаніемъ для со-
зданія этой бысни.

Нѣсколько, такихъ предположеній
я высказалъ доктору. Тотъ только по-
жалъ плечами, имѣніемъ, который былъ
неподъимъ свидѣтельство моего разгово-
ра, вдругъ остановилъ лошадей.

— Панъ думаетъ, что это все
неправда? Ось я пану что покажу...

— Алекса, гдѣ вѣйтъ? — спро-
силъ онъ у проходившаго мужика.

Подѣхѣлъ къ вѣйту. Імѣніе
что-то сказалъ ему и тотъ жестомъ при-
гласилъ настѣ на собою.

Во дворѣ у вѣита мы остановились.
Вѣйтъ вошелъ въ конюшню и вынесъ
оттуда лошадь вороной масти.

— Бачите (видите)? — спросилъ
онъ.

Мы не понимали рѣшительно ни-
чего во всемъ этомъ. Только книжка
вдругъ громко всхлинула:

— Волосы.. волосы женщины...
тамъ, тѣ хностѣ...

Вѣйтъ повернулся лошадь — и мы
иско увидѣли въ пышномъ хностѣ чер-
ного цѣвѣ 3—4 приди бѣлокурыхъ
волосъ съ запекшейся кровью на нихъ...

— Что это?... — тихо спросилъ
докторъ.

Нѣмъ объяснилъ.

Въ сюдѣй деревнѣ, уже залипой
вѣмѣнцемъ корусомъ, была произведена
эвакуація населенія.

Два дня тому назадъ эта лошадь
пробѣжалась по улицѣ мѣстечка. Ее пой-

мали и обратили вниманіе на бѣлокурые
волосы. Вѣйтъ объяснилъ это только
тѣмъ, что къ хвоству полудикой лошади
была привязана женщина...

Отъ дикой скачки тѣло женщины
оторвалось и погибло глѣбъ-нибудь изъ
сѣвѣахъ.

— Чи это одна толіко, може съ
многими такъ поступили...

Вокругъ настѣ собралась толпа.
Кто то рассказалъ о томъ, что вѣ-
шаютъ десятаго.

— Пустите, пустите меня! — стоя-
ла гошъ како-то старуха. Она
приблизилась къ намъ, съ нечеловѣ-
ческой силой расталкивавъ взрослыхъ
мужчинъ.

Сгала возвѣ настѣ въ двухъ шагахъ
и бѣзовыми, дикими взглядомъ вин-
дасъ въ доктора. Еще моментъ, и она
скжимала его горло, плечи что-то и
скрежеща зубами. Если бы не десятки
рукъ, доктору пришлось бы плохо. Стару-
ху оттащили и она уже дѣтскимъ
тономъ спрямивала вѣхъ:

— Чо съ моними дочкимъ?... чо
съ моними дочкимъ?...

Въ пропылъ разъ, когда настѣ
пали апстрицы, чути ли не двадцать
человѣкъ мадьяръ ворвались въ дому
старухи и на глазахъ матери изнаси-
ловали, а потомъ убили ея дочерей...

На замаленіѣ хаты вѣйтъ сидѣлъ
высокій старикъ. Онъ перебиралъ паль-
цы каки-то деревянки и ни на что
не обращалъ вниманія. Еще недавно
этотъ старикъ былъ первымъ богатѣемъ
въ сѣвѣ. Когда пришли мадьяры, стар-
икъ былъ подвергнутъ такому нака-
занию: его заставили зарѣзать всѣхъ
4-хъ дѣтей. Старика заставили лѣзть
въ то. Теперь для него уже все безраз-
лично. Онь по цѣльмъ днімъ перебира-
етъ деревянки и о чѣмъ-то думаетъ...

Писать еще?.. Принимать еще факты?.. Разве эти недостаточно?..

Ужасомъ вѣдо отъ всего того, что мнѣ пришлось видѣть и слышать. Рассказы одного подтверждались всѣми остальными, мелкими штрихами, которыемъ выдуматъ, фальшивине создать нельзя.

Были по первому эти рассказы торопившихся съ отѣздомъ бѣженцевъ.

Однѣ разыскать слѣдоватъ за другимъ и содержаніе ихъ было удивительно коротко и несложно.

— Понѣши.

— Разстрѣлили.

— Скигали имущество просто для острастки.

— Насиловали женщинъ и дѣвушекъ.

— Истязали и убивали дѣтей.
И. г. д. и т. д.

Въ этихъ высокихъ горахъ, такъ глубоко занесенныхъ снѣгомъ, царилъ болѣй ужасъ. Онъ поднимался онъ стелился повсюду и въ безмолвіи вѣчныхъ снѣговъ посыпалъ о миценіи.

Болѣй ужасъ...

Бѣженцы уѣхали.

Послѣ глубокаго обморока очнулась книжка, всхлипывая послѣ истерики, сидѣть въ саняхъ докторъ.

Только ямщики, не то чехъ, вѣто румынъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, со словъ ироніей спрашивавшія:

— Чего же теперь не смеѣтесь?
„Прик. Р.“ 1915, № 1558.

Выдержки изъ газетъ, журналовъ

и отдѣльныхъ сочиненій, относящіяся къ арестамъ, тюрьмамъ и казнямъ русскихъ галичанъ и буковинцевъ.

Справка. Первый выпускъ „Галергофскаго Альманаха“ оконченъ въ 1924 году. Оно появилось въ свѣтъ благодаря заботамъ „Галергофскаго Комитета“, который составленіе этой пропагандистской книги поручилъ проф. д-ру Ю. А. Яворскому. Когда послѣдній перебралъ изъ Чехіи, не стало человека, который могъ бы заняться редакціей накопившагося материала. Правда, много трудился профессоръ Д. И. Ключникъ, однако безуспѣшно: издание не продвинулось впередъ.

Будучи исключено занятіемъ изъ редакціи „Русскаго Голоса“, и не могъ выполнить возложеній на менѣ задачи издания дальнѣйшаго выпуска; стопы важное и неотложное дѣло лежало подъ спудомъ забвенія и пыли. Только съ прѣдѣломъ д-ра Ю. И. Демьялича изъ Праги я получила болѣе свободы и счастіемъ присягнула за труда.

Не вѣю никакихъ измѣнений. Подою то, что было собрано „Комитетомъ“, и продолжаю ихъ работу. Разумѣется, что весь материалъ, который уже появился и въ будущемъ появится, не отѣчаетъ строгой системѣ распространѣя; это сдѣлываетъ будущий труженикъ, воссѣдователь историка горы карпато-русскаго народа. Задача современныхъ наладителей заключается и заключается въ собрании всего того, что еще уцѣляло изъ памяти самыи мучениковъ и очевидцевъ неслыханного въ мѣрѣ террора.

B. P. Варака.

Палачъ русскаго народа.

Въ 1925 году скончался*) во Львовѣ адвокатъ д-ръ Станиславъ Залускій,

*) Существовали молва, будто покончилъ съ собою самоубійствомъ изъ-за угрызеній совѣсти.

турскій, одинъ изъ видныхъ дѣтелей польскаго общества, предсѣдатель „піеш-народового и инѣшпартийного польскаго союза юристовъ“ Львова*. Его хоронила тысячная толпа поляковъ, представители всѣхъ польскихъ сословій и

общественныхъ, политическихъ и культурно-просветительныхъ организаций. Этотъ печальной памяти чоловѣкъ врвался своими ногтями въ душу русскаго населения Галичинъ такъ, что безъ содраганія трудно о немъ и писать.

„Кошмарныя отзовуки всемирной войны“.

Д-ръ Станиславъ Загурскій, адвокатъ во Львовѣ, предсѣдателемъ „Союза защитниковъ Львова“, въ роли суды аустрийской армии вынесъ сверхъ 100 приговоровъ смерти. Чудовищный приговоръ въ Синеводскѣ — 11 невинныхъ мунинъ повѣшено.

Остаются еще въ живой памяти галицкаго населения, какъ помѣскаго, такъ и „украинскаго“, кровавыя оргіи беззаконій, какія совершили аустрийскій войска на этомъ населеніи, массово гонимымъ за мимый шпионажъ и пособие русскимъ войскамъ.

По поводу глупоты, бессилия и трусости аустрийскихъ штабовъ терпѣли эти войска постояннаго пораженія и, чтобы спастиъ себѣ вину и отвѣтственность, убѣгли передъ вооруженіемъ противникомъ, изспергли скончъ на беззаконію населеніе, будто заиницированными массовымъ и организованіемъ шпионажемъ по пользу непріятеля. Тысячи ничѣмъ неопримненныхъ людей выловились на задѣлъ, чтобы тѣ продолженіи многихъ лѣтъ держать ихъ безъ суда по тѣмъ и ужаснымъ залегихъ для интернированныхъ, тысячи непининныхъ людей гибли на основаніи сибирско и массово пыленесенныхъ смертныхъ приговоровъ; тычи гибели безъ приговоровъ — пространство ихъ убинали фронты войны по приказу своихъ воинничалчиковъ.

Нѣмъ трусилище были аустрийскій войска пищу вооруженнаго неизгнанія, тѣмъ сибирѣи и истительнѣе они нѣли себѣ пищу мирного гражданскаго населения. Время міровой войны — это

ПЕРВОМУ, чтобы насть никто не заподозрѣть въ пристрастіи, приводимъ то, что, пишутъ о немъ сами поляки въ зывовской газетѣ „Dziennik Ludowy“ въ №№ 287—292, появившихся въ 1924 году:

Первъ, имѣть на своей совѣсти съ ѿ 100 смертныхъ приговоровъ. Судъ наѣтъ отмыть инцидентомъ, представляя обществу, а приговоръ этого суда пусть будетъ вынесенъ на основаніи кровью сочавшихся документовъ:

11 смертныхъ приговоровъ на основаніи показаній одного свидѣтеля.

Руководитель судебного разбирательства д-ръ Станиславъ Загурскій.

Дословный текстъ приговора.

Песарско-короленскій судъ. № КI. 14.5

Именемъ импера. Франца Йосифа.

Песарско-короленскій военно-полевъ судъ въ Синеводскѣ Выннемъ, числа 18-го октября 1914 года, подъ предсѣдательствомъ ц. и к. ротмістра Gustav-a Kuhn-a и подъ руководствомъ поручика-аудитора д-ра Станислава Загурскаго, въ присутствіи протоколиста сержанта Людвіка Unterschneid-a и капитана-аудитора Йосифа Bartehnus-a, обжалованаго подсудимыхъ въ преступленіи противъ вооруженныхъ силь государства, согласно § 327 в. у. в. и на основаніи предложеній обвиняющаго покарать всѣхъ обвиняемыхъ согласно § 444 в. у. п., вынесъ единогласно приговоръ:

1. Михаилъ Ковалъ, изъ Синеводска, 54 года, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 9 дѣтей, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

2. Федоръ Гудацъ, изъ Синеводска, 47 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 4 дѣтей, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

3. Степанъ Грибъ, изъ Синеводска, 26 лѣтъ, гр.-кат. вѣроиспо-

вѣданія, женатый, бѣдѣтный, подъ судомъ не состоявший;

4. Николай Джуцъ, изъ Синеводска, 39 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 3 дѣтей, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

5. Петръ Джуцъ, изъ Синеводска, 35 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, 3 дѣтей, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

6. Адамъ Струкъ, изъ Синеводска, 28 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, неженатый, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

7. Антонъ Ковалъ, изъ Синеводска, 64 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 6 дѣтей, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

8. Петръ Ковалъ, изъ Синеводска, 62 года, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, бѣдѣтный, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

9. Иванъ Матвишинъ, изъ Синеводска, 44 года, гр.-кат. вѣроисповѣданій, бѣдѣтный, землемѣръ, подъ судомъ не состоявший;

10. Феодоръ Фединишнъ, изъ Синеводска, 44 года, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 6 дѣтей, землемѣръ, наенный 6-ти дненіймъ арестомъ за преступление § 411;

11. Иванъ Тишовскій, изъ Синеводска, 30 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданій, женатый, отецъ 5 дѣтей, сельскій поддѣльщикъ въ Синеводскѣ, подъ судомъ не состоявший —

признаны виновными въ томъ, что въ послѣдніи двухъ недѣляхъ сентябрь мѣсяца 1914 года и въ двухъ первыхъ недѣляхъ октября мѣсяца того же года, во время войнъ между аустрийско-венгерской монархіей и российской им-

переіс, состояли въ связи съ нести смертное наказаніе непріятелемъ, чѣмъ ванесли на основаніи внесенного австрійскимъ вооруженнымъ приговора согласно § 444 силамъ вредъ, а непріятелю въ. п.

Поэтому всѣ они, отъ 1 до 11, являются виновниками преступлений противъ вооруженныхъ силъ государства согласно § 327 в. у. к. и за это согласно § 444 в. у. к. приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Основаніе:

Военно-полевой судъ, на основаніи показаній свидѣтеля Семена Муссака, единогласно установилъ, что обжалованій Степанъ Грибъ показалъ русскимъ дорогу въ горы; показаній свидѣтеля Муссака привиненъ военнымъ судомъ вполнѣ вѣрдостопными, тѣмъ болѣе, что обжалованій не представилъ никакихъ отказовъ противъ показаній свидѣтеля, а сверхъ того самъ сообразилъ въ томъ, что русские сираливали его о количествѣ австрійскихъ войскъ, переходившихъ черезъ Синенодскъ, и узывали у него дороги по направлению юга. Къ принятию такого мѣглѣнаго решения военный судъ на основаніи сбічныхъ показаній, изъ которыхъ выходило, что Грибъ былъ москофильски настроенъ, тѣмъ болѣе, что свидѣтель Муссакъ подтвердилъ, что обжалованій Грибъ въ самомъ дѣлѣ — москофилъ. Взять во вниманіе, что обжалованій Грибъ имѣетъ 28 лѣтъ, но умѣеть читать и писать какъ тоже виду того, что вина обжалованія Гриба показалась военному суду самой малой въ сравненіи съ виной остальныхъ обжалованыхъ — военный судъ постановилъ, что онъ первый долженъ по-

насті смертное наказаніе на основаніи внесенного приговора согласно § 444 в. у. п.

На основаніи показаній, военный судъ установилъ, что обжалованій Адамъ Струкъ былъ въ сношенихъ съ русскими, изъ чѣмъ онъ самъ сообразилъ: онъ купилъ у русскихъ вахваченные ими подводы, и они узывали у него на счетъ количества нашихъ (австрійскихъ) войскъ и дорогъ, недувшихъ на югъ отъ Синенодска. На основаніи показаній, достовѣрныхъ показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ принялъ за правду, что обжалованій Струкъ освѣдомлялъ непріятельскій войскъ о дорогѣ на югъ черезъ горы и объ уходѣ австрійскихъ войскъ. Установилъ, что Струкъ входилъ въ споненіи съ русскими, военный судъ убѣдился въ томъ, что этотъ обжалованій давалъ непріятелю объясненій, чтобы пособить врагу, а нападимъ войскамъ насті вредъ. Вънесенную смертную казнь долженъ понести обжалованій Струкъ понесятъ другимъ, такъ какъ его вина разительна и прочихъ обжалованыхъ.

На основаніи показаній, военный судъ установилъ, что обжалованій Иванъ Матѣшинъ вѣдѣть изъ сколько-крайне съ русскими въ Лавочное, — сайдонательно вошелъ съ ними соглашеніе. На основаніи принятого за истину, что этотъ обжалованій освѣдомлялъ непріятельскій войскъ относительно количества и размѣщенія нашихъ войскъ. Даліе установлено, что обжалованій Матѣшинъ, находящійся нѣсколько разъ въ споненіяхъ съ русскимъ, далъ имъ требуемыя поясненія

съ цѣлью принести нашимъ военнымъ силамъ вредъ. На основаніи и этихъ доказательствъ военный судъ призналъ его виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. въ и на основаніи § 444 в. у. п. приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Взять во внимание, что обжалованій Матѣшинъ продолжительное время былъ въ споненіяхъ съ русскими, рѣшено военный судъ, что его смерть послѣдуетъ въ третью очередь.

Свидѣтель Муссакъ показалъ также, что обжалованій Петръ Ковалъ прояснялъ русскимъ войскамъ, гдѣ спряталась жандармы поста въ Синенодской при приближеніи русскихъ разведчиковъ. Въ этой информаціи усмотрѣнъ обжалованій военный судъ виновнѣрѣбъ обжалованія видѣть гарнизонъ жандармѣй въ Синенодской и ополчѣй, организовавшаго оборону противъ непріятеля. Възнѣніе изъ явки обжалованію Петру Ковалю дѣйствіе имѣетъ значеніе преступленіи § 327 в. у. в., вслѣдствіе чего Петръ Ковалъ призналъ виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе согласно § 444 в. у. п. Одновременно рѣшено, что этотъ обжалованій долженъ понести смертную казнь четвертымъ съ ряду.

На основаніи показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованій Николай Джусъ указывалъ русскимъ солдатамъ дорогу въ село Чабло. На основаніи признанія самого обжалованного, удостовѣрено, что у него были расказыванія въ теченіи 2 сутокъ русскимъ солдатамъ. На основаніи этихъ фактъ принято, какъ доказательство, что обжалованій Николай Джусъ

далъ русскимъ информаціи съ цѣлью оказать имъ услугу. Смертную казнь, опредѣленную ему на основаніи § 444 в. у. п., онъ долженъ понести пятыймъ; такъ какъ его живая вѣща указала на то, что онъ былъ всесѣло преданъ русскимъ.

На основаніи показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованій Иванъ Тишонівнїкъ разыскивалъ австрійскихъ военно-обязанныхъ Семена Муссака и Прокона Синику, чтобы имъ выдать Русскимъ. Такъ какъ обжалованному было известно, — изъ чѣмъ онъ самъ сообразилъ, — что Семенъ Муссакъ и Проконъ Синику являются поеноизбранными, то его розыски упомянутыхъ лицъ имѣли только ту цѣль, чтобы принести непріятелю пользу. Посему Тишонівнїкъ призналъ виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. п. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, которой должна быть понести шестымъ.

На основаніи показаній Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованій Антонъ Конадъ указывалъ русскимъ солдатамъ дорогу въ село Чабло. На основаніи признанія самого обжалованного, удостовѣрено, что у него были расказыванія съ пѣтию его пользу, а во вредъ нашей арміи, виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, ко-

торую онъ долженъ понести седьмымъ.

На основании показаний свидѣтеля Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Феодоръ Федишинъ укаль русскимъ солдатамъ дорогу чрезъ горы - на югъ и разыскивалъ военнообязаннаго Семена Муссака стълько выдать его непріятелю. На основании этого утверждений, равно какъ и привайдъ самаго Федишина, что русскіе освѣдомлялись у него, куда отступали наши войска, военный судъ принялъ за истину, что Федишинъ былъ въ сношеніи съ врагомъ, чтобы такимъ образомъ прінести непріятелю пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ нанести вредъ. Поэтому Федишинъ призналъ виновнымъ въ преступлении § 327 в. у. и приговоренъ на основаніи § 444 в. у. къ смертной казни чрезъ повѣщеніе. Въ сиду важности вмѣняемаго въ вину Феодору Будзу дѣянія, должны онъ понести наказаніе деятели.

На основаніи показаний самого обжалованного Петра Джуса и показавшаго солдата Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Петръ Джусъ разыскивалъ извѣстныхъ ему, какъ военнообязанныхъ, Семена Муссака и Прокопія Синику изъ Синеводска, чтобы ихъ выдать непріятелю. На основаніи показаний свидѣтеля Семена Муссака, удостовѣрено, что обжалованный Петръ Джусъ служилъ непріятельскимъ войскамъ въ качествѣ проводника. На основаніи частныхъ признаній Петра Джуса прішло за правду, что у него были расквартированы русскіе солдаты и что, съдовательно, онъ имѣлъ возможность войти въ сношеніе съ русскими. Вынужденъ вмѣняемое обжалованному въ вину и установленное обѣйтіе можетъ служить икримъ примѣромъ соглашенія съ непріятелемъ. Петръ Джусъ совершилъ, чтобы пріести врагу пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ нанести вредъ, преступление § 327 в. у. и приговоренъ къ смерти согласно § 444 вул. Смертную казнь чрезъ повѣщеніе долженъ Петъ Джусъ понести въ виду важности винъ, десятымъ.

На основаніи показаний свидѣтеля Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Феодоръ Будзъ созналъ, что старался хитрымъ способомъ затинуть въ Синеводскъ также военнообязаннаго Прокопія Синику, чтобы его выдать непріятелю въ качествѣ военнообязаннаго. На основаніи этихъ удостовѣренныхъ фактъ, военный судъ уѣдѣлся въ томъ, что обжалованный Феодоръ Будзъ не согласись съ непріятелемъ старался выдать австрійскимъ военнообязанныхъ русскимъ, чтобы пріести имъ пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ

нанести вредъ. Феодоръ Будзъ призналъ виновнымъ въ преступлении § 327 в. у. и приговоренъ согласно § 444 в. у. къ смертной казни чрезъ повѣщеніе. Въ сиду важности вмѣняемаго въ вину Феодору Будзу дѣянія, должны онъ понести наказаніе деятели.

Синеводскъ, 18 октября 1914 г.

Киль,
ротмистръ, какъ предѣдатель

Дѣвъ Станиславъ Задурскій,
поручикъ-видѣторъ, какъ буроводитель.

Lieutenant Unterachne,
какъ протоколистъ.

Приговоръ утверждается и подтверждается его привести въ исполнение въ случаѣ надобности посредствомъ разстрѣла въ Гора (Hügel) на югъ отъ Страйя. Числа 19го октября 1914 года.

Peter Hoffmann, gen.-maiorъ.
Задурскій, поручикъ-видѣторъ.

Эти 11 человѣкъ приговорены къ смерти, повѣшены или разстрѣлены на основаніи показаній одного свидѣтеля!

Согласно офиціальному протоколу разбирательства, показанія этого классического свидѣтеля здучать: „Будучи зачисленнымъ въ ополченіе, я явился на службу 1го авг. 1914, изъза боѣвъ однако и быть освобожденъ по 20-е октября того же года. Жители деревни знали, что я освобожденъ; знала и поѣтъ. Русскіе были въ нашей деревнѣ три недѣли. Кроме меня, разыскивали и разыщено Синику. Я записалъ себѣ людей, которые ходили съ русскими. Поэтому пойти вѣдѣть искать меня и Синику Якуну Тишовницкому, Феодору Будзу и Николаю Масному. Я бѣжалъ, не подозревая, что Масны разыскиваетъ меня Антонъ Сернишинъ вынуждилъ меня отъ русскими, которыми я былъ побѣжденъ. Такъ какъ моя жена въ имѣза чего есть, я хотѣлъ еще пойти домой, но меня не пустили. И только, когда Сернишинъ поручился за меня, я получила свободу. Козаки не призначили участія въ поискахъ за мной.

ад 1) Рассказывали русскимъ, сколько разъ австрійскихъ солдатъ было и куда они ушли. Это было первого дня.

ад 2) Сказали, когда здѣсь были русскіе, что у русскихъ лучше и что имъ будетъ лучше, если русскіе побѣдятъ.

ад 3, 4, 5, 6) Ходили вмѣстѣ съ русскими грабить и, по всей вѣроятности, указывали имъ дорогу.

ад 7) Грабили и указывали русскимъ дорогу и всегда ходили съ русскими.

ад 8) Грабили съ русскими и указывали имъ дорогу.

ад 9) Грабить съ русскими и указать имъ дорогу.

ад 10) Грабить съ русскими и указать имъ дорогу.

ад 11) Грабить съ Русскими и указать имъ дорогу".

Стоитъ дѣйствительно разсмотрѣть на изложеніи мотивы этихъ одиннадцати исполненныхъ смертныхъ приговоровъ. Касательно Степана Гриба показалъ свидѣтель, что Грибъ "будто показывалъ русскимъ дорогу". Военный судъ "установилъ", что онъ "указывалъ дорогу не-прѣятельскимъ войскамъ". Какимъ образомъ установилъ? Было очевиднымъ, что онъ былъ "москофильскимъ настроенъ".

Адамъ Струкъ сознаетъ, что русские спрашивали его про дорогу, а сидѣтель показываетъ, что Струкъ "будто указывалъ русскимъ дорогу". Военный судъ призналъ, какъ "истину", что Струкъ указывалъ русскимъ дорогу".

То же касается Николая Джуса. На Тишинниковомъ изѣть вины, кроме того, что онъ по приказу воята "развѣялъ двухъ человѣкъ". "Военный судъ вынесъ приговоръ, что онъ изѣть разыскивать для того, чтобы "выдать русскимъ".

Не иначе обстоитъ дѣло съ Федишинымъ, Феодоромъ Будзомъ, Петромъ Джусомъ и Михаиломъ Ковалемъ.

*"Die Zeitung Ludowy" 1924,
№ 287, 288.*

На чѣмъ основывалъ Загурскій свои приговоры?

По приговору Загурскаго былъ среди множества казненъ также священникъ Романъ Березовскій и судившійся одновременно тѣмъ же Загурскими Кобилянскій и Жабакъ.

Теперь хотимъ описать, какъ дѣйствительно обстояло дѣло съ этимъ священникомъ. Уже послѣ повѣнчанія Загурскими выше названныхъ трехъ человѣкъ дѣло поступило въ другой военный судъ, въ военно-полевой судъ краевої обороны въ Стрѣль, который 17-го января 1918 года отмѣнилъ приговоръ на повѣнчаныхъ въ полномъ его основаніи и увиесъ оправдательный приговоръ.

Рассмотримъ прежде всего поводы, которые свидѣтельствуютъ о невинности священника Березовскаго. Извѣстно актъ судебнаго разбирательства ц. и к. команда г. Львова и Мукачевъ установлено, что обжалованные перешли гра-

ницу възѣ Сеничева, долинскаго уѣзда въ Галичинѣ и тамъ были арестованы австро-угорскими военными патрунами по подозрѣнію въ шпионѣстѣ. При обжалованіи синицъ Березовскому наша:

1) Карту Угорщину. Галичину и Буковину изъ школьнаго атласа Козена;

2) Записки о количествѣ австрійской армии въ дѣйствующей армии по отдѣльнымъ частямъ;

3) Нѣсколько коробокъ синичекъ австрійскаго и угорскаго происхожденія;

4) Сумму въ 276 коронъ 16 геллеровъ.

Зашитникъ поддерживаетъ оправданіе подсудимаго передъ военнымъ судомъ, который отрицаєтъ, будто у него было какое, либо намѣреніе заниматься шпионажемъ и вонесъ не чувствуетъ себѣ виновнымъ. Въ свое оправданіе онъ подаетъ, что перешелъ угорскую границу потому, что хотѣлъ, опасаясь русскихъ,

войскъ, попасть въ Угорщину, которую считалъ болѣе безопаснѣй, чѣмъ была Галичина. Изъ дома выѣхалъ уже вечеромъ и только в полночь нашелся на угорской территории. Оль отрицаѣтъ, будто бы былъ москофиломъ, и утверждаетъ, что принадлежалъ къ украинской партии. Относительно найденной при немъ карты утверждалъ, что она взята имъ изъ атласа, купленного его отцомъ; на ней онъ не дѣлалъ никакихъ вѣзакъ. Изъ любопытства спрашивала, сколько человѣкъ имѣется въ одномъ корпусѣ. Относительно синичекъ онъ объяснялъ, что дѣлъ коробки были имъ куплены въ Долинѣ, а одна въ Сеничевѣ. На вопросъ, почему находившись при немъ деньги были раздѣлены на отдѣльныя суммы, заявлялъ, что случилось это вслѣдствіе разнѣи по пути.

Изъ показаній свидѣтелей Іосифа Окриминича, Семена Даниловича, Тимофея Березовскаго, Василия Кулника,瑪рии Чегуты, Ивана Безрукаго, Романа Чернецкаго, Іосифа Лозинскаго Иршага, Розенштага, Іосифа Старого и изъ доказа жандармскаго поста въ Журавлѣ известно со всей положительностью, что приговоренный къ смерти Романъ Березовскій былъ по уѣздѣнію украинофиль и, какъ таковой, пользовался безупречнымъ мнѣніемъ, затѣмъ что, виду носившихъ служокъ о предѣлахъ русскими украинофильствующими священниками, имѣлъ почти болезненный страхъ въ опасеніи перѣѣхать и что вслѣдствіе этого при приближеніи русскихъ войскъ бѣжалъ изъ своего прихода въ Проточахъ; какъ бѣженецъ, онъ прибылъ въ Сеничевъ и оттуда опять въ виду ходившихъ служокъ о приближеніи казаковъ, съ большой поспѣшностью и испугомъ ушелъ

къ угорской границѣ, чтобы не попасть въ руки русскихъ.

Изъ показаній Маріи Даниловичъ Романа Чернецкаго можно заключить, что казненный Романъ Березовскій не-посредственно передъ своимъ обратномъ изъ Проточъ захватилъ съ собой изъ церковной кассы сумму 200—300 кор., состоявшихъ изъ мелкихъ денегъ, въ томъ числѣ изъ 10 и 20 банкнотъ.

Изъ показаній свидѣтелей瑪рии Даниловичъ, Семена Даниловича, Евгении Волманнъ и Соломона Геллеръ слѣдуетъ, что изъ Сеничевѣ и въ окрестности, одинаково до войны, такъ и въ критический моментъ, можно было получить спички угорского изѣлья. Ввиду этого объясненіе Романа Березовскаго, что онъ перешелъ угорскую границу только изъ опасеній передъ русскими, несомнѣнноѣ вѣрное и уже тѣмъ самымъ обосновано отсутствіе налагаемой штрафа.

Несмотря на это, военный судъ занялся изслѣдованіемъ найденной при Березовскомъ карты и записокъ о количествѣ войскъ дѣйствующей арміи и согласно существующихъ предписаний выдавалъ офицерамъ и к. генеральскаго штаба, какъ внатака, для объясненій и принятыхъ военныхъ судомъ включений. На картѣ обозначенія пунктами пути, избранный русскими для передвиженій пѣдубъ Галичинѣ и длиѣнѣ тутъ австрийскаго дѣла дальнѣшаго похода черезъ Карпаты и черезъ провинціи угорской королевствѣ.

На основаній опредѣленій знатока, военный судъ установилъ, что на относительной картиѣ не видно обозначеній дороги. Находящіяся на ней подчеркнутыя мѣста не стоятъ съ собою въ связи, находятся въ каждомъ школьнѣмъ ат-

даст, а сданные быть психик ощущениями иллюзии; в военной точки зрения они не имели ни малейшего значения; с другой стороны, местности, весьма важные в стратегическом отношении, повсюду подчеркнуты. Иль объяснений знатока следует также, что эта карта не военном в тактическом отношении не имела стоимости, и совершенно искажено, чтобы из нее можно было узнать подробности о военных операциях.

Однозначно записоку следует отметить, что в ней определяется состав одной бригады в четыре полка,

одной дивизии — вчетвере бригады. Уже из этих чисел, не отвечающих фактическому соотношению, можно заключить, что записки не служили для цели шпионства, независимо от того, что, согласно определению знатока русские в этом отношении повсюду не нуждались в разъяснениях.

Ясно, что относительно шпионства не было ни малейшего подозрения и что абсолютная невиновность этого человека была положительно очевидна.

*Dziennik Ludowy, Nr. 220.
от 20 декабря 1924.*

Жабяк и Кобылянский.

Всех следующих двух жертвахъ Загурского — Кобылянского и Жабяк — трудно найти преступление. Кобылянский имѣть при себѣ 100 коронъ и коробку синичекъ съ угорскимъ ярлычкомъ и абсолютно ничего болѣе. Послушайте, чѣмъ сочинилъ панъ Загурский:

Обжалованные Кобылянский и Жабякъ были въ то же время арестованы патрулемъ на угорской границѣ. Оправдывались они желаніемъ освѣдомить австрійскій войскъ, а именно военные заставы, расположенные на глинико-угорской границѣ, чѣмъ Сенечова видѣны русскіи войска. Такъ какъ свидѣтели: поручикъ Coertvoes, подпоручикъ Szerdahaly, Szetu и Вигъ показали, что обжалованные Кобылянский и Жабякъ старались пройти мимо австро-угорскихъ форпостовъ и при встрѣчѣ съ ними дрожали, чѣмъ свою очередь, сейчасъ возбудило подозрѣніе, ввиду чѣмъ военно-полевой судъ принялъ къ заключенію, чѣмъ желаніе упомянуть

австро-угорскіе пограничные форпости о появленіи русскихъ войскъ въ окрестности Сенечова должно было послужить имъ отговоркой въ случаѣ, если бы не могли обойти австрійскіе форпосты.

Къ такому заключенію принялъ военно-полевой судъ тѣмъ болѣе, чѣмъ на основаніи показаній свидѣтелей подпоручика Szerdahaly установлено, что явленіе подсудимыхъ, которое должно было оправдать переходъ угорской границы черезъ крутые горы, было выдумано, особенно потому, чѣмъ въ это время не было видно русскихъ войскъ въ окрестности Сенечова. Подсудимые Кобылянский и Жабякъ сознали на разбирательствѣ передъ военно-полевымъ судомъ, чѣмъ они видѣли по пути Береговскаго, склонившаго за ними въ отдѣлении около 200 шаговъ, но не могли объяснить, чѣмъ онъ шелъ за ними. Эти показанія признала военно-полевой судъ достовѣрными, особенно потому, чѣмъ на основаніи показаній подпоручика Coertvoes установлено, чѣмъ

бывшій嘗ался защититъ Береговскаго тѣмъ, чѣмъ онъ также желалъ изгнать пограничныхъ австро-угорскихъ стражъ о вступлѣніи Русскихъ войскъ въ окрестность Сенечова. Это заявленіе стоитъ въ прокомъ противорѣбѣ съ предыдущими показаніями Кобылянского и Жабяка, согласно котораго они не знали, почему Береговскій въ то самое время намѣрился переплынуть черезъ крутыя вершины угорской границы, какъ тоже съ защитой Береговскаго, который не хочетъ чѣмъ знать о намѣреніи уѣхдомъ пограничныхъ угорской стражи.

Военно-полевой судъ принялъ къ заключенію чѣмъ эти обаждованія действовали взаимно въ согласіи и старались другъ другу взаимно помагать. Во время очной ставки на главномъ разбирательствѣ обжалованные Кобылянский и Жабякъ старались свои показанія, несовпадающія съ показаніями Береговскаго, всегда согласовать съ его показаніями, хотя къ этому не было бы надлежащего повода, если бы Береговскій былъ для нихъ совершенно чужой. Кроме того, надо отмѣтить, что показаніе всѣхъ трехъ обжалованныхъ совпадаютъ въ томъ направлѣніи, чѣмъ Береговскій и Кобылянский побывали на приходѣстѣ въ Сенечовъ раньше, чѣмъ Кобылянский и Жабякъ.

Это обстоятельство было для военно-полевого суда доказательствомъ, чѣмъ обжалованные Береговскій и Кобылянский до ухода изъ Сенечева членъ точно общумали и выдумали эвентуальное заявленіе для необойденныхъ пограничныхъ карауловъ.

У Кобылянского найдено 100 кор. Такъ какъ Кобылянский не имѣть имущества и получаетъ жалованіе около 50 коронъ членъ, и не могъ объяснять, чѣмъносить при себѣ такъ

значительную сумму, которая для него составляетъ имущество, военно-полевой судъ считъ доказаннымъ, чѣмъ найденная у него сумма была опредѣлена на предательскую членъ, а имѣло на подкупъ русскаго русофильскаго настроенаго населения, пограничнаго округа Угорщины, и обжалованный Кобылянский хотѣть пробраться черезъ границу въ сѣверную Угорщину, чтобы тамъ найти сообщники и шпионъ для наступающихъ Русскихъ войскъ. Къ этому уѣхдомъ пришелъ военно-полевой судъ на томъ основаніи, чѣмъ подсудимый Кобылянский находился въ тѣсной связи съ Береговскимъ, который, какъ это доказано, обязательно долженъ считаться Русскимъ шпиономъ.

Противъ Кобылянского свидѣтельствуетъ еще найденный при немъ угорскаго происхожденія спички, какихъ въ Сенечевѣ нельзя получить, чѣмъ официально удостовѣрено. Кобылянский утверждаетъ, чѣмъ именемъ въ Сенечевѣ недавно эти спички купилъ. Такъ какъ Кобылянский отрицаѣтъ, будто бы въ послѣднее время перешелъ угорскую границу, а спички угорскаго происхожденія доказываются какъ разъ противоположное, сдѣлать принять, чѣмъ Кобылянский старается затянуть свои путешествія въ Угорщину, ибо онъ имѣетъ специальную членъ. Виду того, военно-полевой судъ установилъ, чѣмъ подсудимый Кобылянский въ качествѣ разбойника въ послѣднее время 10 сентября 1914 года отдавалъ непріятелю услуги и обѣщалъ сѣверную границу Угорщины съ цѣлью предательства.

Иль выше приведенныхъ мотивовъ говорить противъ обжалованного Жабяка еще то обстоятельство, чѣмъ дававшись должная информація о исту-

зенії Русскихъ въ окрестности Сененчола. Этимъ Жабникъ хотѣлъ вызвать тревогу гарнизона въ Торонцѣ на слушачъ, если бы другія шпионскія старанія занесли; она хотѣлъ положеніе и передвиженіе австрийскихъ пограничныхъ войскъ разузнать.

На основаніи изложенного и притраго за правду военно полевой судъ призналъ Жабника виновнымъ. За свое

преступленіе оба (Кобылянскій и Жабникъ) были повышены.

Мы повторили весь этотъ вадор-
ний романъ, а теперь послушайте, какъ
въ дѣйствительности обстояло дѣло съ
этими двумя подсудимыми. А это пояс-
нить вамъ другой судъ.

*“Dziennik Ludowy” № 291,
отъ 21 дек. 1914.*

Пора приговорить „судью“ Загурскаго.

Обжалованіе Кобылянскаго и Шанько Жабника, приговоренныхъ Загурскими къ смертной казни черезъ повышеніе, защищались тѣмъ, что пересекли угорскую границу по приказанію воята съ цѣлью донести австрийскимъ войскамъ о появлении казаковъ возлѣ Долинъ. Кобылянскій утверждалъ тоже, что получилъ отъ воята письмо для нападки (австр.) войска и передалъ его жандарму посту. Съ обжалованіемъ Березовскими выѣхѣлъ не уходить; посыпалъ пѣшъ въ отдаденіи 200 шаговъ за нихъ, совершилъ изнасилованіе, потому съященикъ шелъ за ними. Синички купилъ въ Сененчолѣ, относительно денегъ сознался, что 29 коронъ получилъ изъ почты, прочій получить за проданные оноци. Менікъ деньги вымѣнилъ на бумаги.

На основаніи показаній синичекъ Семена Гачки, Николая Жабника, Маріи Жабники, Анны Гачки, Филиппа Угринца и Франзы Горовицъ слѣдуетъ считать доказаннымъ то, что иѣхъ Илья Цепеневъ узналъ отъ какихъ-то людей, проходящихъ мимо его дома, что въбна Сененчола на „полонинѣ“ стоять сотни казаковъ. Узнавъ объ этомъ, воятъ Пётръ Щепенекъ занесли, что съ

дуетъ извѣстить австрійское войско на угорской границѣ, куда необходимо пойти. Филиппъ Угринъ отказался идти къ австрийскимъ войскамъ; рѣшились идти обжалованіе Шанько Жабника и сельскій писарь Левъ Кобылянскій.

Зашита обжалованій Шанька Жабника и Кобылянскаго была извѣдна: по приказанію воята они пересекли угорскую границу съ цѣлью донести австрийскимъ войскамъ, что въбна видѣли казаковъ.

Изъ показаній свидѣтелей священника Иосифа Охримовича вытекаетъ, что обжалованій Кобылянскій получилъ отъ студента университета Ленинскаго на бу-
мажкѣ соотвѣтствующее для австрійскихъ войскъ донесеніе, такъ что и вѣдь его адвоката удостовѣренъ.

Все это было на второмъ разбирательствѣ доказано, эти люди были освобождены приговоромъ суда отъ всякой вины; однако случилось это послѣ ихъ повышенія. Подобно чѣмъ-то провинившися и священникъ Березовскій,

Такихъ случаевъ имѣть дѣру Загурскъ на своей совѣтѣ сверхъ 100, а люди, которые имѣли сомнительное счастье встрѣтиться съ нимъ, подтверждаютъ то, что онъ любовался сонами богатырскими военными „подлинами“.

По случаю объявленія вынуждающихъ открытие документовъ мы получали со всѣхъ сторонъ благодарственныя письма за то, что всенародно сорвали маску изъ индивидуума, имѣющаго на своей совѣтѣ столько злобъній и нахальство играющаго въ обще-

ственности на почетномъ посту первому роля.

Заканчиваемъ циклъ нашихъ публикацій, такъ какъ не желаемъ кошаться въ отвратительныхъ документахъ прошлаго. Думаемъ, что хватитъ того, что цими объявлено. Не сомнѣваемся въ томъ, что „сулы“ Загурскъ заслужилъ себѣ приговоръ своихъ жертвъ. Но этотъ приговоръ пускай уже вынесетъ само общество.

*“Dziennik Ludowy”, № 292.
22 декабря 1924.*

Документъ.

„Русское Слово“ сообщаетъ текстъ приказа главнокомандующаго австрийской арміей ерцгерцога Фридриха о необходимости поставить въ извѣстность войска относительно терминовъ „Русинъ“ (Ruthene) и „украинецъ“.

Вотъ этотъ текстъ:

„Необходимо обѣднить частей относительно политическихъ взглядовъ и убежденийъ населения, какъ средней и восточной Галичинъ, а также Буковина, такъ и юго-западной Россіи и имѣла часто послѣдствиемъ крупные промахи и несправедливое отношение къ собственнымъ подданнымъ.“

Необходимо обѣднить части изъ вышеизложенного смыслъ, причемъ отрывистымъ пунктомъ можетъ послужить следующая краткая справка. Какъ юго-западъ Россіи, такъ и средняя и восточная Галичина, а также Буковина, населены одной и той же народностью, которая въ Россіи называется мадаросами, а въ Австрии — русинами или украинцами. По вѣрѣ это частью унаты, въ большинствѣ же православные. По

своимъ политическимъ убѣждѣніямъ русинъ раздѣляются на две части. Одна часть — русофили — либо открыто, либо тайно стремится къ отлученію отъ Австрии и присоединенію къ Россіи. Въ эту политическую теченья главную роль играютъ не крестьяне, а ихъ вожаки — учителя и поэты. Другая часть — украинцы — преслѣдуютъ цѣль объединенія всѣхъ украинскихъ венемъ, съ присоединеніемъ къ Австрии.

Въ то время, какъ первая часть преслѣдуетъ противогосударственный цѣль, которая можетъ быть названа лояльной. Понятно, что какъ въ той, такъ и въ другой группѣ встрѣчаются личности съ противоположными или индифферентными взглядами. Поэтому, при разсмотрѣніи каждого случая надлежитъ считаться съ данной личностью. Слѣдующіе пункты могутъ служить руководствомъ для болѣе справедливой и правильной политики:

1) Необходимо поставить въ извѣстность каждого нижнаго чина, что безусловно ошибочно считать зарягѣ всѣхъ русинъ измѣнниками,

2) Также неправильно считать всячъ задержанныхъ изъбнинами, такъ какъ многие изъ нихъ арестовываются по ложнымъ доносамъ.

3) Ложные доносы прекратятся, если вмѣстѣ съ оговореннымъ задерживать (гдѣ это возможно) также и доносчика.

4) Плохое обращеніе съ задержанными подринаетъ авторитетъ военной власти и должно быть наказуемо.

5) Никимъ чинамъ, не говорящимъ на мѣстномъ языѣ, должно быть винуено оправдами, что Галичинѣ отнюдь не является чужой страной; къ живущему въ Галичинѣ долинному населенію необходимо относиться возможно болѣе дружественно.

Ничѣмъ не названное плохое обращеніе нашихъ войскъ, не говорящихъ

на мѣстномъ языѣ, съ населеніемъ можетъ легко кончачъ за собою то, что это населеніе будетъ видѣть въ нашемъ врага, а въ родственномъ по языку и крови казакѣ — изъвантеля.

Въ заключеніе не сдѣлуетъ забывать, что какъ русинскіе (украинскіе) солдаты, такъ и солдаты польской и другихъ национальностей, съ геройскимъ мужествомъ сражались въ рядахъ нашей армии и исполнили, такимъ образомъ, свою долгъ передъ родиной».

Этотъ любопытный документъ нальется цѣннѣмъ, хотя и наподозримъ, привнесемъ самихъ же австрійцевъ въ собственныхъ безчинствахъ и во взрѣахъ надъ картоно-русскими населеніемъ.

«Прик. Русъ 1915 г.
№ 1628 (27 апреля)

Тюрьма св. Бригиды.

Боже, какъ это было гадко!.. Такъ гадко, что стиснули зубы, я чувствовалъ въ себѣ одно тоскующее, безсильное блѣщеніство.

В. В. Шульгинъ.

Львовъ.

Миша не узнавалъ его... Это былъ сумасшедший домъ... Все здѣсь смыкалось, ничего разумного вѣдѣсь не было. Въ сѣрѣ толпѣ героями рискали военные, лавандуринисты, жандармы и городони. Жаждущіе мести, они вѣтѣгъ по потеряннымъ гражданскому чувство гражданами вырывались въ сотни повязанныхъ русскихъ людей и били, били безъ пощады. Пробити одну львовскую улицу — значило выдержать страшное наступленіе. И не всѣ выдерживали:

женщины рыдали и, умѣтнѣ, падали подъ ноги, мальчики и девочки неистово кричали, а мужчины сбивались въ кучи, въ которыхъ падали камни, палки, гривы... Счастливъ уже тотъ, за кѣмъ вахонулась тяжелая, черная, тюремная дверь. Другое дѣло, что тамъ при осмотрѣ обокрадутъ, нарочно поведутъ въ бани, гдѣ перемѣнятъ или слерутъ платье, но тамъ ить толпы и лавандуринистовъ. Тамъ испробованы мучители, но у нихъ прѣмы другіе.

Миша былъ помѣщикъ въ одной комнатѣ съ о. Григоріемъ. Когда въхонулась тюремная дверь, онъ, стоя у порога, поклонулся трижды. Съ подорвѣнемъ посмотрѣли на него находившіеся тутъ священники: Были слухи, что предатели находились въ комнатахъ... Свои своего боялись. Миша еще разъ поклонулся.

— Тюрьма, то значитъ, конечно! — пронесла онъ; о. Григорій улыбнулся.

— Миша, что нового? — спросилъ оръ.

— Побейте меня, о. Григорій, куда хотите, я на васъ не буду сердиться. Дуракъ я, о. Григорій! Нынѣ я мѣгъ былъ въ Кіевѣ, а я вѣдѣ. Два днѣ ни одного австрійца не было. Бѣжать было, нѣтъ не бѣжалъ: росы побоялись!..

Много читала Миша о тюремныхъ занедѣніяхъ, но все имъ запечатленное въ памяти не соотвѣтствовало тому, что онъ увидѣлъ въ тюрьмѣ св. Бригиды. Онъ не могъ себѣ представить, какъ въ комнатахъ могли находиться отходы, отъ которыхъ подымались паръ и смрадъ, какъ туча въ ненастный день. Сироты дѣмѣли этотъ паръ тяжелымъ, и лампочка висела, какъ далекая инѣдоцвета, и всю ночь вокругъ жалтаго сѣста стояло желто — синеватое колѣцо, какое мы иногда видимъ вокругъ мѣсяца. Огъ скжаго воздуха высыхала въ рту слова, и отдыкатъ было несмысли тяжело. Некуда жирокъ, обросший мхомъ и грибами стены, говорили, что они принадлежатъ средневѣковью. Одно окно, правда большое, было лишь на то прорублено, чтобы арестантъ видѣть кусочекъ неба и еще сильные мученія. Солнце въ комнатѣ Миши торговалось только посредственно, отражаясь отъ стеколъ почерѣбившей церкви, стоящей, какъ олицетвореніе унынія, въ серединѣ

кирпичныхъ и каменныхъ тюремныхъ стѣнъ. Желѣзныя пруты придавали окну видъ клѣтки, въ которую изтичѣ арестантъ головы никогда не высунутъ.

— А зачѣмъ ты, окаймленный дуракъ, въ дырочку смотрѣшь? — смылся, обратился къ часовому Мина. Развалы легкій хохотъ. Прибытие роковыхъ несчастьемъ, живиши въ тревожной невѣстности, ожиданіе страшнаго суда, неприникши къ тюремной жизни, многіе пали духомъ, ослабли, забоялись... То же наблюдалось и въ комнатѣ Миши. Обращенія, слезные письма не помогали, и страхъ ростъ все болѣе и болѣе. Самое слово: тюрьма было ужаснѣмъ для людѣ, души которыхъ неспособны были на иаденіе... Это слово для нихъ было убийственнымъ ударомъ и душевной шкаткой. Въ пригнобленномъ состояніи духа раздраблялось чувство. Для вихъ было противно: рѣшетки, черная дверь съ думными замками, жѣлѣзныя койки, глупая лампочка, стулья часового. На все склонялось 'проклятие'. Отъ думокъ голова ходила, въ ушахъ шумѣло.

На улицахъ Львова книжки книжью и книжко. Съ каждымъ днемъ становилось страшнѣе. Вѣльѣ стало ясно, что Австрія отступаетъ; и всѣмъ стало ясно, что можетъ наступить за пораженіемъ страннаго россправа. Толпы хлынули и хлынули. Росла тревога. Бѣженцы сбывались съ войсками; тюрьма наполнилась отчаніемъ. Стало вѣшать и это потрясло до глубинѣ всѣ души вахонавшихъ въ тюрьму. Каждый сталъ думать свою тяжелую думу. Шопотъ лилась монитна, ибо каждому казалось что вѣтъ подъ дверью взволнитъ колокольчикъ, откроется дверь, и его скватить и поведутъ въ уголъ за черными ворота. Въ углу за чёрными во-

ротами стояло 3 столба съ большими крюками. Это были висилицы.

Наступившая ночь усилила страхъ еще въ большей мѣрѣ. Въ тюрьмѣ пропозла суматоха, на улицахъ разгулялся одинъ гуль. Все бѣжало. Около 11-ти часовъ, шепнувшись въ дырочку часовой: козаки во Львовѣ!. Минна передала извѣстіе прочимъ, и оно поѣдствовало, какъ громъ изъ яснаго неба. Синиценики начали на колѣни и стали исповѣдываться, говорить молитвы. Кто-то шепнувшись, что тюрьму возвратутъ,

и всѣ погибли въ это. Каждая минута становилась неизносимой.

Ровно въ полночь, однако, раздалось грохотъ австрійскаго негаца. Приказано выходить и становить въ ряды... Легко сказать: стать въ ряды. Но стать по требованію австрійскаго жандарма — стоило большихъ усилий и мученій, а иногда и жизни. Оштыкъ билъ пуль животъ прикладами, по головѣ кулаками и штыками.

B. R. Ваврикъ.
„Въ водоворотѣ“. Львовъ, 1926.

Первая жертва въ тюрьмѣ св. Бригиды

Ц. въ К. вѣчній комендантъ г. Львова объявилъ: Фабричный истопникъ Иванъ Хѣль и подземный рабочий Семенъ Хѣль изъ села Пониконцы бородаваго юзда за то, что сообщали разнымъ слѣдѣніямъ русскимъ вскорь, въ прѣдѣлѣ того Семенъ Хѣль за то, что възвѣзъ нарочно изъ заложенія австрійскаго разгѣзда, тѣмъ что вѣтъ разгульдѣлъ попадъ въ засаду, — зачинать за совершение преступленія противъ военной мощи русской армии, приговорены на ссыпавіе § 327 военноуголовного закона военно-злесеніемъ дивизіоннымъ судомъ панѣвера во Львовѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ при именѣ въ исполненіе 24-го августа 1914 г. во Львовѣ.

Изъ прик. военн. коменданта г. Львова.

Семенъ Хѣль, крѣпкій и бодрый мужикъ, косильцъ, кѣсть поденій рабочій, на лугу въ глубинѣ небольшой рощи траву. Солнце поднималось уже надъ рощей, и его косые лучи падали на загорѣлое лицо шагавшаго вдоль покоса косаря. Семенъ былъ бѣдный и набитый селянинъ, всю жизнь проживший въ кругу споѣвъ семьи, пѣ предѣлахъ своего села. Онь мало съ кѣмъ разговаривалъ, отъ своего жалкаго хозяйства почти не

отходилъ и оставалъся широкимъ мѣромъ воне не интересовался. Быть онъ кѣстому же негрометану и къ газетамъ даже не прикасался. А между тѣмъ въ мѣрѣ разразились неслыханные войны и возвѣзъ близкайшаго города. Броды уже склонились австрійской войской, готовясь оттуда начать свое хвастливое наступление вглубь русского государства, а Хѣль продолжалъ жить своею трудной жизнью.

Было чудесное утро. На листьяхъ и на травѣ осѣннѣыми алмазами сверкала роса. Въ тѣнѣстѣй гущинѣ кубовъ и въ кустахъ звонко щебетали птички. Съ востока подувалъ тихій теплый вѣтерокъ. Изъѣдка изъ бездонной синевѣ небесъ проносились бѣло-серебристыя облака. Хѣль продолжалъ мѣрно размахивать своей коскою и глубоко вдыхалъ въ себя приятные запахи лѣтнаго утра. Передъ новой полосой онъ остановился, чтобы передохнуть и постричь косу. Поднявъ голову и, къ своему крайнему изумленію, изъ конѣй помынъ увидѣлъ двухъ юдоконъ въ военной формѣ — съ жемчунами вензелями на брюкахъ и жупанахъ. Вѣдомы тоже остановились и пѣгіе, выхоленные кони нетерпѣливо зафыркали и забили подъ ними о землю копытами.

— Что бы это значило? — спросилъ Семенъ, внимательно разматривая покраинавшихъ ему игриныхъ юдоковъ. Вдругъ онъ всдрогнулъ: надѣлъ самой его головой прокужали пузы и въ глубинѣ лѣса дробными ехомъ отдали ружейный выстрелъ.

— Неужели война? — холодомъ обдала Хѣль страшная мысль.

Точно по командѣ, всадники сорвались съ своихъ мѣстъ и ныркемъ исчезли въ немъ.

— Поймали! Шпіонъ! — дико закричалъ по-мадырски одинъ изъ гусаръ. Весь багровъ отъ ярости, онъ вытащилъ изъ ноженъ блестящую саблю и ударилъ ею Хѣля по головѣ. Тотъ слегка отшатнулся; сомнѣніемъ его шапка свалилась съ головы на землю, и сквозь сѣдѣя космы волосъ просочилась свѣжая кровь.

— Ага, русскій шпіонъ! — зашипѣлъ другой гусарь и, подѣхнувъ къ Хѣлю, началъ бить его шашкой по

плечу. Хѣль совсѣмъ растерялся. Глаза его занюхло слезами боли.

— За что вы на меня напали? Вѣдь чѣмъ я передъ вами провинился? Застанаъ онъ рукавомъ рубахи стирая съ лица струйку крови, въ отвѣтъ Хѣлю гусары спрыгнули съ своихъ коней, поналили бѣззаплатнаго на асемъ и тѣжелыя сапожицами стали бить его по головѣ. Черезъ минуту все его лицо покрасилось багровыми пятнами и кровью, одежда — прорами, а зеленая трава вокругъ — ключьями велоси. Хѣль лишился сознанія.

На галицко русскому мужику семь цукуръ. Не одно, а цѣлыя шесть стоятъ незвѣдъ и сграды, вынесъ онъ изъ своихъ плечахъ. Знаетъ онъ, кто такие австрійцы, а въ минувшую міроподобную войну узналъ онъ, кто такие и мадырскіе гусары. О, это народъ горячій, и русскихъ не щадитъ.

Когда Семенъ очнулся, гусары еще находились возѣ него. Они приказали ему встать и сѣдѣвать за винами. Съ трудомъ поднялся онъ и наѣравился, было, къ своей соломенной шапкѣ, но одинъ изъ гусаръ загородилъ ему дорогу и отѣхъ яростно заоралъ на него. Хѣль понурилъ израненную голову и побрѣзъ за гусарами. Кронъ на лицѣ и на рукахъ уже подсохла, но раны мучительно горѣли.

— Милые мои, — заговорила крестьянинъ къ гусарамъ, молитвенно сложивъ моржинистыя руки — но имъ Христа отпустите меня домой. Тамъ у меня жена и дѣти. Они безъ меня про падутъ.

Мадыры разразились страшнымъ хохотомъ и пальцами обвели вокругъ своихъ щекъ. Въ смертельный ужас замерло сердце Семена.

— Боже, неужели вислица? —
простонала она. Мысли спутались въ
его головѣ. Она пробовала молиться
и — не могла.

Доставили Хмѣль въ Броды, гдѣ
все уже поистинѣ было настроено и
волновалось. Тамъ онъ первыи почувствовалъ
иску свою слабость и безза-
щитности и передъ лицомъ грубаго на-
снайца сопреренія растерялся и паль-
духомъ. Его передавали изъ рукъ въ
руки и вслѣдъ оставали грубой бранью,
угрозами и побоями... До вечера его
держали въ мѣстной тюрьмѣ, а ночью,
вместѣ съ другими мужчинами, отпра-
вили во Львовъ и бросили въ ужасную
Бригидскую тюрьму. Эта тюрьма была
мрачна и тѣсна и давила смрадомъ и
гнилью. Хмѣль повалился на голову
доски желѣзной койки и судорожно за-
рыдалъ.

— Боже, за что такое бѣщестіе и
такая несправда? Схватили и занерпили
здесь... И за какое премя? Когда лутъ
еще не скoshенъ, и жина не убрана?..
А вдругъ отсюда не выпустятъ жи-
вымъ — побѣгутъ?! Чѣмъ тогда ждѣть
семъ? — Она при мнѣ едва сподела
кощцы съ концами, а безъ меня нагѣроно
разорится и пойдетъ по миру съ супомъ.

Семенъ смертельно застоскался по
своему семейству и родной хатѣ. Онъ какъ-то
сразу осунулся, сонсѣмъ побѣгъ и
лишился сна.

Что было причиной его теперешнихъ
бѣдъ? Только его русскіе и мѧ!.. Къ такому уѣздженію Хмѣль
принесъ послѣ долгихъ тигостныхъ
размышеній въ токреніемъ заключеніи.

Въ тюрьмѣ Хмѣль буквально пере-
родился. Проснулась стихійная любовь
къ несчастному родному краю, къ своей
русской пѣрѣ, къ своему многостадальному
народу.

Иногда падалъ онъ въ сладостное
забытье. Тогда чудился ему шансъ род-
ного Стара; точно на яву, зеленѣла
передъ нимъ знакомая рожа съ немы-
кошенней полинкой. А вверху, словно
проснувшееся дитя, ему улыбалось утрен-
нее солнышко. Высыпало изъ сѣѣтой
дынки беконечно мызыхъ лица всегда
озабоченной жены и еще неокрѣпшіхъ
дѣтей. И слезы огненной тоски теплыми
русьими тогда текли по морщинистому
и израненному лицу Семена, а могиль-
ную тишину тюремъ тревожила стонъ:
Боже милосердный! Неужели ихъ я боль-
ше не увижу?

Молій неслася по Галицкой Руси,
къ сѣдому престольному Львону, дѣ-
лестныхъ русскихъ войска и вслѣдъ и
всегда бытые австрійцы изъ всѣхъ силъ
отъ нихъ уѣбали. Потерпівшій раз-
раженіе нужны были оправданія своего
позорнаго отступленія — и вся вина
падла на русскихъ галичанъ. Военно-
полевой судъ приступилъ къ дѣйствіямъ
и первой жертвой въ тюрьмѣ сп. Бри-
гиды оказался Семенъ Хмѣль. Въ под-
анномъ мадибрзскимъ гусарами рапорѣ
онъ обвинялся въ томъ, что былъ по-
мѣнъ ими въ ронѣ и пленъ ить
заживо.

Сѣѣтало. На улицахъ сѣдого Львона
было еще безлюдно, но въ Бригидской
türьмѣ уже вакханія жизни. Желѣзныи
двери одиночной камеры съ винтомъ
распахнулись и въ камеру Семена по-
шѣвалъ ксендъ подъ схороной профоса и
духъ капрашовъ.

Отъ стука Хмѣль очнулся и при
пѣдѣ ксендъ сѣѣтъ со своей койки.
— Оынъ мої! — съ напускной
грустью въ голосѣ и во взорѣ vagон-
иръ ксендъ. — По приговору военно-
полевого суда тебѣ должны сейчасъ
казнить и я послѣшиль къ тебѣ съ

послѣднимъ утѣшеньемъ. Не желашь ли
ты передъ смертью исповѣдаться?

Неловкими отъ неуверенности дви-
женіемъ ксендъ поднялъ надъ Хмѣлемъ
крестъ...

Взгнувшись Семенъ на ксендъ, по-
томъ на вооруженныхъ профоса и ка-
прапоръ и побѣдѣлъ. Сердце словно
оборвалось; по глуѣ пробѣжала ледяная
дрожь. Не приснилось ли ему все это?
Онъ провелъ рукою по головѣ и гла-
замъ и оять посмотрѣть на ксендъ.

— Я? На смерть? На какую? И за что?

— переспросилъ онъ тихо.
Кинкомъ головы капрашъ указалъ
ему на ламповый крюкъ, а пальцемъ
обвелъ вокругъ шеи.

— Смирись, покайся и прими
Святое Причастіе, посовѣтованъ ксендъ.
Но старикъ вдругъ выпрыгнулъ,
подошелъ почти вплотную къ изиен-
ному ксендзу и твердо заговорилъ:

— Мою предсмертную исповѣдь
выслушаетъ лишь одинъ Господь Богъ.
А передъ тобою — слугой лжи и на-
силия — когдѣ я не преклоню.
Уныло произнесъ колокольчикъ;
ксендъ удалился.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ
капрали сняли Хмѣлю руки и длин-
нинъ коридоромъ вынесли его во дворъ
къ мусорному мѣсту. Тамъ на фонѣ
розвиваго неба уже чернѣла висѣланца.

Ваганула Хмѣль на жѣтвенный крюкъ
и — согнулся, точно этикъ крюкомъ
его ударили по затылку. Закружилась
голова. Потемнѣло въ глазахъ. Судорож-
но вскинула голову вверхъ, чтобы
еще разъ полюбоваться солнцемъ, но
оно еще не всплыло, а по двору тюремы
никогда и не всплыналъ. Въ посѣдѣ-
ющей минутѣ ему почудился надгробный
плачъ жены. Она трижды истово перекре-
стился и стала покоренъ, какъ ре-
бенокъ.

Палачъ прикасалъ ему вѣйти на
стулъ и вакинулъ ему на вагорную
морщинистую шею петлю.

Несмотря на ранній часъ, у тю-
ремныхъ воротъ собралось много ав-
стрійскихъ офицеровъ и городской шлях-
ты, желающихъ насладиться кануномъ пер-
ваго русскаго „шіона“...

Загорѣлось сердце у Семена и изъ
всѣхъ силъ онъ имъ прикинулся:

— Эй, вы палачи! Думали смертью
запугать русскаго человека?.. Знаите же,
что сейчасъ не такъ мнѣ жаль жены и
дѣтей, какъ жаль того, что почти всю
жизнь я прожилъ сѣѣть и не аналъ,
гдѣ правда. А теперь знаю, что ей
здесь нѣть и не было, но уже скоро
будетъ.

Палачъ поспѣшилъ выбрать изъ подъ
его ногъ стулъ. Хмѣль поникъ изъ поз-
духъ, закричалъ и затрещалъ.

B. P. Vaarak.

В и н о в на я.

(Изъ газ. „Новое Время“).

Чистая сердцемъ, простая обычаемъ,
небогатамъ, подчасъ голодная, сильная
множествомъ, слабая непорядкомъ и тем-

нотою строилась святая Русь. То — не-
задно, это — нехорошо, а въ общемъ,
слава Богу, живы: Христосъ терпѣлъ

и намъ велить. Но если многое слово она упсказала, если порой робко старалась передъ самодоволивымъ хозяиномъ блестящихъ зашитныхъ гостей, одного она никогда не могла вынести: плача и стоная, долетавшихъ до нея изъ далекой чужбины. Сколько разъ ополчалась она, чтобы выруть сноихъ и отъ этого татварина, и отъ пигри башбуука, и отъ акаованаго въ жеизъ нѣца. Вся русская лѣтопись, отъ древнѣйшихъ временъ и до посѣгшихъ дней, не является ли сплошной поистѣни немоли и мученій, сплошныхъ и кровавыхъ усиленіемъ освобождѣнія?

Послѣднихъ своихъ дѣлъ, въ конецъ замученныхъ и обезсмыслившихъ, снятая Руслю освобождѣаетъ. Она очистила ихъ земли, но дальше, на предѣлами огненной полосы, еще томится по тюрьмамъ, еще стонутъ въ оконахъ тысячи русскихъ галичанъ.

Она очистила ихъ земли: на прики расшиненныхъ, бытыхъ, сожженныхъ, на юноши сирота задушенныхъ и прибрѣзанныхъ, она устремилась непобѣдимымъ порывомъ свѣрго войска и ворвалась съ винтовкой въ рукахъ, изъ изобрѣтной, запыленной одежѣ, она только что разбила присядомъ зеркальное окно вениковыхъ падать зашитной культуры, вскочивъ въ это окно и ступила тижелии саюгомъ на мякихъ, роскошный коверъ...

И вотъ она озирается, застынило и виновато улыбаясь.

Она какъ будто не можетъ понять что эти роскошныи пазаты созданы кѣкою несправедливостью и рабскими

трудомъ обображеніемъ и подменойахъ еи сылонъ. Ей собственно помять при чудильце цѣтники, выроненные на лѣдогорской вемѣль чужими насилиниками, проглавившими съ родного поля голоднаго

хозяйки и его ребятишекъ. Цѣтники такъ красивыи, и среди нихъ гуляетъ какой лажинъ баринъ.

Растерпинъ глядѣть бѣдна, торжествующая виновница, — крестьянская Русь, робко замираетъ у неи на устахъ вопросъ: «гдѣ же вы, мои сыны?» А сыны еи тутъ: это карпатскій пастухъ съ хощенными мѣшкомъ за спиной, а въ мѣшкѣ хлѣбъ, да кусокъ очевидно сырья, это — приниженный, бѣдныи хлѣбъ, и знающій какому пану ему тешер нужно руку цѣловать, это въ голосъ ренуніи поповъ дѣти, подобранніи казаками изъ губы, куда она „итѣбѣ“ поѣхѣла того, какъ матъ ихъ закололи штыками „жолнеры“, а отца увезли куда въ кандалахъ по приказанію блестательного князя церкви, уніатскаго митрополита графа Андрея Шефтицкаго.

— Ахъ вы бѣднѣ... все ли вы тутъ? —

Нѣтъ, не всѣ; нѣтъ идутъ еще строительныи ряды, смѣлые, довольные, со знаменами. Говорятъ: живѣсь намъ хорошо и тебѣ мы не винимъ. Чурь, близко въ подходѣ и настѣ не трогай, да съ родственномъ своимъ не болно приставай, — не такъ ужъ лестно.

— Да кто же вы такие?

— Вотъ, что обозначено на нашихъ слягахъ, а что на знамени, то и на сердѣцѣ: видите, подотинце астрѣйскихъ цѣтволовъ и на немъ портретъ Мазепы. Что ты отпергъ, тому мы молимся; что покрискашъ, то мы читимъ. Не сыны мы тебѣ и ты намъ не матъ.

И еще ниже клонитъ голова синей, крѣтской Руси, и еще смущеннѣе еи добрыи, сградающей улыбка. Чо дѣлать? Какъ быть?

На изгручу явилась господская, ученная Русь. Она все знаетъ, все читала, все порѣшила, искушу бѣду ру-

камъ развелла и распоряжаться мастерица. Вотъ она и учитъ: первѣе всего помни, что ты — дура, сионгами по копрѣть не сѣди и со своими хлѣбами да пастухами не лѣзь. Хлѣбы къ инциѣтѣ привыкли, потерпѣть еще; бѣды не будешь. Глаплю — помни, что на насъ смотрятъ Европа, а изѣцы въ тысячу глазъ глядѣть, все ждутъ, на чѣмъ мы проптрафимся.

Такій поученій несутся изъ Киева, Москвы и Петрограда, гдѣ суетятся печальники „несчастныхъ украинцевъ“ и почечтеныи „культурныхъ“ изѣцовъ. Они охантъ, какъ бы славя Русы не сѣдала неудобнаго шага, какъ бы не проинила усердія къ своей православной пѣрѣ. Они въ ужасъ шинютъ:

члутся безтактности, воинъ съ право-
славiemъ, что о настѣ будуть думать
нечмъможные прелаты, аристократические,
наридные ираги?

Нѣтъ: бѣдна, чистая сердцемъ, святая страдалица Русь, — не никонова тиши ни въ чѣмъ и можешъ съ высокой подиумыи челомъ истукнуть изъ занесенной богатыя палаты. Сѣны ихъ тысячу разъ опачканы бѣднѣюю кровью родныхъ страдальцевъ и иѣть въ нихъ места для насилиниковъ и предателей. Онѣ не огласяютъ полами аѣрскаго торжества, по звуки своей древней памятной молитвы пусть громко наполняютъ эти сѣни недѣлективной, торжественной хвалой.

А. А. Столынинъ.

Въ уніатской церкви.

Величественное, мрачное, обѣяніе лѣмкѣй среднѣѣвѣкѣй зданіе Стапроїгійскаго Успенскаго Собора съ вернижъ же днѣмъ моего прїѣзда въ Львовъ очаровало меня своеобразной красотой.

Захотѣлся прѣоткрытии оконную жеизъ двери и проникнуть внутрь этихъ мгласто-сѣрыхъ, массивныхъ стѣнъ, напоминающихъ каменный гротъ старинныхъ замковъ.

Когда мнѣ сказали, что „то есть русская церковь“, то я не покривилъ — настолько мрачная красота этого адѣяния была чужда моему представлению о нашихъ жизнерадостныхъ православныхъ храмахъ.

Выкрашенныи въ сѣйтную краску — розовую, голубую, желтую или ярко бѣзую, съ золотыми, всегда синющими куполами и крестами, съ огромными окнами, просторными, оглашаемыи пере-

зинатыми, согнувшисьъ японскими колоннами, — наши русскіи церкви уже своимъ наружнымъ видомъ суть каждому входящему въ нихъ столько свѣта и тепла, столько успокаивающаго, болѣрнаго уюта, что утихаютъ страданія, безмѣткіи скопіи охлаждаютъ душу, просты, спѣты и радостнѣ аѣра тѣшить сердце, когда молнишь подъ ихъ круглыми сводами.

Такъ ясно становится на душѣ, разрѣшаются всѣ сомнѣнія, находятся простые, убѣдительные отвѣты на мучительные, проклятые вопросы, раскрываются всѣ тайны...

А эта сбро-веденіе башня, какъ гранитный надмогильникъ, мрачнѣмъ силуэтомъ вырѣзается на туманномъ осеннемъ небѣ. И чудится, будто подъ ней въ старинномъ склепѣ, погребена какая то страшная, горестная тайна...

Внутри холодно и мрачно.

Трепога и печаль нидна на скорбных линиях молащихся.

Судорожно вдрагинает и колеблется пламя массивных свечей по бокамъ маленкаго иконостаса предъ думы огромными иконами.

Строго глядѣть лица снятыхъ на стѣнныхъ фрескахъ западнаго письма.

И снова возвращается тревожная мысль, что эти холодныя, тяжелыя плиты хранятъ какую то мрачную тайну — память объ ужасахъ средневѣковья, объ упорной борѣѣ за родину, старую вѣру и о мучительныхъ насилияхъ надъ героями-борцами...

„Яко же согрѣшихъ предъ Богомъ...“

Но вотъ, торжественное вѣрой и упование азучитъ: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“...

Торцарь Богородицы на Рождество Ея азучитъ уже бодро: „Яко Спаса родила еси душу напицъ“. Пригнѣть къ ектении „Помилуй мя, Боже, помилуй мя“ пѣли на разные лады, дружно и трогательно. Слезы катились изъ глазъ, изъ груди щемило, изъ горлъ щекотало и я посыпалъ на посту, на жаждущу насту „волынку“ подъ голову одного изъ мѣстныхъ мужиковъ, присоединившыхъ къ обозу.

Почти понесмѣство остался гадъ-русскій народъ безъ своихъ священниковъ, ученыхъ австрійцевъ, между тѣмъ какъ синицники мазепинскаго толка оставили большую частью свою частушу на произнѣвать судьбы и бѣжалъ всѣдѣ за австрійцами.

И быть изъ горячихъ молитвахъ, хотя и безъ священника, но при повышенномъ религиозномъ настроении, находить народъ душевное утѣшеніе, причемъ закрѣпляется въ его душѣ сознаніе народного и религиознаго единства съ освободителями солдатами въ гармоніи общихъ молитвъ.

(Изъ газ. „Киевская Мысль“.)

Сироты.

Сиротой роща галицко-русской народъ подъ скрипетромъ десницотической мачехи Австріи. Нелюбимый пасынокъ изъ чужой семьи, обреченъ быть на мучительные ущербы за каждый съѣденный кусокъ хлѣба.

Отвергнутый, презираемый, онъ, овѣбленный, замыкается въ себѣ и въ мечтахъ, затавленныхъ въ самой глубинѣ сердца, лѣтаетъ свои надежды на сѣть, безмятежное счастье.

Пусты тѣжелы, полны страданій бедствійнаго дѣйствительности продолжаетъ окружать обездоленнаго ребенка, идеальный миръ радужной мечты крѣпнетъ и ширится въ его душѣ. И настаетъ время, когда мечта сливается съ дѣйствительностью; когда и въ жизни сирота блестаетъ, наконецъ, переливаясь яркими цѣлами, радужное, солнечное счастье. Незигданная досѣль сироту къ новой жизни, и радостное сознаніе пробужденія, вѣтвѣнѣяетъ изъ его истер-

занной души воспоминаніе о компар-номъ сѣѣ.

Сиротой выросъ галицко-русскій народъ, пасынкомъ быть онъ въ австро-венгерской семье народовъ. Но въ гѣдахъ народа сояній въ Карпатской Руси танцуетъ изжана мечта, перешедшая въ твердую вѣру, что расцѣтеть на опустошеннѣй галицкой землѣ цѣлѣкъ счастья, что суждено сироп Галичинѣ увѣатъ материнскую ласку...

Мачеха и ея сыны, прощающа съ сиротой Галичиной, ярко проинила свое отношеніе къ ней — безжалостно разрушали галицкіе города и деревни, оскверняли храмы, изолили отца и дѣтей, обещавши женщинѣ и уши, оставить, пѣ разоренной странѣ однихъ дѣтей — беззащитныхъ сиротъ, лишенныхъ крова и семьи.

A. Кисловскій.
„Прик. Р.“ 1914, № 1471.

Памяти замученныхъ.

(Сокальскій уѣздъ.)

1 июня 1923 г. состоялся переносъ тѣнинъ останковъ крестильнъ села Ульвонъ и Конотопъ, Сокальскаго у., изъ села Хорборова на кладбище изъ Ульвонъ. Это — жертвы австрійскаго террора 1915 г.

Въ прибужанской долинѣ, изъ Сокальскаго уѣзда густо раскинулось рядъ селений, населенныхъ русскимъ населениемъ. Названия селъ указываютъ на ихъ старое происхожденіе, сиающее книжескаго периода, а историческая хро-

ники упоминаютъ о нихъ вперное изъ лѣтъ 1400. О русскомъ происхождѣніи населеній изъ упомянутыхъ селъ свидѣтельствуетъ также мѣстный волынскій гоноръ, сохранившийся тутъ по нынѣшній день. Населеніе твердо сохранило свою русскость и жило всегда лучшимъ будущимъ. Русскій поисѣкъ заняли въ 1914 году окрестность безъ бою.

Но судилось иначе. Наступицъ 1915 годъ, русская армія отступила,

вернулись австрійцы. Въ каждомъ селѣ десятками арестовывали молодыхъ и старыхъ у кого лишь нашли хотябы кусокъ русского письма. Арестованныхъ отставали изъ села Хоробровъ, отдаленное на дѣлѣ мили. Тамъ находилась штаб-квартира команда армейской части.

Въ с. Ульевскѣ были арестованы пасомщикъ Саганскій — разстрѣленный въ Сокаль, а кромѣ него Йовинъ Саганскій, Василий Криштофъ и Илья Кузыма, а въ Конотопахъ Даниилъ Голонка. Арестованные были отправлены въ Хоробровъ. Военный судъ не нашелъ ихъ виновными. Тогда дивизионный командинъ заявилъ, что для устрашения необходимо разстрѣлять нѣсколько человѣкъ.

Судьба хотѣла, что карандашъ въ руки генерала подчеркнулъ фамилии Сачока. Криштофа, Кузымы и Голонки. Мучениковъ привезено къ деревеньямъ и разстрѣлено.

По долгихъ мѣстарствахъ семьи разстрѣленныхъ получили разрѣшеніе перенести ихъ въ родное село. Для похоронъ былъ вызванъ крестьянами изъ Русско-Ранскаго уѣзда бывшій тафергешъ синицъ Пант. Скоморовичъ. Характерно, что Ульевскій настоятель прихода украинофиль Карпикъ несмотря на просьбы синицъ Скоморовича не разрѣшилъ внести гробъ съ тѣлами останками въ церковь.

«Русский Голосъ» 1923 г.

Могила надъ Бугомъ.

Кто прочтетъ этотъ разсказъ, пусть имѣтъ со мной зашачечку на могилѣ замученного Петра Сологуба, ибо тогда, какъ хоронили его — никто не пакалъ надъ его гробомъ, лишь овѣрѣвшіе гробницѣ солдаты, зарыли еще теплое тѣло убитаго, гонорили скимки кулаки: «ферфилоктеръ гундъ!»¹⁴

Произошло это 27-го июля 1915 г. Село Доброторѣ на Бугѣ лежало между двухъ позицій. Съ одной стороны стояли австрійцы, съ другой — русскіе. Часть доброторѣвцевъ бросила село: одни пошли съ русскими, другіе отдалились за австрійскую боенную линію. Тѣ, которыхъ жалѣло оставлять свое хозяйство, остались дома, прячась въ ямахъ и погребахъ. По Доброторѣ ширяли русскіе и австрійскіе разнѣд-

чики. раздавались выстрелы, падали мертвые люди, а ихъ труны лежали подъ голымъ небомъ, ибо незадолго изъ похоронитѣ. Черики они на солицѣ, разлагались, наполняя цѣлое село не выносимой вонью, отъ которой невозможно было дышать. Тѣ изъ штатскихъ жителей Доброторѣ, которымъ жизнь изъ сѣлѣ стала не выносимой, перекрадывались ночью нескстаткой рожью, вхаживаясь съ собой часты имущество, и прятались въ лѣсахъ, или искали себѣ пристанища среди родственниковъ и знакомыхъ изъ Рогачихъ, Химахъ и Константіонъ.

И была тогда первенчкомъ русскаго языка при штабѣ первой бригады всебоцаго ополченія и потому черезъ мои руки переходили изъ тѣхъ несчастныхъ бѣженцевъ, которыхъ я долженъ быть

подыскивать квартиры; эту задачу я исполнялъ съ величайшимъ удовольствіемъ, а моя душа сияла неискаженной радостью, когда мѣхъ приходилось этимъ несчастнымъ жертвамъ жестокой войны осушить горькую слезу или дать какой-либо советъ.

Приходилось часто не спать не одну ночь, цѣлыми днями бродить по лѣсамъ и поляхъ, быва ли тогда погода или неспѣшь, гдѣ говорѣ и ходить, однако я чувствовалъ себя счастливымъ, когда не одна женщина и не одинъ старикъ съ глазами, полными слезъ, благодарили меня, если удавалось кому вибуть изъ нихъ счасти передъ реквизиціей коровы, или вибрать изъ руки птиця того или иншаго мужика.

Случалось, что не одну жертву удавалось мѣхъ вибрать съ подъ виѣаницы, доказывая передъ судомъ, что приговоренный къ смерти, и не измѣнился, и не широпътъ. Но все же изъ одного случая, именно въ томъ, который здѣсь хочу рассказать, я не могъ сдѣлать ничего, моя помощь оказалась опоздавшей.

Пониене въ томъ мой головѣ. Уже пѣскою днѣи мы не видѣли хѣбъ. Нашъ варинъ какую то трапу, которой я никакъ не могъ есть, а питался лишь овощами, которыхъ было вдоволь изъ опушеннѣхъ селахъ.

Того днѣи, когда погибли ни пѣчъ неизвестнѣйшая мужжикъ съ Доброторѣ Петръ Сологубъ, раннимъ утромъ изъчищилъ и свое желаніе отнести пѣскою штатскихъ людей въ село, расположеннное поблизости позицій, куда штатскимъ людимъ можно было идти лишь по со-прохожденій поенинъ. И думалъ отнести людей и одновременно сходить изъ Константіону и кунить тамъ для себѣ хѣбъ. Такъ и слѣдѣалъ. Зашелъ про-

вѣзий на днѣи дна и возвращающа въ приселокъ Рогачи, гдѣ стояла моя бригада. Не успѣвъ я еще раздѣться, какъ вѣжжалъ ко мѣхъ „каніръ отъ днѣи“ и кричать по измѣнѣ: «Сейчасъ гдѣ судъ, читать смертный приговоръ!»

Мое сердце что-то скакало, бѣгу.. Въ комѣтѣ, гдѣ былъ судъ, сидѣть нашъ майоръ-адиторъ Лянгеръ, дна неизвѣданныхъ офицера и нашъ такъ называемый „олицомандантъ“ оберъ-лейтенантъ Людвигъ (изъ Вѣнѣ). Майоръ, протягивая мѣхъ листъ бумаги, замѣтилъ:

«Куда вы ходите, настѣ искали, а потому что васъ не было — замѣтилъ настѣ г. оберъ-лейтенантъ Н. Н. (вѣдѣ называлъ майоръ фамилію, которой я все таки не помни) какъ переподчинить русскаго языка. Вотъ вѣдѣ имѣмъ шинона (онъ указывалъ мѣхъ на мужика, который стоялъ передъ столомъ съ связанными руками) котораго мы присудили къ смерти. Прочтайте приговоръ!»

Дрожащей рукой взялъ и бумагу и читалъ:

„Въ имени его величества кесаря... признается Петръ Сологубъ, хозяинъ съ Доброторѣ, пиноничъ изъ пополненія преступленій, какъ шпонъ, совершилъ днѣи такого то тѣмъ, что, оставаясь изъ Доброторѣ, выскѣживъ австрійскіи позиціи и почло сообщать непрѣдѣлу при помощи огня, послѣ чего всегда наступала усиленная непрѣдѣльскіи огни по наши позиціи и т. д. — посыму на основаній такого то параграфа приговаривается названного къ смерти черезъ разстрѣлъ!»

Дочитавъ и слышавъ голосомъ до конца и смотрѣ — Петръ Сологубъ болѣдый насъ ранно, что стѣна, связанная крестообразно руки опустить къ нишу, потому свождѣть ихъ продѣ того

как на молитву, поднесь въ верхъ и
стать говорить сквозь слезы:

„Господа, мы все равно, буду
и жить иль нѣтъ, но настъ буде судить Богъ за то, что вы отнимаете
мужа женѣ и отца дѣтей. Я не могу
оправдываться потому, что настъ не по-
нимаютъ, а вы не понимаете меня. Но
ниже среди настъ одного человѣка, ко-
торый мой языкъ понимаетъ (адѣсь Сологубъ указалъ на мене) и я ему
расскажу чѣто и сдѣлай и за чѣто меня
схватили...“

„Некогда разговаривать! — перебѣгъ маляръ авиторъ — вы смышили
присоѣд., который сейчасъ буде исполненъ
скажите, хочете ли еще видѣться
съ женой и дочерью, которые стоять
адѣсь на двоѣ?“

Петръ Сологубъ побѣдѣлъ еще
больше и смоакъ.

Судъ началъ. Тогда приговорен-
ный къ смерти обратился ко мнѣ съ
модящимъ взглѣдомъ, а я, не зная еще
чѣто дѣло, спрашивали:

„Чѣто съ вами случилось?“

„Я сидѣть въ ямы уже двѣ не-
дѣли. Днемъ сидѣть, ибо запирено
было показываться, а ночью выходить
на гумно посмотретьъ въ конюшно или
сарай, ибо нужно было в коровѣ дать
кору и, ипините на пижраженіе, къ
поросенку загнануть. Этой ночи я вы-
шелъ съ ямы, чтобы, какъ обыкновенно,
взгнануть на скотину, темно было,
и споткнулся на какой то предметъ,
продѣ синцаго человѣка, лежащемъ синичу
смотри — мертвый солдатъ лежитъ на
моемъ подножрѣ. Возвращаясь, хочу женѣ
объ этомъ рассказалъ, когда та же
минуту побѣкли два пленерскихъ сол-
дата и меня отнесли“.

И тѣмъ временемъ усѣялъ бѣгло
просмотрѣть акты, списанные съ при-
говоренного, гдѣ было написано, что
онъ подавалъ огненные вѣнцы непріятель-
ско, ходилъ ночью между трупами и
обсыкивалъ у нихъ карманы. Такій по-
казаній даѣтъ подѣлъ присной однѣ вен-
герской „утсфѣръ“.

Попторяя это приговоренному, а онъ
рѣшительно опровергаетъ это, говоря:

„Когда бы я грабилъ убитыхъ, тогда
бы имѣлъ при себѣ деньги, либо тъ
мѣстѣ гдѣ живу. Что же касается
огненныхъ вѣнцовъ, которыми и нѣкогда
сообщали русскимъ войскамъ, чтобы
они отстрѣляли въ венгерцевъ, которые
стояли возѣ моего хозяйстваѣтъ окоч-
ахъ, то тѣмъ самимъ привезкали бы
ихъ огонь на свое хозяйство, на свою
жену и дѣтей, на свою скотину, ко-
торую я такъ отъ огня хранилъ.“

Тѣмъ временемъ кто то уѣдомилъ
жену Сологубу, что его присудили къ
смерти. Она обѣжала съ отчаянными
криками, припала къ его колѣнъ, и
вѣроятно пощупывали его связанные руки,
кричала:

„И за чѣто? За чѣто? За чѣто
бѣrete его, палачи!“

За неѣ побѣжала дочь приговорен-
ного и обѣла его за шко, пились
губами въ его перестрашенное, смѣртно-
блѣдное лицо...

Эта картина дивилась можетъ быть
полть минуты, а мнѣ кавалось, что она
станется цѣлые годы, такъ тяжело мнѣ
было смотрѣть на мученія этихъ троихъ
человѣкѣ...

„Я сама не ёла, все, что имѣла —
стрипала и выносила тѣлкомъ нашимъ
солдатамъ въ окопы, кормила ихъ, по-
тому что были голодные, потому что то
что наши“, а настомъ прагою себѣ
выкорнила, — они отъ меня собственную
жизнь отбираютъ“, такъ приговаривала
жену Сологубу, валамывая руки.

Пришло распоряженіе забрать при-
говоренного и убрать женщины, чтобы
не видѣли, что будетъ съ ихъ отцомъ
и мужемъ.

Ихъ отрѣзали; одинъ тянетъ
дочь, которая отшѣла свои бѣлыя руки
нокругъ шеи отца, другой пробуетъ
здвинуть жену, которая обнѣла приго-
вореннаго ноги, валился по землѣ и за-
ливалась горячими слезами.

„Берите и меня съ нимъ!.. Куда же
и пойду безъ него, что я на сѣѣтъ
предприимъ безъ мужа? — продолжала
жена Сологуба.

Пришло четырехъ солдатъ съ пин-
товками, двоихъ съ душатами, пашко-
мандытъ выдалъ каждому то распоряже-
ніе... Вѣдѣтъ нерпинчане, бѣготина, ибо
предстоитъ разстрѣлять шпиона!

И какъ пришибленный стоялъ позѣ
набы, гдѣ состоялась судъ. Жену и дочь
отнесли въ сторону обоза, откуда все
еще неслись ихъ стоны и душу разди-
ракий крикъ. Приговоренный стоять
на улицѣ съ обнаженной головой. Четыре
солдата съ наложенными штыками
стегни его. „Пашкомандытъ“ замѣ-
тилъ меня и говоритъ:

„Альзо, должны разстрѣлять шпиона;
съ истинными удовольствіемъ самъ скон-
чанду: пии! Ибо подобными людимъ
что единственное возмождѣ: пущи въ
любъ и кончен!“

„Развѣ это должно произненіе себ-
ѣ? — спросилъ я, набрасывая храб-
рости (да, нужно сказать — тѣмъ и было
уже „бѣфтероръ“, а всѣмъ изгѣстно,
что значить въ австрійской армїи обы-
кновенный солдатъ въ сраннѣй
с офицеромъ), — можетъ быть... и не
 знаю... потребовать болѣе спѣдѣтевѣ,
потому что лишь единъ спѣдѣтевѣ учи-
чить Сологуба... А это можетъ быть
мало, мужикъ говорить въ свое спри-

даніе такъ, что я побоялся бы бросить
даже тѣнь подозрѣній въ томъ, что отъ
шпиона.

„Молчать!.. Какъ мы смиѣте что
либо подобное говорить — загремѣть на
меня „оберъ-лейтенантъ“, — не то —
пойдете туда, куда иѣ хотѣтъ пойдеть!“

Все пропало, подумалъ я. Пошлась
несчастная жертва въ руки такихъ лю-
дей, которымъ смерть человѣка откры-
ваетъ дверь къ авансамъ, карьерѣ,
крестамъ. Поэтому, стоять ли останов-
ливаться передъ тѣмъ, пустить иль нѣтъ
пушкѣ въ любъ русскому мужику? Что
сегодня стоять одна человѣческая жизнѣ?
Потому то такъ послѣдно пригорошили
смѣртной казнѣ Сологуба и уже не-
дѣла его за село, гдѣ передъ нимъ
должна открыться черная могила, въ
которой уже никогда ему не воспѣть
красное солнчишко.

Послѣ моей неудачи съ „паш-
командитомъ“ изѣѣжалъ и за село, пы-
тываюющіеся направлениемъ отъ мѣста
казнѣ Сологуба, чтобы возможно дальше
бѣти отъ убийца, отъ мѣста убийства...

Иду, вдругъ вижу наѣлъ лѣса ли-
ѣжащій адѣктантъ нашаго бригадира,
оберъ-лейтенантъ Г., воинъ, однако
человѣкъ хороший. Онъ же судъ несѣдъ
стоять по сторонѣ нашихъ гонимыхъ
крестяя и имѣть на своихъ гонарни-
шахъ офицеръ, такое громадное пажинѣ,
что при нашейъ бригадѣ песъма иль рѣ-
дкихъ случаюхъ пригонянали къ смѣрт-
ной казнѣ.

Подѣбакъ къ нему и съ полнымъ
довѣрѣемъ говорю:

„Въ сию минуту имѣютъ разстрѣ-
лять одного человѣка изъ Добротира;
и сного убѣждѣнъ въ его неніонности,
спасайте его!“

„Какъ такъ? — спрашиваетъ. „Судъ
уже состоялся?“

„Нѣтъ! — говорить, что „шпиона“ можно разстрѣлить безъ суда, stante pede.

„Идите со мной! — сказалъ адъютантъ, и въ ту же минуту мы очутились подъ лѣвой квартирой генерала...

Адъютантъ разговаривалъ съ генераломъ не долго. Выѣзжалъ и говорилъ ко мнѣ: „Выѣгните и скажите „шац-команданту“, чтобы возвратился отъ исполненія приговора и немедленно предложилъ акты Соллогуба для пересмотра!“

Я какъ сумасшедший выбѣжалъ на улицу и побѣжалъ въ ту сторону, куда можетъ быть пять минутъ назадъ пошли Соллогуба. Вижу вдалъ подъ лѣвой лѣсомъ солдатъ и кричу что есть мочи: „Обождите!“

Оглинуясь. Выѣгаешь напередъ офицеръ и спрашиваешь:

„Васъ истѣ?“

Понтерюя приказъ адъютанта.

„Опоздали!“ — проговорилъ офицеръ.

Подхожу ближе къ толпѣ солдатъ. Передъ моими глазами сѣяла могила. Всъ говорить, что закопали „шпиона“ и „измѣнника“...

Одинъ солдатъ, чехъ, изъ группы тѣхъ, которые копали могилу, разсказываетъ мнѣ: „Пригоровенный путь на смерть хладнокровенъ. Лиши тогда, когда ему засиявали глаза, уинъ на колени и зарыдалъ. Въ тотъ моментъ раздалось четыре выстрѣла и тольце речупутъ, который изъ послѣдней минуты онѣдѣлъ пригоронынъ, замеръ на его устахъ искрѣть съ его жизнью!“

Петръ Соллогубъ — то одинъ изъ тѣхъ беззинченныхъ мучениковъ-крестильщиковъ, павшихъ жертвой міронѣй бури, которыхъ единственнымъ преступленіемъ было то, что родились на русской землѣ и носили русское имѧ.

Вечеромъ того же дня я встрѣтилъ еще разъ жену и дочь убитаго, которая ничего еще не знали о смерти ихъ отца, и я не изѣбъ смысли обѣ атѣмъ имъ сказать. На видъ были даже спокойнѣе. Чѣмъ утропъ и дочь боялись подошша ко мнѣ и застѣнико говорить:

„Правда, что моего отца не разстрѣляли? Потому что рассказывали люди, которые только что пришли изъ Доброторна, что они, тѣ господа, лишь тѣ пугаютъ насъ, чтобы мы не болѣались погубъ позицій!..“

И лучъ надежды вѣселять на ея лицѣ легкую улыбку, и я тоже улыбнулся и говорю:

„Не беспокойтесь, не разстрѣляютъ, причина... Всъ и не огнитѣся, какъ отецъ къ намъ возвращатся!..“

Разъѣ и могъ сказать ей чистую правду, когда мѣй казалось, что эта правда могла убить ее?! Пусть лучше живеть въ надеждѣ, что отецъ возвратится, а тѣмъ временемъ пусть еще больше несмотрятъ на блѣдѣй міровой бури, пусть енъ молодое сердце привыкаетъ къ трупамъ крови, пусть убѣдится, что для пасъ „кругомъ вѣрнѣа и новыя“, а посѣ, со временемъ, можетъ быть енъ испытаніе сердце легче перенесетъ этотъ ударъ, когда посѣ пойдетъ случайно встрѣтить наль Зашапнѣй. Бутомъ среди зеленыхъ луговъ могилу, изъ которой синѣтъ ея несчастный отецъ.

Могилу же отца она встрѣтила легко. Потому что, когда я видѣлъ, какъ изѣчи, загребая убитаго, скинули кулаки и анѣбрки стягивали ими на могилу, проклиная: „So ein verfluchter Hund“, — я, знаю, что по убитому можетъ и слѣдъ прощать, нащель въ паникѣ рабочей рѣтѣ столица,

уроноша его смастерить деревянныи крестъ и помѣстить на дощечкѣ день смерти и имя убитаго.

На опушкѣ лѣса, недалеко отъ приселка Химки, стоять эта могила,

скрытая нениннюю жертву измѣко-испиржаго изѣрствомъ. (Г)а жертва была не первая и не последней.

Гр. Гануиллъ.

Надъ Зашапнѣемъ Бутомъ въ 1915 г.

З а ч т о ?

Кульпарковъ это такое захолустье возѣ Львова. Сквернина квартиры, сквернина єда, где то види безустранно грохочутъ пушки. Вечеромъ, когда зажигаша глаза съ молитвой:

„Святый Боже, пошли насъ завтра въ бой!“

Пять часопъ утра. Поднимается надъ ходмами красное солнце. Тамъ впереди, на востокѣ, работаютъ снова. Тамъ гремитъ и шумитъ, какъ вчера вечеромъ.

Летитъ на лошадѣ полковой адъютантъ. У него весъ служебный пиджакъ. „Herr Oberleutenant! — по главѣ съ ногъ эскадрономъ обѣжкать окрестные села!“ Отѣс ронитъ отъ шинюнъ! Всѣхъ подорванныхъ арестовать!

„Servus!“ — і побѣхъ дальше.

Черезъ десять минутъ и выѣзжаю съ моими людьми въ сѣльсе, иное утро лонитъ шинюнъ — фи, къ чергу! Но это не таки работа! Можетъ быть солдатъ казакъ встрѣтится наль по дорогѣ?

Норшина — это моя первыи остановка. Беру съ собою „постенфирера“ и неожиданно входимъ въ дому синенцина. Тотъ совсѣмъ не наспрашень и даже очень любезенъ.

„Можетъ бытъ ножалуете, гѣтъ обер-айсентантъ, стаканчикъ пина? Можетъ бытъ кой-что закусите? Вѣдь

сло посыпъ ранней вѣзы таки порядкомъ хочеть хощется!“

Видъ у него такопъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ благословить меня и моихъ людей. Неужели онъ могъ бы быть шинюнъ, этотъ спокойный, любезный человѣкъ? Съ воспрѣстѣнными взглядами обращавшись къ жандарму, который стоялъ позади менѣ.

Но тотъ не сомнѣвается. Хватаетъ за воротникъ пона и таинѣ его „сь собою“ къ лопши.

„Уже долю тебѣ ожидать!“ — выкрикивать и тормесить человѣка въ черной риѣ. Тотъ набожно склоняюща руки и имѣеть видъ, какъ будто несѣтъ сдѣлается на милость Божію.

Схожу стъ дощади и стъ пѣсколькими людьми иду къ избу. Уланы народъ не поблажній! Сперенѣтивать несѣрѣхъ дношъ. Оѣврживать икуснѣе неши: болѣшіе запасы окорка, колбасы, подки, много подки! Всѣ приготовлено для русскихъ. А тамъ въ глубокомъ углу иника иль стогѣ лежать бронзовыи пушки, на которой написано: „Святое Богу“. (Г)о условный знакъ между „измѣнниками“ и русскими. Кто покажеть такую пушку, тому ничего худого не будетъ!

И тѣчу ширлатану эту пудю въность. Онъ уже больше не улыбается, склоняюща пле-зами и молчитъ. Онъ знаетъ свою судьбу..

Тёмъ временемъ вахмистръ притягивалъ старость того же села, сбогомъ человѣкъ съ выражительнымъ, умнымъ лицомъ. И въ него наши такую же шуло. Быть однѣ знаетъ, сколько наихъ храбрыхъ солдатъ должны распроцѣться сть жизнью черезъ тѣль шарманованъ! Помимо воли хватаетъ рука за саблю.

„Aufsitzen!“ Стучать по дорогѣ головинные конята. Длинными гусыжомъ быстро Ѣдемъ въ Подольсковъ. Понти и мужики привинчиваются съ правой стороны сбѣда жандарма, а потому должны обжать съ нами. Оба они люди пожилые. Понти съ откормленнымъ животикомъ. Оба канапаютъ, стоятъ, глаза ихъ плачунчиваются изъ лба. И Ѣду впереди, ничего не слышу и не вижу.

Въ Подольсковъ исторгъ повернется. Мужики прилучутся изъ трущобъ, а мы беремъ попа и старость.

„Но я не могу такъ сразу идти“, протестуетъ священникъ. „Я долженъ поклонить свою дѣлъ, чтобы зантра возвратиться!“

„Возвратъ тебѣ сберегутъ, собака! — кричитъ вахмистръ и выжетъ

его выѣѣтъ съ старостой. Тотъ осматриваетъ своего коллегу изъ Поршны, потомъ имѣтъ осматривать попонъ, ихъ лица наслушиваются и наполняются гигѣймъ и злобою.

И вдругъ одинъ изъ нихъ, старикъ изъ Поршны, подноситъ руку и падитъ своего священника въ лицо — разъ, другой. Бѣть такъ, что гулъ несетъ.

„Ты этому виноватъ, что и на старостиѣѣтъ должна бѣжать, виста винчи языка, что завтра и буду виѣѣтъ, какъ собака!“

„Ты, лишь ты этому винуо!“ — кричитъ и бѣть, и бѣть...

Отсыплю вахмистра жандармеріи съ двумя понами и двумя старостами наездъ въ Кульпарковъ, а самъ съ оскардномъ Ѣду дальше, до Кагуева.

Тёмъ прекраснаны гусыжомъ лѣсомъ, надъ нимъ носятся гулъ биты, а мы Ѣдемъ медленно и рассматриваемъ по сторонамъ...

Какъ рассказывала миѣѣтъ это изящный уланскій поручикъ, такъ и я записалъ.

Зрите Клейнѣ *)

Памяти жертвъ.

Попытавшись матеріалами, которые были предложены депутату бывшаго австрійскаго парламента г. Стилибруму въ то время, когда за должность пода-

ныхъ фактотъ можно было прелатъ суду. Кромѣ того рукожусъ тёмъ, что видѣть и пережить самъ. Уѣѣрио, что наведенные мною факты, это только не-

* Я лишь перевѣѣтъ то, что печаталась въиское газета „Neue Freie Presse“ 12-го октября 1914 г. въ № 18.008, какъ фельетонъ подъ псевдонимомъ „Ein Ukrainer“.

Думаю, что когда самъ начнешь рассказывать свои подвиги, то они ихъ лучше помнятъ, чѣмъ жертва, которую истинною. Отъ себя я дѣлъ только другое наглаганье. Я спрашиваю: „За что?“, а отѣѣтъ на это давай, дастъ и дастъ всегда наша исторія!

Переводчикъ.

значительная часть преслѣдований, мучъ и смерть, пролитыя въ славянскомъ аду — Талергрофѣ.

Будущее принесетъ намъ тотъ счастливый моментъ, когда выйдетъ изъ

свѣѣтъ подробный трудъ по дѣлу трагедіи русскихъ галичанъ и буковинцевъ; сегодня даемъ лишь то, что возможно въ это тяжелое время.

* * *

Безноказанность этимъ умудрированнымъ пазачамъ была запѣренна!

Цѣна человѣческой жизни въ рукахъ тѣхъ защитниковъ гангриенированной Австрійской Имперіи равнялась цѣнѣ тешерней австрійской короны.

И что же? Въ это то время, времена сильного подъема патріотического духа въ первыхъ мѣсяцахъ войны и по отступлѣніи русской арміи, понѣшено по суду и бѣзъ суда пятьдесятъ тысячъ русского народа!!.

Отецъ и сыновья, тѣ „кошы отпушкѣй“ и рекруты, швейцы и гуанды — пошли на пушечное мясо, на убой, — а другіе отцы и сыновья фертеры, измѣнники и „кацацкие болваны“ — дождались висѣлицы.

Заскрипѣли тысячи нисѣлицъ! Поплыли кровь — невинная кровь!

Поплыли и залыли тѣхъ, которые кололи гробъ русскому народу, а онъ съ вѣрой въ грядущую гибель праготъ ложилъ головы на ногѣ биты, съ вѣрой въ русскую побѣду шагъ на висѣлицы, съ вѣрой въ единую недѣлѣмую Русь умирали въ Теренинскихъ казематахъ, въ Талергрофскихъ порахъ, именецкихъ и венгерскихъ тюрьмахъ съ вѣрой, что, хоти:

Погибнуть придется
По тюрьмахъ, баракахъ сырьмы, —
Дѣло за насъ отозвется
На покойныхъ жиныхъ!..

Арестуютъ!

Почти одновременно съ объявлениемъ общей мобилизациі начались аресты русскихъ галичанъ. Арестовано ихъ много тысячъ. По селамъ арестовывали жандармы при помощи извѣстныхъ на шихъ опекуновъ. Приказы начальниковъ жандармеріи давали своимъ подчиненнымъ вѣчѣмъ неограниченную способу дѣйствій. Поэтому можно себѣ представить что свершалось! Сински русскихъ людей: членовъ читалиенъ обнеста имени М. Качковского, Русскихъ

Дружигъ и другихъ русскихъ общество были у нихъ точки; если же кого нибудь случайно пропустили, то имъ съ помощью приходили написи "друзья". У Вѣнской тюрьмѣ мы нашли донесы со стороны нашихъ "друзей", подписаныя полными именемъ! Арестовывали часто въ одной только рубашкѣ, на поль, пастбищѣ, безъ одежды и денегъ, заключивавъ въ цѣли 70 ти и 80-ти лѣтнихъ старцевъ, первѣко съ женщиными и дѣтьми.

На Голгофу!

Такъ гнали ихъ цѣльми милицы по города еврейскими улицами. А ждали ожидала ихъ Голгофа. Ихъ били по головѣ палками, плекали и били по лицу, бросали камнями и те не только городской бордюр и епреи, но и браты по Христу и по народности: городской боскъ и интеллигентъ, адюканы и чиновники!

Члены Русскихъ Дружигъ, у которыхъ обнаружены трехцѣпѣтнія ленты, сокольскіе шапки и знамена, должны были одѣтъ шапки, перевязать лентой руки, взять взамѣнъ и идти подъ штыками въ городъ. Сколько кулаковъ, палокъ, прикладовъ и камней пришлось имъ получить, пока дошлились въ тюрьму, которая въ тотъ моментъ была имъ спасенемъ! Но все таки, нужно сказать правду, наибольше пришлось получать нашимъ священникамъ! Ихъ считали вожаками тѣхъ будто бы темныхъ крестьянъ и потому не щадили

иъ ударовъ, особенно епреи. Но описались наши праги, думы, что русскіе крестьяне — темная масса; тюремъ доказали, что наши русскіе крестьяне защищали русскую идею далеко лучше, чѣмъ некоторые интеллигенты. Протинь нападеніе разъяренной толпы почти не случилось, чтобы жандармерія брала подъ защиту, — паоборотъ, всыма часто она сама служила арестованыхъ прикладами. Путь на Голгофу вѣзъ узниками города Львова. Тяжелыи толпы народа, городской и пригородной бордюра, префабрикъ дни и ночи подъ австрійскимъ насмѣществомъ, или подъ германскимъ консульствомъ, расчищали по-перемѣнно "Возѣ вспігаї" и "Боже буди" съ крикомъ "Хай живе ціsar Білгельмъ", бросались на проходящихъ подъ штыками арестованыхъ русскихъ людей и били, били до крови, до потери сознанія!

Въ тюремахъ.

Счастливца, когда закрывалась за ними дверь тюремъ! Но не всегда!

Здѣсь они попадались въ руки тире-ной стражѣ. Въ комнату, гдѣ было

мѣста для троихъ — замыкали человѣкъ 15 и больше, пища била скверна, бывте частое. Особенно было тяжело арестованымъ изъ львовскихъ полицейскихъ арестахъ — норахъ, гдѣ нельзя было одновременно держать больше 24 человѣкъ почныхъ пияницъ и хулигановъ. Никого на допросъ не брали. Только надсмотрщики тервали сюими замѣчаніями, какъ напримѣръ: "Вчера побѣгъ 10 извѣнниковъ, намедни 12!" Иногда вырывали кого нибудь и куда то увозили.

Стрѣляютъ, рубаютъ саблями!

Когда же сближался грохотъ пушекъ, сейчас открыли двери тюремныхъ келій, формировали большие транспорты по 400—500 и даже 700 людей, которыхъ подъ конвоемъ хотѣли солдатъ, среди крика, гама и побоевъ тысячи толпы, гнали на железнодорожные станціи. Въ товарныи вагоны помѣщали по 100 и больше человѣкъ, сковывано въ цѣляхъ по 6—10 и 20 человѣкъ разомъ, такъ, что никто не могъ сдѣлать малѣйшаго движенія, ибо цѣлы вѣѣдались въ тѣло! Во времѣнды солдатъ безъ милосердія билъ по лицу, головѣ — руками и прикладами. И такъ, напримѣръ, священника Михаила Йосеницкаго били до тѣхъ поръ, пока онъ окровавленный не упалъ на землю. Дня 31 августа 1914 года въ транспортъ между Львовомъ и Краковомъ убили солдаты священника Сохацкаго.

Была невозможная жара, но воды не сдѣлять просить никто, ибо за то ожидали немедленно смерть!

Львовскій транспортъ, южній въ товарныхъ вагонахъ, въ теченіи трехъ дней не получали ни пищи, ни воды.

Надсмотрщики говорили: "Понѣ-сли силь!"

Цѣлому можно себѣ представить, что было съ тѣми, которые оставались, которыхъ какъ-будто ждала подобная судьба! Въ какомъ психическомъ со-стоній находились несчастныи жертвы австрійского произвола, какія муки пе-режили, можно видѣть изъ того, что въ первыхъ дняхъ многіе сошли съ ума!

Переутомленные крестьяне шакали и мозгали. Нѣкоторые интелигенты про-бовали просить воды, но жестоко за то поиздѣвали. Доктора Драгоницкаго бились солдатъ до тѣхъ поръ, пока кровь не полялась струей. За что? За то, что просилъ воды! На железнодорожной станціи въ Новомъ Санжѣ гусарскій маоръ ворвался въ вагонъ и такъ долго билъ священника Рыхлѣвскаго, пока тѣло окровавленнымъ не упалъ на землю, лишившись сознанія.

17-го августа 1914 года тран-спорты въ 34 интернированныхъ должень были выдѣлены изъ Бавов-ницъ въ Перемышль. Въ 12½ часовъ дня встрѣтился онъ съ отрядомъ гон-ведовъ. Послѣ короткаго разговора съ комендантъ транспорта, гонведы вы-тиянули сабли, бросились на транспортъ и на мѣстѣ убили 29 человѣкъ!!.

Принеславшаго священника изъ Жданы Горлицкаго уѣзда убили бѣзъ суда и слѣдствій офицеръ!

О тѣхъ всѣхъ мухахъ, которыхъ достались итъ удѣль несчастныи жер-твамъ, говорить тяжело, и чтобы пере-дать о нихъ — не хватаетъ словъ!

Безъ воды и пищи 5—7 дней! Священник Ю. Гумецкий просил солдата, своего прихожанина, воды, но увы — напрасно! Создать съ слезами путь гла-вахъ отѣтъти, что имъ запрещено подъ стражайшей отѣтственностью давать кому-нибудь ить никакъ воду. „Дѣтице! — скажутъ священники Гумецкій — скла-дываю присягу, что если возвращусь, то дамъ тебѣ въ пользованіе десантинъ земли до тѣхъ, черь, пока буду жить самъ, — дай только водъ!.. Напрасно!..

Ктонибудь могъ бы подумать, что посаду давали женщинымъ. Жену сви-щеннника сема Туры, — жу Ясеницкую, офицеръ избѣгъ до крови!

Слушайте! Погубите ли, какія тер-пѣнья пришлось перенести священнику Илану Городенкому изъ Новинки?

Слушайте! Ноги и руки сковано кандалами, руки за спину крестообразно и такъ поднятоно его на верёвкахъ къ

потолку нагона; пальцы ногъ его едва сасались пола вагона! Въ продолженіи пути къ Талергофу били его солдаты пистолетами, а офицеръ пистолетомъ и же-лѣзинкой прутомъ. Изъ головы и тѣла текла кровь ручьемъ. И не выдержала мученица! Линческа ума! Но и путь Талергофъ не скалились надъ нимъ: 48 часовъ сидѣла она въ кандалахъ безъ хлѣба и воды!..

Гужу вѣзъ Драчинскую, племянницу Буковинскаго вицемаршалка и учительницу Яинну Мардаровичъ, ко-торая была въ транспортѣ на станции города Станиславова, днѣ 30 августа 1914 года скапивши германскими солдатами, избили до крови, а когда обѣ упали на землю, обернули икъ лицомъ къ земли, взвели а ноги и тянули такъ по грязи и щебеню!.. Гжка Мардаровичъ среди тѣхъ надѣятельствъ лишилась чувствъ. Родители обѣихъ смотрѣли на надѣятельства надъ своими дѣтьми.

У Зборова.

(Изъ собственныхъ военныхъ замѣтокъ).

Въ „побѣдоносномъ“ наступленіи мы шли русскимъ войскамъ „по пятамъ“ и остановились на ночьгъ въ селѣ Зарудье возлѣ Зборова.

Генеральный штабъ двѣнадцатой дивизии гондевдовъ, при которомъ я служилъ, разклатировался изъ имѣній, а я за-думалъ подыскать себѣ укта въ селѣ, потому что стосковался за нашими кре-стьянами. Въ имѣніи встрѣчаю иногда господъ, епархеи, экономовъ, которые, занескавши передъ австрійскими офицерами, какъ говорить — „изѣшаютъ со-бакъ“ на русскихъ, за то пѣ селѣ иначе.

Тамъ наше крестьянинъ, разкрывши мнѣ свою душу, высказывалъ свои затаен-ныя мысли, просятъ сейтъ, а мнѣ са-мому дѣлается легче на душѣ, когда услышу ить усть мужику родную рѣчу, полную заботы и кручинъ.

Въ Зарудье уже не было ни одной живой души. Значитъ, крестьянъ изакуировано. Избы пустыя, двери и окна открыты настежъ, какъ где възѣлъ ибы пробѣжѣть истреноженная собака, въ иномъ меѣтъ крадется, готовая къ по-блѣгу кошка, но ить людей нигдѣ никого не видно. Я хочу уже возвращаться ить

имѣніе, когда ить одной избушки на концѣ села мигнула сѣть и тотчасъ погасъ. Подхому ближе и вижу — какая то дѣвница. Тихонько продвигается подъ заборомъ, какъ будто бы желая, чтобы ея не замѣтили.

— Не бойся, милая, — говорю, — обожди!

Дѣвушка выпрямилась и узнала, что я какой то „слой солдатъ“, осмыслившись настолько, что отѣтила:

— Чего же мнѣ бояться, и не боюсь...

И подошла ближе и разузнала что цѣлое село изакуировано гдѣ то погль Золочевъ, а она съ двумя сестрѣками, съ отцомъ, матерью, и тетей покинули наканунѣ ночи изъ Зарудье, чтобы забрать кой что съ оставленной и за-канчанной въ землю посуды.

— А моя тетя Анна даже забыла деньги изъ чуланъ подъ комодомъ. Они всѣ работали на огородѣ, выкашанія ими, чтобы спиртъ туда остатки своего имущества.

— Все оно хорошо, — говорю я, — но пѣль ты неосторожно постуешь. Если бы имѣсто меня тебѣ истрѣтилъ какъ-нибудь венгерецъ или иѣмѣцъ, то тебѣ поставили бы уже передъ воен-ный судомъ, какъ шпиона.

— Господи Иисусе, а пѣ чѣмъ же я виновата? — истережилася дѣвушка.

— Прѣждѣ песя ты скажи мнѣ, какъ тебѣ зовутъ?

— Кати Олейникъ.

— Вѣтъ послушай, Кати, пѣ чѣмъ твой грѣхъ. Когда же шель улицѣ, то увидѣлъ изъ сѣти сѣть, который не-медленно погасъ. Знаешь, что это такое?

— Дѣвушка истреножено стояла и молча смотрѣла мнѣ изъ глаза.

— Это сигналы для прага — для русскихъ.

— Побей меня Богъ, когда этому правда! Я зажигала спичку и она по-гасла.

— Я вѣрю тебѣ, Кати, но вен-герецъ или иѣмѣцъ не понѣрѣтъ бы. Вы вонвратились изъ села, находившеся въблизи боевой линіи; это село изакуировано, а поэтому скорѣе собираите въ помѣхахъ то, что вамъ нужно и немедленно уходите куда глаза глядѣтъ, лишь бы дальше отъ этого ада.

— Это я знак, мы такъ и по-ступимъ... И только жехала бы поискать изъ изѣбъ молитвеннікъ, который оставила за иконой.

— За кого же ты хочешь мо-литься?

— За всѣхъ настѣ, за цѣлыхъ міръ, чтобы не истекали кровью, чтобы люди начали жить въ мірѣ.

— За все это уже третій годъ моятся всѣ европеѣскіе народы; всѣ храмы на земномъ шарѣ посыдаютъ Богу молитви, чтобы помогъ. Господь покоритъ нашихъ враговъ и окончить войну. И молитви наши австрійцы, чтобы помогъ Богъ побѣдить нашихъ враговъ, т. е. въ первую очередь „москаль“, а тотъ москаль молится въ своихъ хра-махъ, чтобы Господь скрутилъ иѣмѣца и австрійца и, подумахъ Кати, они хри-стие и мы христиане, у нихъ вели-чественные золоченіе храмы и у насъ тоже святые церкви. У нихъ вѣра правая и у настѣ тоже, они прѣты Богу, и мы также Богу прѣты, а все таки наши молитви Богомъ удовлетворены быть не могутъ. Мы становимъ Бога изъ безыходнаго положенія, потому что, когда бы Богъ пожелалъ удовлетворить какую изѣбу одну сторону, то доз-женъ бы погубить другую.

Богъ не внемлет подобнымъ молитвамъ.

— Ну, и что же будетъ дальше? — промолвила Катя.

— Что будеть? — повторюа ея вопросъ — будеть то, чего еще мѣрѣ не слыхалъ и не видѣлъ. Будемъ истекать кровью такъ долго, пока ищеніе не упадемъ иѣтъ въ одну пропасть монголу... А тамъ уже не будетъ враговъ, таынъ будемъ уже всѣ въ мирѣ.

* * *

Прошло три мѣсяца. Положеніе на фронте не измѣнилось. Армія Бруси-лова поѣхѣла побѣдоносною наступленіемъ и триумфомъ снова отступила, въ измѣнкѣ и австрийскіе войска опять заняли оставленныя позиціи. Въ районѣ Зборова изъѣжтыя участки фронта изгравились въ пользу австрийцевъ. Вокругъ села Зарудья боевыи линии отошли еще дальше: на востокъ и поэтому выакуированіе крестьяне могли возвратиться въ родное село.

Нашъ дивизіонный штабъ стоялъ въ селѣ Бранахъ, въ южнѣйшемъ южнѣйшемъ селѣ Волынской губерніи.

Однаго дня призываютъ меня мой командиръ и дѣлаетъ сѣдѣюще приказаніе: «Телѣгой подѣшь и село Зарудье. Тамъ мы, навадъ три мѣсяца, во время тревоги закопали въ погребъ, въ огородѣ, въ селѣ бѣсѣдки, изъ сколько ящиковъ съ провантами и табакомъ. Все это отыщешь и привезешь сюда. Вѣтъ измѣши необходиимые удостовѣренія для предъявленія тому военному отряду, который пребываетъ въ Зарудье. Страйся поскорѣе возвратиться, потому что у насъ иѣть нечего и нечего курить».

— Ахъ, и заѣмъ кто то выдумалъ вѣтъ?

На этотъ вопросъ я уже не успѣхъ отвѣтить.

Сыншу въ имѣніи — суматоха. Недавно расприженные лошади снова начали запрягаться у телѣги и обозъ выѣхалъ на улицу.

Тревога! Русскіе идутъ и наступление и нашъ дивизіонный штабъ ищетъ новыхъ квартиръ.

— Что же дѣлать въ томъ случаѣ, когда тамъ не отыщу ничего? — спрашивала я.

— Оно понятно, когда выѣхали напѣтъ «кадъ» русскіи и забрали, то тогда ничего не подѣшь, но если это все забрали наши, тогда обязательно потребуй, чтобы возвращали. Пусть мѣстное начальство разсѣдѣйтъ, кто забралъ. Но весьма возможно, что все лежитъ ненаружно. Видишъ ли, лошади наши забѣгли, а тутъ тебѣ тренога! Не было иного выхода: нужно было одну телѣгу разгрѣнуть, а потому что жалѣю оставлять Брусилову — мы и закопали въ погребѣ вѣзъ бѣсѣдки.

Слѣдѣтъ приказомъ прѣѣхать въ село Зарудье.

Въ имѣніи стояла команда бригады; я туда явился и предъявилъ свою бумагу. Бригадиръ, сѣдой какъ дунь толстякъ, «оберстъ» принялъ меня, какъ посланца отъ дивизіи, весьма любезно и попѣхъ выѣхѣтъ со мной отыскивать нашъ «кадъ». Я взялъ въ руки лопату и внимательно осмотрѣлъ землю вокругъ бѣсѣдки. Нѣтъ и сѣда, чтобы ктонибудь разгрѣбывалъ землю, значитъ, нашъ «кадъ» не тронутъ. Призываю духъ солдатъ и, согласно полученнымъ

мою инструкцію, раскаливаемъ землю. Мы выкопали шесть ящиковъ, которые мы погрузили на телѣгу, и я стала возвращаться.

И какъ-то удивительнымъ образомъ очутился я въездѣ изъбушки Ксении Олейникъ. Почему то мѣтъ эта дѣвушка прѣзжалась къ память. Тогда, при нашей первой встрѣчѣ, я не имѣлъ времени даже проститься съ ней. Мѣтъ сѣгдали и она, услышавши слово — тревога, исчезла. Стъ того времени я я больше не видѣлъ. Но ея бѣдное лицо, съ большими ясными глазами, которые при луннотѣ свѣтѣ какъ то своеобразно блестѣли, ея изѣянна бѣлая фигура на фонѣ сада вѣзъ «кадъ» весеннемъ вечера — напоминали мѣтъ картину Пимоненко «На вѣтру» или же подобная ей, которая такъ часто встрѣчается у наѣтъ на открыткахъ.

— Интересно, возвратилась ли она уже домой? — подумалъ я, и приказавъ имѣцкому остановить лошадей.

Вонцель и въ дворъ, изба закрыта. Ни души. Но зато вѣзъ сосѣдней избы слышно чепогѣскую рѣчь. Подхожу ближе... Сидятъ, наѣжившись, какѣ то дѣти. Когда они увидѣли меня, вскочили, побѣжали къ избѣ, открыли двери, быстро захлопнули ее въ собою, цѣкнули ясновомъ и... наступила тишина. Осматриваюсь и вижу въ огородѣ вѣзъ забора какую то женшину, которая какѣ будто чего то ищетъ. Увидѣвшіи менѣ, выпрямилась и поплыла, скрывшись за стѣнкою амбара.

— Убѣгайтъ отъ меня люди, какъ отъ прокаженнаго, — думаю, — не иѣмъ «снонія» и конецъ!

Но все таки мѣтъ хотѣлось хоть съ кѣмъ нибудь пораговоривать. Возвращаюсь снова въ дворъ и тамъ встрѣтился и снова съ той женшиной, кото-

ра отъ меня пряталась. За нею шла какая то дѣвушка съ какъ будто бы знакомыми чертами лица...

— Скажите, пожалуйста, вы можете быть Ксенией Олейникъ?

Дѣвушка подняла на меня свои, какъ небо, голубые глаза, но въ нихъ было столько печали, что я содрогнулся.

— Такъ, это я. Чего вы отъ меня желаете? — промолвила дѣвушка.

— Чего я желаю? Ничего! Я лишь желала тебя видѣть.

— Если вы таковы, какъ остальные, то лучше идите своей дорогой.

Эдѣсь я замѣтилъ, что ея щеки начали судорожно кривиться, глаза приобрѣли какое то гѣлько-гроеное выраженіе и, бросивши на меня быстрый какъ молния взглядъ, отвернулась и побѣжала въ сторону своей избы.

Кенцина, съышавши нашъ разговоръ, видя, что и какой то «человѣкъ свой», задержалась и замѣти мое удивленіе по случаю поступка Ксении, какъ будто оправдывала ее, говоря:

— Она очень бѣдная, барышъ, отца и матъ и даже дальнихъ ея родственниковъ разстѣрѣлись какъ то венгерцы, она осталась одна какъ падецъ. Мѣтъ кажется, что она ходитъ съ ума, потому что поетъ и плачетъ, ничего неѣть, ночью не спитъ. Она получаетъ у меня, потому что въ своей избѣ боится. Она очень бѣдная...

Я слушаю и мѣтъ кажется, что все это сонъ. Пусть будетъ что хотѣть, думаю я, но и должень съ ней поговорить, и долженъ выслушать ея горе, можетъ быть чѣмъ нибудь ей помогу, можетъ быть дамъ какой то полезный соѣтъ.

Съ этимъ постановленіемъ зашель я въ ея дворъ. Сидѣла она на порогѣ и смотрѣла стеклянными глазами въдаль,

какъ будто кого то поджидала. Не замѣтила, какъ я остановился поглѣдъ на.

— Кати! Я слышала о твоемъ горѣ. Ногибшихъ никто не возвратить изъ того сѣта, но я помогу тебѣ отомстить за смерть твоихъ родныхъ. Кати, я смыла того же народа, что и ты, твоё горе для меня такое же тяжелое, какъ и для тебѣ, расскажи мнѣ все о томъ, кто и какъ тебѣ обидѣлъ, а я можешь быть дамъ тебѣ хороший советъ, можетъ быть сумѣю запретить тебѣ отъ дальнѣйшихъ припадковъ...

Катя какъ будто пробудилась отъ сна. Начала мнѣ присматриваться, слушаетъ мою рѣчу, глаза ей оживлены и идругъ поднимается съ места и говоритъ:

— Узнаю насть, вы туть, который однажды былъ здѣсь возлѣ забора, нечестивъ, помните?

— Такъ, тогда село было знакомо, а та пропажа сюда пойти остановленное добро.

— Такъ, такъ, тогда были со мною отецъ и матъ... и это быть ихъ посѣдѣй шутъ... Но вы скажали, что можете отомстить за ихъ смерти...

— Помогу, Кати, расскажи лиши, какъ это было, что съ ними случилось?

— Кати мнѣ начала рассказывать такъ:

— Того самаго вечера, когда мы нѣстригли менѣ здѣсь у дворѣ, когда „наши“ начали убѣгать, потому что наступали русские, мы должны были отступить тавксе. Если бы настъ никто не изѣбъ, если бы мы спрятались въ какую-нибудь трущобу, то пришли бы русские и мы остались бы живы... А такъ, то смирились, такое, что мнѣ нѣтъ гомы. Мѣнишася, кажется мнѣ, что скажу

стъ ума, а можетъ быть уже и сопла, не знаю... Подоспѣли какъ то венгерцы и подъ стражей отвѣти настъ за село. Тамъ на перекресткѣ, недалеко отъ Храбузиной, стоялъ какой то солдатъ на часахъ и тѣ, которые настъ вели, оставили настъ при немъ, а сами возвратились... Тотъ же венгерецъ тоже настъ что то говорилъ, размахивая руками, но мнѣ его не понимали. Полиціи мы лишили, что онъ скажалъ настъ идти въ Храбузину и то только потому, что онъ показывалъ рукой и сказалъ: „Маршъ!“

Мы пошли молча. На настъ началь како то страхъ, мы не проронили ни одного слова. Уже мы приближались къ Храбузиной, какъ слышимъ, что за нами кто то идетъ. Оборачиваемся и видимъ, что настъ сѣдѣтъ за нами идти туть солдатъ, который стоялъ на перекресткѣ. Подопечніи къ памъ и крикнулъ:

— Гальть!

Мы остановились.

— Ту, нидеръ! — продолжаетъ онъ кричать и показываетъ рукой на землю. Мы понимали, что онъ велитъ намъ сѣсть. Мы сѣли возлѣ кананы. Отецъ сѣлъ на пригорожной кучѣ камней, а я, мама и тетя имѣлись на перхушкѣ насыпи. Луна показалася изъ-за тучъ, и мелькомъ глянула на солдата и увидѣла, какъ его глаза какъ то страшно горѣли. Стонъ онъ по срединѣ дороги и присматривался къ моему отцу. Потомъ, исподобилъ бросить взоръ въ нашу сторону и мгновенно скатиться въ склонъ винтовки, приподнявшись къ отцу и настригнувъ. Отецъ бѣзъ малѣйшаго замѣка скатился съ кучи камней и сидѣлъ въ кананѣ.

Мы одновременно ужасно закричали, но когда онъ съ винтовкой въ

вернулся въ нашу сторону — мы отѣмѣли. Мени что то давило нѣтъ горѣль, но я въ предсмертномъ искушѣ не могла, а не такъ не могла, какъ боялась произнести единое слово, боялась плакать, ибо чувствовала, что мой плачъ ничего не поможетъ. Ожидало, что вотъ — вотъ подобное встрѣтить настъ. Осмотрѣвалася, нѣтъ ли гдѣ намъ спасенія, не идеть ли какой человѣкъ, но, увы — вѣнгри не никого.

— Маршъ! — крикнулъ снова началь плачъ и показалъ по направлѣнію ржаного поля. Видя винтовку на изготоѣ, мы, какъ иѣмъ, идемъ въ рожь и просимъ вѣ душъ Бога о помощи. Намъ темнѣеть въ глазахъ и мы ожидаемъ此刻的 momenta, когда солдатъ настъ прикончитъ.

И солдатъ этого желаетъ. Когда мы отошли отъ дороги достаточно далеко, онъ снова крикнулъ: „галть!“

Отойдя два шага назадъ, онъ пытается мою маму наизнѣчи убить въ рожь. Тогда моя тетя падаетъ предъ нимъ на колѣни и отчаянно молитъ:

— Не убивай меня, я имѣю маленькихъ дѣтей! Ради Бога, не стрѣль!

Но падать не слушаю и инструментъ сиона, а тетя замолчала.

Теперь пришла моя очередь.

Я уже не падаю на колѣни, знаю, что это не поможетъ, а стоя, примикивши глаꙗ... Но онъ почему то долго не стрѣль. Вижу, онъ бросаетъ винтовку въ рожь и хватаетъ меня за обѣ руки. Послѣ этого прижимаетъ менѣ къ себѣ и какъ будто хочетъ цѣловаться и, наконецъ, ударяетъ менѣ кулаками въ грудь, и въ узла. Хочу подняться, но онъ уже воглѣ менѣ и налагаетъ сномъ тѣломъ, лица чего-то...

— Ну, и что же дальше? — спросила я.

— Я уже перестала обороняться, потому что сознавала, что моя сила утихла, но все мое тѣло инстинктивно начало отодвигаться отъ него и со мною какъ то такъ было странно, что и разскавать трудно... Казалось мнѣ, что, какак то противница гадина присасывается къ моему тѣлу и я въ концѣ концовъ отскакивала и начинала убѣгать. А онъ, какъ вѣрь, догналъ менѣ и снова сваилъ на земль, и снова привалилъ менѣ своимъ тѣломъ.

— И что же, онъ иенасиловалъ тѣба?

— Я снова взырнула и начала бѣжать. Вдругъ слышу выстрѣль. Я услыхала и не шевохнулась. Онъ въ менѣ не попалъ, но думъ, прикинувшись мертвой, можетъ быть онъ больше стрѣлять не будетъ. Лежу и прислушиваюсь — тишина. Подношу голову: никого не видно. Но и не встаю, лежу и жду дынъ. Наконецъ вардѣю. Я осторожно встала и разсматриваясь по сторонамъ: никого нигдѣ не видно. Я не иду смотрѣть, что дѣлается съ моими родными, боюсь, что тотъ извергъ спиртался гдѣ нибудь сторожитъ менѣ, я тихохонко, согнувшись, бѣгу въ Храбузину. Тамъ были наши односельчане, тамъ и разсказала о своемъ горѣ. Немедленно сообщили о всемъ начальству и позвали маму, чтобы я указала мѣсто совершенного преступленія, а они убѣдились въ правдности поданныхъ мною фактозъ.

И групка людей идѣтъ вѣдѣтъ со мною къ мѣсту совершененного преступленія. И нашли среди ржи мою мертвую маму и тетя, а выѣда въ кананѣ мертваго отца. И лишь тогда и только заплачала, заливаясь горькими слезами.

Убитыхъ забрали, ихъ секционировали военные доктора, потому похоро-

нили, а я сиротой странствовала по чужим селам и лишь недавно вошла въ домъ... И вотъ теперь я здесь въ одиночествѣ, бѣзъ отца и матери...

Выслушавши эту исповѣдь Кати, я долго не могъ очнуться. Я вѣрилъ дѣвушкѣ, что все разсказанное есть правдой, потому что лично видѣлъ и слышалъ, какъ обращали венгерцевъ и изымали съ нашимъ народомъ. Я зналъ еще, что на бумагѣ у насть были распоряженія, что штатскіхъ людей нельзя не то что убивать, но даже чѣмъ либо обижать. Эти предписанія были, какъ я уже сказала, лишь на бумагѣ. никто ими не руководился, а нашимъ мужикомъ помнить и дѣлать съ ними что лиши надумалось каждый, кто только ждалъ.

И служилъ въ дивизіонномъ полевомъ судѣ въ качествѣ переводчика украинского и русского языка. Сначала, когда предсѣдатель суда былъ венгерецъ, никогда не обращали вниманія на обиды, учиненные солдатами, штатскому населенію. Но черезъ годъ этотъ предсѣдатель покѣхъ въ отпускъ и не воинтился. Ему на смѣну были приданы два: одинъ иѣмѣцъ, а другой чехъ. Они оба не любили венгерцевъ и вели поридокъ, что солдатъ напечъ дивизій на малѣйшее нарушеніе предписаній относительно штатскаго населения, страго наказывали. Это дало мнѣ возможность поймать прекрасную мысль: не только помочь несчастной дѣвушкѣ отомстить за смерть своихъ родителей, но и сыграть роль сыщика и тѣмъ дать суду серйоную работу!

Поэтому я мигомъ сложилъ себѣ планъ дѣйствій, и спрашивало:

— Катя! Скажи, ты узнала бы того солдата, который убѣзъ твоихъ родителей?

— Конечно! Если бы даже былъ миллионъ солдатъ, то среди ихъ и его бы узнала! — решительно отвѣтила Катя.

— Ну, а какъ бы ты его узнала?

— Главнымъ образомъ по его глазамъ и носу. Кроме того, его цѣлая фигура можетъ себѣ выдать: тонкая и высокая. Онъ имѣлъ на воротничкѣ три звездочки, а на пачетѣ цифру 20.

— Хорошо! Будемъ его искать. Садись ко мнѣ въ телегу, пойдемъ въ гауптвахтъ, а тамъ мы его уже отыщемъ.

— А если вы такой, какъ и онъ? — недовѣрчиво спросила дѣвушка.

— Таковъ ли я, увидишь потомъ! — сказала я, — идемъ, времъ не ждетъ!

— Хорошо, я иду, въ общемъ мнѣ уже все равно! — сказала Катя и пошла со мной.

Отъ Зборова до Бранъ не такъ уже и далеко, но дорога была скверная, а потому пришлось намъ ходить две дни. Ночевали мы въ Золочевѣ. Ксению я отвѣтила къ одному нашему мѣстечку, а самъ заѣхалъ на какую-то еврейскую распивочную ланку — заѣхкій дворъ. Отдохнувъ на другой день приѣхалъ я въ Бранъ. Прополти сдали въ офицерскую кухню, а Ксению привезъ въ квартиру полевого суда, который расквартировался возїзди церкви въ школѣ.

Рассказала я точно о всѣхъ переживаниихъ Ксени и о томъ, что она готова узнать убийцу.

Напи предсѣдатели стали затирать руки, потому что избы разматривали весьма интереснѣ и до того еще пикантную исторію. Какъ должно было совершаться узнаваніе убийцы и кто долженъ производить это — обѣ этомъ я должна была быть освѣдомлена въ завтра, послѣ совѣщенія предсѣдателей съ генераломъ.

На другой день получила я письменный приказъ за подписью предсѣдателей и генерала, чтобы я взяла дѣвушку и на цѣломъ участкѣ двадцатой дивизіи поискать убийцу. Въ случаѣ неуѣрѣнности или вообще какихъ либо сомнѣній, долженъ телефонировать въ штабъ дивизіи за инструкціями. Для этой надобности предоставлено мнѣ автомобиль и судейскаго „професа“ (комендантъ полевого ареста).

Ведомъ на фронтъ уже цѣлую неделю. Прихожу къ батальонному начальнику, докладываю о сути дѣла, и начальникъ батальона снимаетъ съ фронта по одной ротѣ и представляетъ ее мнѣ и Ксени. А она ходитъ передъ фронтомъ каждой роты, всматривается въ глаза каждому солдату, мѣрить какъ-то съ ногъ до головы — и идетъ дальше...

— Не толь, не толь, не толь!

И такъ цѣлую неделю. Я уже потеряла надежду, а дальше началь злится на дѣвушку, ибо я всасыластвовала, что съ того памятнаго вечера въ Зарудыши наша дивизія ни одного раза не была въ бою, что ни одинъ солдатъ не убѣзъ, а поэтому извѣргъ долженъ быть въ нашей дивизіи. А она перешла почти цѣлую дивизію и его не встрѣтила. Наконецъ седьмого дна подходимъ къ части саперовъ. И едва мы стапи передъ длинными рядомъ солдатъ, какъ Ксени остановилась при первомъ „лугсциферѣ“, который стоялъ на правомъ флангѣ, и взволнованна прошептала, обращаясь ко мнѣ:

— Это онъ!

— Эдѣсь, Катя, идѣтъ о жизни членовъ, — говорю я — присмотрись хорошо и подумай, не ошибаешься ли ты случайно!

— Это онъ! — сказала уже громко Ксени. — Я бы его не узнала? Глаза, ностъ, какъ у чурта, на порогѣ три звездочки... Это онъ, я могу присягнуть...

Между тѣмъ и онъ узнавалъ свою носкесунную жертву, и стоять бѣднѣ, какъ попотно.

Тогда я рѣшилъ не арестовывать его и не надѣвать каикловъ, которыми „профес“ уже позавинавъ, и будто бы какъ свидѣтель потребовать въ дивизионный судъ.

Послѣ первого допроса мнѣ судъ не было уже сомнѣнія, что всѣ преступленія подъ Зборовомъ совершилъ онъ.

Ксенио въ Бранѣ мы задержали до момента главнаго судебнаго разбора дѣла. Слѣдствіе проводилось дѣлъ не для Ксени все то время жила въ одной избѣ — крестьянки. Для показаній ее выслушивали почти каждый день.

Процессъ былъ сенсаціонный. Показанія Ксени были точны и убѣдительны настолько, что не было никакого выхода для преступника. Безусловно онъ не признавался въ пополненіи преступленія, потому что такъ научилъ его адвокатъ, тоже венгерца.

Но не помогли ему никакіе выкрутки. Слѣдствіе установило, что того вечера онъ действительно куда то заѣхалъ и отсутствовалъ у своей части; что послѣ того у него было много денегъ (которыхъ онъ забралъ отъ синихъ жертвъ), что онъ не вѣръ ни одного славянскаго языка, а только венгерскій и некоторые слова иѣмѣцкаго языка, которые относились къ командѣ. Ксени же показала, что никакихъ иныхъ словъ, кроме „гвѣзда... нидер“ отъ него не слышала. Когда на судѣ на вопросы адвоката Ксени сказала, что

ее подсудимый не изнасиловалась, тогда адвокатъ неизгѣстно для сенсаций ли, или для какой иной цѣли предложилъ, чтобы ѻѣнушку поддали медицинскому освидѣтельствованію для удостовѣрѣнія въ правдивости ея словъ.

Дѣнушка перенесла и это надруганіе; но когда докторъ удостовѣрилъ, что она говоритъ правду и каждое ея слово было такъ рѣшительно произнесено, что адвокатъ не дерзъ оспаринать, убѣждаласьѣ томъ, что подсудимый совершилъ преступленіе, тогда онъ скъпалъ предложеніе, чтобы отложить дѣло, а подсудимаго поддатъ медицинскому осмотру, потому что считаетъ его ненормальнымъ. А ненормальныи считаетъ его потому, что измѣнилъ рукахъ молодую красавицу ѻѣнушку, не могъ ее линить невинности.

Но не помогло и это, потому что докторъ, изучивши дѣло подсудимаго, констатируетъ фактъ, что всѣ поступки преступника только и доказываютъ нормальность человѣка, ибо когда онъ не могъ изнасиловать своей жертвы, то только потому, что убийши троихъ людѣй, былъ настолько слабъ нервами, что не могъ этого совершить...

Вообще судъ былъ произведенъ по всѣмъ правиламъ закона.

Постановленіе суда было такое, кото-
рого всѣ и ожидали, а именно: смерть за смерть.

Но начальникъ дивизіи (генерерцъ) пожалѣлъ своего соотечественника, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ еще наказы-

ваемый и имѣлъ три медали „за храбрость“. Поэтому замѣтилъ ему смертный приговоръ 15-ти лѣтней тюремой, отсаживаніе изъ которой отложено до окончанія войны, а тѣмъ временемъ приговоренный долженъ быть идти на фронтъ и тамъ убивать дашше, но уже не гаїцкихъ ненининихъ мужиковъ, а прага — русскихъ.

И немедленно передано по этапу этого „героя“ на фронтъ, не передошлипозиций.

А Кати, встрѣтивши меня посып суда изъ церкви, киприози замѣтила:

И къ чему были ваши всѣ хлопоты?

— Не беззокойся, Кати, его истѣрить первымъ шуты! — сказала и шуты.

И не знаю, сказала ли и это въ такую минуту, или можетъ быть рокъ уже таково измѣнилъ постановленіе суда и отомстилъ за бѣную Кати, ибо не проша еще и недѣлья, какъ припинели съ фронта раненаго солдата изъ подѣвой казармы у Бранахъ, иѣ которому онъ того же днѣ и умеръ.

Это была Стефана Зренъ, толь-
самый герой, котораго навѣдъ недѣлью судилъ наша полевая судь.

Кати изъ Бранахъ уже не было: возвращалась изъ роднаго села мыкатъ свое сиротское горе — кручину. И я не знала, узнала ли она, что падачъ ея родителей получила заслуженное по-
мездіе?

Гр. Гамулка,
Брана, Волын. губ., авг. 1917 г.

Рассказъ крестьянина о своемъ арестѣ.

Послѣ мобилизации въ 1914 г. не стало молодыхъ рабочихъ рукъ и намъ старикамъ пришлось доканчивать сборъ хлѣба съ поля.

Солнышко начало клониться къ за-
паду. Въ тѣлежомъ раздумы, пригнувшись къ землѣ, собирали и шепнули. Когда немного выпирись, увидѣлъ передъ собой двухъ жандармовъ и дѣ-
вать ландштурмистовъ по главѣ съ ко-
мандантромъ Коновалкимъ изъ Звени-
города, которые обступили меня со всѣхъ
сторонъ. Если бы кто смотрѣлъ со стороны то подумалъ бы, что эти люди
довѣлятъ кого то оченъ опаснаго.

Командантъ приказалъ мнѣ поднять
руки въверхъ, сдѣлать обмысль въ моихъ
карманахъ, и въ своихъ штанахъ, но
не найдя ничего подозрительнаго, пе-
лять нести меня въ село, где произошло
ревизио изъ меемъ дома. Между бумагами
жандарма напали приглашеніе на
засѣданіе „Русской Рады“, что было
причиной разныхъ ругательствъ на
счетъ русскихъ, а одинъ крестьянинъ-
ландштурмистъ изъ Звенигорода поднесъ
кукурузу, желая меня удрѣти въ лицо.
Мени оставили пока подъ домашнимъ
арестомъ, а на слѣдующій день т. е.
4 августа въ 3 часа утра жандармъ Коновалкъ съ 3 ми ландштурмистами все
таки забрали изъ жандармскій постъ въ
Звенигородъ, где тамошніе украинцы
бросали въ меня болотою и кричали:
„на гакъ эль арадыкакы-каканакы“ а
жена команда, какъ кошка, набрасы-
валась на меня требуя рнатъ съ меня
кожу да солитъ.

Послѣ допроса перевезли меня въ
Уѣздный городъ Бобрку и тутъ поса-
дили въ тюрму. Познаны въ судѣ.
Судья Вассерманъ прочелъ мнѣ обви-
нительный актъ. Обвинили меня кре-
стьянина изъ Ніоломы: Петра Лоба, пред-
сѣдателя читальни „Просвиты“ и вѣйтъ
Григорій Болкотъ изъ томъ, что я дѣ-
жалъ у себя русскаго агитатора свинца
Гудиму, что ко мнѣ часто приѣзжали
студенты изъ Львова, а 2-го августа
ночи съ какими-то „поварами“ дѣвали
планы для русской войны, что я, какъ
организаторъ округи, получули изъ
России два вагона риса и кукурузы и раз-
давали крестьянамъ изъ цѣлыхъ агитацион-
ныхъ. Въ отвѣтъ на это, я предложилъ
судью жалѣйнодорожнаго переносъ, въ
которомъ было написано, что кукурузу
получили мы посредствомъ О-па Каин-
ского изъ Будапешта, а рисъ изъ Одер-
берга и продавали въ долгъ, чтобы та-
кимъ образомъ помочь крестьянамъ по
время голода въ 1913 году. При томъ
замѣтилъ я, что Будапештъ и Одер-
бергъ, кажется, находятся въ Австрии,
но не въ Россіи. Вѣро, что ко мнѣ
приѣзжали знакомые студенты изъ Львова,
но этого не считаю никакимъ прогр-
шениемъ, такъ какъ всякий можетъ
у себя гостинъ санкѣ знакомыхъ.

Послѣ продолжительной конференціи
съ начальникомъ суда, суды Вассер-
манъ ослободилъ меня подъ условіемъ,
что не смѣю никуда уходить изъ спо-
даренія и на возвратѣ долженъ не-
медленно явиться въ судъ. Не долго
разодолася и своей полоничатой спо-
собомъ. На другой день прѣѣхалъ въ
Ніолому комиссарь изъ старости въ
Бобркѣ съ 3 ми жандармами, позвалъ
меня изъ читальни о-ва Каинского,
сдѣлалъ обмысль, запечаталъ библиотеку,
а меня вторично арестовалъ и попалъ
въ тюрму.

Мени первого арестовали въ округѣ. Для 7-го августа привезли туда же арестованного старичка свящн. Глинскаго изъ Подионастырь, Александра Ренуцкаго изъ Стрѣлиць, студ. Петра Швайку изъ Бобрики, свящн. Кармадиту изъ Стрѣлкок, свящн. Стецева изъ Берездовичъ, а съ моей деревни, о чемъ я узналъ позже, арестовали студ. Григорія Чемериса, крестьянъ Андрея Мокраго, Михаила

Башиншина, Данила Шинусу и Якова Милянского.

13 го августа перевезли часть всѣхъ подъ конвоемъ у Львовъ въ Бригидки, где ожидали насъ много страданій, о которыхъ когда вспомнино, кровь стынетъ въ жилахъ.

*Михаил Конд. Кузмк
крест. изъ с. Шоломы, Бобрикскаго у.*

Новая жертва.

„Secolo“ сообщаетъ изъ И-
сбрука, что тамъ на дняхъ состоялся
передъ военнымъ судомъ разборъ тѣла
русскаго священника львовской епархии
Госифа С., обвинившагося въ госу-

дарственной измѣнѣ и подстрекательствѣ
населенія противъ австрійской арміи.
Подробности дѣла сохраниются въ глу-
бокой тайнѣ. Священникъ приговоренъ
къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Изъ печальной хроники.

По полученнымъ нами сѣдѣніямъ,
въ Перемышль скончался въ тю-
ремной больницѣ за 2 недѣли до па-
дѣнія крѣпости одинъ изъ нашихъ
узниковъ о. Гоанізъ Маркевичъ,
настоятель прихода въ с. Берагоги, Ка-
лушскаго уѣзда. Покойникъ родился въ
1871 г., былъ рукоположенъ въ свя-
щенники въ 1895 г. Покойникъ прини-
малъ несмѣа дѣятельное участіе въ
народной жизни и много поработалъ для
улучшенія матеріальнаго благосостоянія
нашего крестьянства. Въ с. Берагогахъ
было имъ учреждено сельско-хозяйствен-
ное кооперативное общество, маслобойня,
которая развивалась очень успѣшно и
пользовалась заслуженной известностью.

Во время мобилизациіи былъ арестованъ
и подвергся жестокому избиению, всѣдѣ-
ствіи чего заботылъ. Богъзнь помѣшала
австрійцамъ выпустить его наканунѣ осады
изъ Перемышля. Онъ былъ отправленъ
въ тюремную больницу, где и пробылъ
всѣ время осады и скончался изъ крайней
нужды недождавшись вступленія побѣдо-
носной русской арміи въ Перемышль и
освобожденія изъ тюрьмы.

Въ перемышльской тюремной боль-
нице скончался во время осады еще
одинъ русскій священникъ, францій ко-
торого намъ, къ сожалѣнію, до сихъ
поръ не удалось узнать.

„Прик. Р.“ 1915, № 1626 (25 апрѣля).

Талергофцы изъ Жидачевскаго уѣзда, Журавенского округа.

Талергофцы изъ с. Угорцы, Лисскаго уѣзда.

Рядъ I: Лешко Воякъ, Мария Дью, о. Григорій Мантер, Розалія Садлько, Йосифъ Лемчакъ.
Рядъ II: Михаиль Лешекъ, Йосифъ Лемчакъ, Евгентій Мантеръ, Романъ Макръ, Михаиль Биндашъ.
Рядъ III: Михаиль Грабъ, Іванъ Ганчакъ (сын Руденикъ), Йосифъ Биковскій, (сын Руденикъ), Іванъ Биндашъ, Йосифъ Устяновскій.

Памяти мучениковъ, погибшихъ отъ австрійскаго палача.

Но если и есть за могилыо
Плаки наше живыи, веселыи,
Жалы пакъ донгть нашу плену умалуо,
Грустно намъ сбросить оковы тужеши.
А. Адамянъ.

Честь того, какъ вдохновенный сербъ, 18 лѣтній гимнастъ Гаррило Принцетъ, покончивъ въ Сараевѣ съ одинымъ изъ наибольшихъ ираговъ славинскихъ народовъ, въ безобразный смертоносный заѣзжокъ превратилася сила галицко-русской земли.

Какие вѣнини ни пѣши бы надъ человѣческими умами, они никогда не будутъ изъ состояній унести имена, отдавшихъ жизни свою за русское дѣлоъ ть Галичинѣ. Галицкая Русь отошѣла, когда разбѣзѣлся туманъ разноцвѣтной и безразличной, большую соборную триану.

Въ начальномъ ряду станутъ Сандовичи: молодой, иранославянинъ священникъ о. Максимъ, по ирану руку возлѣ него станеть жена съ ребенкомъ,

съ которыми онъ поѣхѣ разстрѣля своего мужа уѣхала въ Талергофъ, но юную руку станеть его мать — величественная крестьянка съ черными, морщинистыми и печальнѣмыми лицомъ, которая, молча, ухаживала заботливо изъ тюрьмѣ за внукомъ и невѣсткой. Второй Сандовичъ — уйтѣцкій деканъ, а третій Сандовичъ — его сынъ, студентъ. Эта троица Сандовичъ разстрѣлены только потому, что была русской по происхожденію.

Рядомъ съ ними будеть стоять сини, Игнатъ Гудима, сынъ дѣяка Филиппа изъ Дыятковецъ Бродскаго уѣзда. Голова у него тужела, но не отъ похмѣлы, а отъ горя и кручини; отъ сѣдѣлали и несущимъ далекій путь, сидѣть два года въ тюрьмѣ у Львовъ, побы-

валъ въ Талергофѣ, спать въ одничьи рваномъ рубицѣ въ погребѣ католическаго цатера, ъѣль картофель, рубицѣ дрова и вернулся въ родную страну, какъ: грѣденъ я, душу спасать надо.

Изъ львовской тюрьмы, что носитъ имѧ Бригиды, пробѣтъ сквозь толщу крестьянинъ Семенъ Хѣль, первый побѣженный на позорномъ столѣ за то, что родился за Бордами на русско-австрійской границѣ. Задѣмъ другій до-казательство? Пойманъ въ польѣ съ косо — но хитрость русскаго мужика хорошо венгерцу известна! Жена и дѣти ждутъ отца, а его иѣть кѣль иѣть:

гдѣ же онъ, гдѣ? Висить на крюкѣ и не содрогнется.

А тамъ густою толпою пойдутъ всѣ вдоль Карпатскихъ горъ разстрѣлены бѣзъ суда, погиблены бѣзъ допроса, добиты въ темницахъ на Родинѣ и на чужой неприѣтственной землѣ. Ихъ окружатъ печальники и мученики, побывавши въ заточеніи и всѣ вмѣстѣ сиютъ жалобно: вѣчныя памятія.

Ниже помѣщаемъ замѣтки о разныхъ тюрьмахъ на чужбинѣ. Въ этотъ очеркъ войдутъ всѣ тюрьмы кроме Талергофа, которому будеть отведенъ цѣлый томъ.

B. P. Варака.

Гнасѣ.

4-го сентябрь 1914 г. прибыли изъ Талергофа 92 патага съ 2000 узниками. 13-го сентябрь опаснѣйшіе изъ нихъ были переведены въ военную тюрьму въ Градецѣ (К. п. К. Gagnisonsarrest in Graz, Paulustorg 15), тудѣ прожили полѣ года. Неоднократно поднимали ихъ подъ конвоемъ изъ военнаго суда, где проходилъ допросъ онѣмѣнній чехъ; онъ, услыхавъ о русскомъ происхожденіи сосланныхъ, всхлипалъ и угрожалъ имъ репрессорамъ.

6-го марта, 1915 г., изъ не-достатка доказательствъ сѣдѣстѣ было пристаночено, а 22-го марта, въ день иаденія Переѣшиши пишущій настоящій строки былъ освобожденъ изъ тюрьмы съ определеніемъ на конфінансію въ стирійскомъ городѣ Гнасѣ (старославян. Книнъ), Фелдбахскаго у., въ 7 км. отъ изѣбѣнаго курорта Gleichenberg-a. Шестимѣсячное заключеніе изъ сырыхъ казематахъ сильно подорвало его вдо-ронье и надѣлило реимпазимомъ.

Въ Гнасѣ началось новое страданіе. Ежедневныя ипка изъ жандармскаго управлѣнія, ограниченіе свободы передвиженія до 7 км. изъ окрестности, нравственное отношеніе местныхъ жителей гнѣмѣцъ, дѣлали жизнь невыносимой. Тоска по роднымъ, отсутствіе изѣбѣстій изъ родини и недостатокъ занятій убивали и погибали и недостатокъ занятій убивали и погибали. Чѣмъ больше изѣбѣстій, темъ сильнѣе жили въ Гнасѣ два года. Когда же освобожденъ галичина было изѣбѣнено стъ австрійской парламентской трибуны, тогда они были отпущены на свободу, а бѣзъ опасніи для австрійскихъластей были задержаны въ Гнасѣ.

Въ послѣднихъ дніяхъ іюня, 1917 г., мнѣ было разрѣшено имѣть съ поклономъ Феод. Капко изъ Деминова передѣхъ изъ Гнаса въ Drahotouise на Моравіи. Среди чеховъ начались совершенно иная жизнь. Вноса въѣздѣ прибыли къ намъ изъ Вѣны священники: о. Маркель Раствѣцкій изъ Громна, о. Йоаннъ Мацакъ изъ Липицы Верхнѣй и о. Николай Винницкій изъ Га-лицы.

Въ Гнасѣ настоятель римско-кат. прихода разрѣшилъ только одному изъ нашихъ священниковъ служить въ мѣстномъ костелѣ, аѣсъ же въ Drahotouise дѣрь Францъ Рѣкгулъ, извѣстный чешскій исторіографъ, всѣмъ сочувственно относился къ нашимъ священникамъ,

разрѣшая всѣмъ безъ исключенія слу- жить въ своемъ костелѣ. Чехи откры- венно оказывали свои симпатіи рус- скимъ галичанамъ.

Австрія снять занала Галицію и ваточеніемъ было разрѣшено вернуться домой. Въ поздний сентябрь авторъ статьи вернулся на свой приходъ изъ Ладанцы, а на слѣдующій день явился ко мнѣ жандармъ, арестованій его 1914 г. Съ любопытствомъ, присущимъ ребенку, рассматривая онъ мои доку- менты не подозрѣвъ, что черезъ годъ тѣты народовъ Австрія будетъ вы- черкнута изъ списка великихъ европей- скихъ государствъ.

Слѣд. А Бучка,
с. Ладанцы Черемышль. у.

Э С Т Е Р Г О МЪ.

Австрійцы отправили цѣлую шар- ту интернированныхъ сѣльчанъ по- роджкомъ изъ Русской Равы и Олещинъ, а оттуда черезъ Новы Сантъ и Буда- Пешть въ Эстергомъ. Ихъ знакомыхъ земляковъ находились въ этой партии: Петръ Моровюкъ (умершій въ Эстерго- мѣ 16 декабря 1914 года), почтмѣ- стеръ Баюкъ, белзкій благочинный свящ. Риниепецъ и Лука Кисель изъ села Осерады, убитый венгерцемъ (прика- домъ въ грудь) въ тюрьмѣ. Убитаго похоронили въ Эстергомѣ. Тамъ жили арестованіе два мѣсяца подъ откры- тымъ небомъ, а затѣмъ были доставлены имъ доски и строительный мате- ріалъ, изъ котораго построили они себѣ бараки.

Въ марта 1915 г. прїѣхалъ къ арестованіемъ изъ Вѣны какой-то ген- ераль. На допросѣ каждый показывалъ, откуда происходитъ и какими судьбами

показалъ въ концентраціонный лагерь. Одни выдумывали, что попали сюда на подводахъ, оставленныхъ при военныхъ частяхъ или же утерянныхъ на фронѣ, другие показывали, что были заодно съ ними политической неблагонадежности. По- сѣдѣвъ, по получении изъ Вѣны „вол- чихъ“ паспорточка съ красной надписью „ferdѣtichig“, были отправляемы на по- селеніе въ Талергрофъ; первые же были перевезены въ Гминду, где жизнь была сравнительно сноснѣ. Тамъ были свои часоченны, пивка, кинематографъ, слы- шалась русская рѣча. Отсюда, кто былъ поможе, то забрали на фронтъ, а ста- рики вернулись домой.

Множество, безъ различія возраста и пола осталось на гминдскомъ клад- бищѣ.

Ф. Будкевичъ
с. Мицкія Сокольского у.

Оберголлябрунъ и Энцендорфъ.

Изъ „хондней по мурамъ“.

Наконецъ, дні 9-го октября 1915 г., наша партія вышла изъ Талергрофа на кон- фінансію, что обозначало половинчастную свободу: жилось подъ надзоромъ яной и тайной полиції, на своемъ стойлѣ. Назначено настѣ въ Оберголлябрунъ на 49-ти км. отъ Вѣны, при дорогѣ въ Знамѣтъ. Вмѣстѣ настѣ было 7 чоловѣкъ: кроме менѣ, свящн. Романъ Крыжановскій изъ Небыломъ, свящн. Александръ Иремек- вичъ изъ Крехова, свящн. Иванъ Бѣльстъ, свящн. Николай Кокурузъ изъ Камени и свящн. Ев. Киселевскій изъ Хѣбчини, и Арсений Дорожинскій, преподаватель гимназіи изъ Дембци.

Оберголлябрунъ — мѣстечко малень- кое, едва 5000 душъ, но чистое, де- шевое и дающее всѣ выгоды къ мирной жизни. И именно эта отсутствіе жиз- ненныхъ тревогъ и хлопотъ было при- чиною моей тоски и скучи. Сидиши, словно на покояхъ и ожидашъ смот- риши, не идти ли побѣдѣть, не часами, не дніями и не мѣсяцами, но цѣлый годъ. Вставали рано, идешъ въ 6 часовъ въ костелъ, вѣтъ на базарѣ за по- купками, — мнѣ было поручено продо- вольствіе на 4 чоловѣка — въ 9 час., ежедневно являясь въ полиційской канцеляріи, потомъ читавши военные сообщенія, гуляши съ свящн. Крыжанов- скимъ въ недалекомъ лесу, а въ полно- винѣ 2-го ч. обѣдаешь — и такъ по- стоянно кругомъ да около.

Всѣ закоулки мѣстечка и окрест- ности стали настѣ извѣстны: Sonnenberg Wiesenbergs, Suttenbrun. При дорогѣ мы открыли памятникъ на могилѣ рус- скихъ воиновъ, которые въ 1805 и 1809 годахъ держали патнисъ Нап-

полеона I. Такой же высокій, каменный памятникъ наши ми на ронѣ, весел- ханий вышинѣ возвѣ Schöngabren. На памятникѣ прочтѣмы, рядомъ съ другимъ и русской надписіи, что настѣ всѣма обрадовало и оживило. Мы отѣбазали тамъ тихія панихиды и молились за души почившихъ братьевъ, и за волю и свободу родного народа.

Бывши мы и въ католицкому кост- елѣ Schöngabren изъ XI столѣтія, съ престоломъ на востокѣ, что указы- ваетъ на возможность его постройки въ Кирилло-Меодійскіе времена, когда сюда доходилъ греко славянское вайнѣ. Мыслись переносимся далеко далеко въ старое время, когда вѣдѣ братское настѣ племя перѣѣхало настѣщемъ изъ юга мол- лилось и служило Богослуженія на слав- янскому языку въ своихъ славянскихъ дерніяхъ. Сегодня тамъ можно лишь вычитать:

Über uns stille leichten die Sterne,
Unter uns ruhen die Todten.

Вокругъ церкви въ камѣ изобра- жена вся история вѣткаго и новаго завѣтѣ, а въ серединѣ, между пресви- теріемъ и иконоп., не хватаетъ иконостаса, только стоять, насколько помнится, у стѣнѣ два столба. Слѣдуетъ добавить, что костелъ съ алтаремъ на востокѣ наши мы и въ сосѣднемъ селѣ Aspernsdorf.

Обходя постоянно окопицу, мы встрѣ- чали множество славянскихъ имёнъ, а мнѣ доводилось побывать въ мѣстной и гимназической библиотекахъ, где по иѣзкомъ трудамъ легко найти ключъ къ правдѣ. Село Теги не что иное, какъ тѣ рѣ, Mugl — искаленное наше

слово: могила, рѣчка Göllersbach называлась когда-то Geleni—Елени, Елени потокъ. Всѣдъ изъ этой окрестности, видѣю до Моравіи, находятся ямы — пещеры, идущіе отъ Дуная, похожіе на лисы норы и коридоры, въ которыхъ то тутъ, то тамъ вырыты загубленія, имѣющіе видъ комнатки. Норы эти весьма узеньки, такъ что едва проходитъ одинъ человѣкъ, комнатки же бываютъ на несколько метровъ выше и шире. Такихъ Erdhöhlen много вокругъ Erdgolzgrund.

Въ Göllersdorf жилъ въ то время стареній священникъ, который изслѣдовалъ эти странные памятники. Однажды зашелъ къ нему, однако онъ меня не принялъ просто потому, что находился из-за своего труда подъ полицескимъ наблюденіемъ и считался неблагонадежнымъ. Пользовался и также изданіями für Vaterlandskunde, но всѣ они, выражаясь польской поговоркой, psu na buty. Нѣмцы обличили все такъ, какъ это было желательно, безъ доказательствъ и историческихъ данныхъ. Я описалъ всѣ вокругъ находившіеся ямы, сдѣлавъ снимки, но къожайтію моя рукоиць была уничтожена во время польско-украинской войны.

Занимаясь такими дѣлами, я все таки былъ недоволенъ и душно страдалъ. Я искалъ занятий для себя и для моихъ братьевъ-земляковъ, также разбросанныхъ по разнымъ селамъ. Надзиратель д-ра Гримма былъ довольно хорошъ человѣкъ, и онъ мѣръ разрѣшилъ post longum et tatum поѣхать въ Раашаль и тамъ служить Богослуженію. Выѣхѣтъ жандармскимъ комендантамъ Strohmaierомъ и сѣлъ на возокъ и уѣхалъ въ бараки. Удивилъ я, когда туда прибылъ: у выстроенного

престола собралось множество нашихъ людей и кроме того учительница изъ Люблинѣ привезла своихъ школьнѣхъ дѣтей. Жандармъ отъ меня не отходить ни на шагъ, не могу говорить со своимъ, прошу разрѣшенія и получаю его: Nu, fragen sie. Оѣранаюсьъ людьми съ вопросомъ, кто можетъ быть дѣкомъ. Приглашаются, какъ узналъ я сейчасъ, Николай Вергунъ изъ Городка, несмѣя замѣчательный человѣкъ.

Началось Богослуженіе. Народа полно со всѣхъ сторонъ Галицкой Руси. Такого воодушевленія, какъ тогда, я еще не видѣлъ. И чувствовалъ, что мозгъ вмѣстѣ съ монмъ народомъ, живу одними и тѣми же мыслями. Когда и обращалась лицомъ къ мозгамъ, то они внимательно смотрѣли на меня, и моя душа полна умѣнія и со слезами къ глазахъ. Хотѣлось мѣръ служить, какъ можно дольше, хотѣлось поразговаривать со своими братьями и сестрами, однако мѣсто было лишь разрѣшено спросить: жаловатъ ли людямъ испечѣнѣя?

Такою мое начало въ Раашаль, и знакомство съ Николаемъ Вергуномъ, отцомъ д-ра Дмитрия Вергуна, старого моего знакомаго и когда-то учителя дочери синиц. (1). Войнарапскаго изъ Гориць. Несмотря на то, что жандармъ зорко смотрѣлъ за мною, и все таки поговорилъ съ честнымъ Николаемъ, и узналъ, что при арестѣ сильно его побили и разбили перхнюю губу, отъ чего по занятію тамъ же интернированнаго д-ра Вербенскаго получилася ракъ. Николай былъ спиритуальный человѣкъ; помню, какъ чудно и честно онъ читалъ «Вѣру» и «Помилуй ми Боже», точно произносилъ слова и практически отмѣнялъ улареній.

Ссыльные въ Гнаѣ.

Ссыльные въ Гнаѣ.

о. Мих. Бабякъ, Мар. Качмарчикъ, о. Йос. Москальчикъ, о. Йоаннъ Бирчакъ, Левъ Кириловичъ, Йос. Кульматицій, о. Ігн. Мознацій, о. Ант. Бучко, о. Йос. Марцикій, Григ. Задоромский, о. Феоф. Качмарчикъ, Софія Петровская, Мар. Черлюнчакевичъ, Ольга Кириловичъ, Брон. Венгриновичъ, о. Мих. Петровскій, Іва. Венгриновичъ Скульскій, Іванна Криницкая, о. Ева. Васильчакъ, о. Феодосій Капко, о. Алекс. Ільєвичъ, Петръ Краницій, о. Влад. Мознацій, о. Зиновій Романовскій, о. Йоаннъ Ільєвичъ, Богданъ Дѣдицій, Феофілъ Костецкій.

Летомъ 1916 года наши люди были увезены изъ Рааша въ Enzensdorf in Thale, 14 км. отъ насть. Ихъ мѣсто заняли бѣженцы изъ Буковины, румынскіе, которыхъ были подъ покровительствомъ небезызвѣстнаго барона Николая Василько и его кадреровъ Лукашевича, Драгомирешаго и о. Жука изъ Вѣны. Для нихъ былъ особый управителъ. Румыны имѣли своего священника, русскіе уѣхали находились подъ вѣдомствомъ измѣнаго настоятеля прихода тамъ же, котораго иногда и называли. Бѣженцы, какъ гости кесаря и какъ патріоты, пострадавшіе изъ-за кесаря, пользовались всѣми правами свободы, хотя часто грозили. Ихъ шанжители на встрѣчу; напротивъ, наши люди — арестанты не имѣли за собою, кроме Бога, никого.

Узнавъ, что наши люди живутъ въ Enzensdorf, я выпросилъ у д-ра Грима разрешеніе пойти туда. Со мною отправился и о. Романъ Крыжановскій. Вложивъ на плечи ранецъ съ кускомъ хлѣба, наѣскоными личинками, профарами и виномъ, пустились мы шагомъ тьуть черезъ Wiesenberг и Aspernsvogт.

Солнце зашло уже совсѣмъ, когда мы пришли въ Enzensdorf. Стало темно, и мгла нависла надъ земейкой. Мы были утомлены и голодны, такъ какъ искуда въ деревняхъ намъ отказывали въ покупкѣ чего-либо. Прощали мы мосты, за которыми было двери. Думали найти туда, однако постшили въ Flѣchtlingslager. Входить въ портъ оберегалъ Керберостъ со штыкомъ и, увидѣ насть, крикнулъ:

— Wer da?

Узнавъ причину нашего прихода, онъ отвѣзъ насть въ Wachzimmer, где

жандармы коротко объяснили намъ, что насть не переночуетъ и приказать явиться въ 7 ч. утра.

— Вотъ тебѣ на! Имѣши, баба, редуты. Куда же теперь?

Жандармы направили насть въ гостиницу, но и здесь намъ отказали. Остался одинъ выходъ: зайти къ настоятелю прихода. Долго добивались мы къ нему, блуждая вдоль высокой каменной похожей на крѣпость стѣны, пока попали въ домъ. Насть встрѣтила жизнерадостная хозяйка и попросила въ гостиницу. Инился самъ Herr Pfarrer, который на отвѣтъ отказалъ намъ въ службѣ въ костелѣ и разбрѣшилъ служить только въ часовнѣ. У себя дома онъ не оставилъ насть и отоспалъ въ темную ночь въ Wirtshaus.

— Es sinkt im schönen Staate Dännpemark — подумалъ и себѣ. А всему виной то, что мы греко-catholici Staats gefährliche Galizianer. Были большимъ трудомъ получена ми комната въ хозяини, а къ ужину принесли намъ два красныхъ картофеля и что-то въ родѣ чая.

На слѣдующій день мы отслужили службу, испопѣвали 10 человѣкъ и осмотрѣли жизни нашихъ людей, которые помѣщались въ темнотѣ разнѣхъ закоулковъ. На тапчанѣ, высоко на чердачѣ, лежалъ старый больной Николай Вергунъ. Увидѣвъ насть, онъ песьма образоваласи и извинилсѧ, что не пришелъ на Богослуженіе; у него ноги почухали, сильнѣ его опустѣли.

— Придется умирать на чужбинѣ — сказалъ онъ со слезами. Жалко стало намъ старика, да что было дѣлать. Простишись съ нимъ, мы ушли къ спомъ временному жилищу. Позже узнали мы, что Николай Вергунъ былъ перенесенъ

Ссыльные въ Оберъ-Цѣрнингъ 1915—1917 г.

Сидѣть: о. В. Рижевскій, о. А. Монрицкій, г-жа Монрицкая, м. М. Вербцкій, о. Вас. Мокрицкій, г-жа Демянчикъ Ольга Падохъ съ млады.

Стоять: Е. Монрицкая, о. А. Рудескій, г-жа О. Монрицкая, о. Боднарукъ, г-жа Демянчикъ, г-жа Збѣгль и о. Падохъ.

Ссыльные въ St. Peter am Ottersbach.

1-ий рядъ: г-жа Городецкая, о. Корвандъ, о. Колуренчичъ, Н. Корвацкая, о. Богачевскій.
2-ой рядъ: о. Левицкій, о. Пойгбескій, Иванъ Яськовъ, И. Дольницкій, о. Ив. Колакъ.
3-ий рядъ: Б. Корвакъ, о. Богатчукъ, о. Городецкий, Б. Кир. Дольницкій и о. Ив. Яськовъ.

въ Siltendorf, гдѣ и почилъ вѣчнымъ сномъ. Да будетъ ему и всѣмъ, за святое русское дѣло погибшімъ, вѣчная память.

Вотъ въ краткости таковы „хожденія по мукамъ“.
Слѣд. Иванъ Билинкевичъ
изъ с. Грабовицъ Львовск. у.

Шатмаръ-Немети — Мискольчъ.

30-го августа 1914 года пришелъ въ домъ къ согбѣтнику суда, б. п. Горницкому жандарму Игнату Юзкову съ солдатомъ Иваномъ Волошининымъ и послѣ предварительного обыска, арестовалъ его и отправилъ въ тюрьму при окружномъ судѣ въ Коломыи. На вопросъ о причинѣ арестованія, г. Горницкий не получилъ отвѣта. Не разрѣшено ему даже жаловаться въ судъ ни въ уѣздное старство за грубое нарушение закона, на стражѣ которого б. п. Горницкий стоялъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Нечеловѣческое обращеніе съ нимъ жандармомъ, конвой и тюремной администраціи безъ всякихъ къ этому поводу ставили этого судью въ худшее положеніе въ сравненіи съ уголовными преступниками.

Покойный такъ разсказывалъ о своемъ арестѣ: „5-го сентября 1914 года были мы отправлены особомъ поѣздомъ изъ Коломыи въ Шатмаръ-Немети въ Венгрии, гдѣ въ то время находился дивизионный судъ станиславской „ландгеръ“. Во время путешестій и не получали ни капли воды. Отъ усталости, жажды и голода, я упали въ полуосунувшее состояніе, просицансъ отъ поры до времени отъ сильныхъ точекъ приклада сопровождавшей настѣнной стражи.

Ожидавшая меня въ будущемъ неизвѣстности, дѣствовала на мое душевное состояніе, въ адской речи истѣр-

чившей насть толпы не предвѣщала ничего хорошаго.

Въ Шатмаръ-Немети были мы закрыты въ пустомъ магазинѣ при пивоварной мукомольнѣ. Тутъ помѣщено 600 человѣкъ арестантовъ обояхъ половъ отъ восьмилѣтнихъ дѣтей до преклонныхъ стариковъ.

Разъ въ сутки водили настѣнную прогулку на рѣку. Разштапанная, полуслѣпнющая лѣтница вела къ большой бочкѣ для отправленія естественныхъ надобностей. Изѣзвались надъ нами немилосерно. Однажды поднималась по этой лѣтницѣ сияющій изъ Лицаго-Шляхтѣцкаго, 76-ти лѣтній старикъ о. Госфѣ Кустыновичъ и, потерявъ равновѣсіе, упалъ головой въ бочку. Друзы вытащили старика изъ бочки безъ признаковъ жизни и много стоило труда привести его въ сознаніе.

Въ полдень 8-го сентября приказано намъ собираться изъ дальній пути, а въ 10 ч. вечера мы слыши на поѣздъ и уѣхали въ Мискольчъ. Тамъ ждала насть ужасная тюрьма съ небольшимъ дворомъ, съ большой вислицей передъ окнами камеръ; съ страшными арестантскими помѣщеніями, съ неизѣбѣжными гадкими наскѣкомъ, холodomъ и голодомъ.

Были слухи, передаваемые другъ другу интернированными, что котлы, назначеніе для варики нашей пищи, употреблялись понарами въ ночное время

Ссыльные въ Туррахъ.

Ссыльные въ Vordernberg bei Leoben — Steiermark.
Слѣд. о. Евстахій Кушнѣръ, Илія Лагола, Илія Левицкій, судья Евгений Бачинскій,
о. Феодоръ Чезнокъ, чин. Гендоръ Цымбалъ, судья Владіміръ Дейніцкій,

для отправлений ихъ естественныхъ надобностей. Не знаю, почему ходили такие слухи и были ли они вѣрны или нетъ, но я не могъ превозмочь себя есть казенную пищу и жить на скучные собственныя средства, захваченные изъ дома во время ареста. Когда же мои деньги вышли, наступила для меня систематическая, продолжительная голодовка.

Нельзя забыть моменты, когда какая-то слюнявина произнесла: „Не бойтесь, Богъ съ вами!“ Но къ сожалѣнию дальнѣйшіе ея слова заглушило венгерское „басмана теремете!“ Во дворѣ тюрмы венгерскіе солдаты уставили вислицу стѣнкою, а на тощей каменной стѣнѣ написали място для разстрѣла.

Въ казематѣ, въ которомъ могло поместиться 15 человѣкъ, сажали ихъ 60! Гнилая солома, сырость, иши, клопы, мокрицы и т. п. гадость. Узники свои естественные потребности удовлетворяютъ въ ведре, въ которомъ стоитъ вода для питья!

Я спалъ подъ окномъ. Ночью дождь замочилъ меня до костей. Я сонѣ и началъ болѣть. Болѣзнь укоренилась въ моей груди. Нѣсъ выгоняли на работы, какъ средневѣковыхъ непольниковъ.

Утромъ грязная жидкость, которую повара поперемѣнно называли то кофе,

то чай, то супъ. Разказывали, что коты, въ которыхъ намъ готовили эту пищу, повара ночью пользовались для извѣстныхъ надобностей.

Зналъ, что венгерскаго солдата можно подкупить деньгами, я воспользовался этимъ, благодаря деньгамъ, защитимъ изъ рубашки. Это поддерживало меня на какое время. Но когда ихъ запасъ исчерпался, мнѣ нѣтъ глаза заглянуть голодъ.

Я, сонѣтникъ суда, сдѣлался невознѣкомъ самыx черныхъ работъ! Пожт приподнѣтіемъ дѣйствіемъ пытки и приклада, я выносилъ параличи, чистилъ отхожее място, въ холодной водѣ и стиралъ бѣлыѣ вояжъ колодца! Однажды, ида въ отхожее място, часовой еврей замѣтилъ мнѣ: „Смотри, не загадъ доски, потому что будешь невѣкомъ сливавшись!“

Вши, клопы и прочая мерзость размноживались несмѣтными количествами.

Изъ товарищѣй по тюрмѣ помню свящн. Павла Гѣбровицкаго, благочиннаго изъ Слободки Лѣсной, дальще бывшаго депутата д-ра Николая Павловича Гѣбровицкаго, сонѣтника суда Феофіла Кошутинскаго изъ Коломыи, гѣсничаго частныхъ лѣсочъ въ Ватра Модлавица Антона Гладника и д-ра Болеслава Порай-Майдайскаго изъ Мариамполи.

Н. Н.

Терезинская тюрьма.

Жизнь въ Терезинѣ страннѣтельно была сносной въ первое время. Крѣпостная администрація, состоявшая частично изъ чеховъ, относилась къ намъ сочувствію и мы могли постепенно пользоваться нѣкоторой свободой въ предѣлахъ тюремной дисциплина. Неофициально разрѣщалось днемъ гуить весь день во дворѣ крѣпости, где инженернѣ проводила время за игрой въ шахматы или преферанса, молодежь занималась гимнастическими упражненіями, а крестьяне занимались все время разговорами и предположеніями о будущей жизни въ Галичинѣ. Всѣ были уѣждены, что Галичина отойдетъ отъ Австро-къ Россіи.

Положеніе наше рѣзко измѣнилось со времени военныхъ неудачъ въ стріи, У насъ была отобрана казенная постель, главнымъ образомъ соломенные матрасы

и утверждены изъ военные госпитали и узникамъ пришлось спать на холода на каменномъ полу, потому что невозможно было приобрѣсти собственную постель и бѣлыѣ за отсутствіе материальныхъ средствъ у арестованыхъ. Всѣдѣствие этого занялись насѣкомыя. Были опытные и энергичные изъ нашей среди цостарались о керосинѣ и, смазывая имъ все тѣло бѣлыѣ, предохраняли себѣ до нѣкоторой степени отъ насѣкомыхъ паразитовъ.

Осеню узники шли на принудительныхъ поденяхъ работы и къ постройкѣ бараковъ для военношѣбинъхъ. Отъ нихъ узнало чешское населеніе о гонимостѣ находившейся въ крѣпости нуждѣ и посредствомъ доброй Алины Лузубе, державшей въ крѣпости лавочку, снабжали наѣсъ одеждой, бѣльемъ и пропитаніемъ. Все это приобрѣтась

на средства, собранные чехами между собой.

Опять улучшилось наше положение со времени выдачи жалованья чиновникам и священникам, находившимся в заключении. На деньги приобреталось все необходимое; бедненежные могли занимать у своих знакомых, получавших жалование, всюду деньгами, собранными в складчину одобрявшимися строгие начальники.

Наше время проходило на допросах, производимых военными ссыльными, привинки, дезинфекции, работах. Постепенно стали увики приготовляться к наступающей зиме. Пробиралась теплая одежда.

Интеллигентия теперь разместилась в кавалерийских казармах в предместьях крепости, а крестьяне остались на старых местах, т. е. в казармах и в кавалерийских конюшнях. Всё 6 вечера заключенных загоняли из помывшей и все входы не глухо запирали.

Были между арестованными и прокураторы, нынешние вездѣ, затѣм доносчики властим о разговорах и настроениях греди узников. Напиши крестьяне, не получая никакой поддержки из дома, привились а рукодѣліи. Они дѣлали крестики, табакерки, мундштуки, коробочки, изготавливали соломенную обувь и шили костюмы. Все то покупала интеллигенти.

Съ приходом въ Тerezинъ русскихъ военнопленныхъ, наши земляки стали неизнаваемы. Дѣло въ томъ, что наступила жиная обмѣнъ одѣжды. Трудно было иногда отличить заточеныхъ галичанъ, одѣтаго въ русскую шинель и пашку отъ русскаго солдата. Вногдѣстий тюремной администраціи запретила русскимъ менять и продавать одѣжду.

Комендантъ Тerezинской крѣпости былъ человѣкъ не строгій. Съ его согласіемъ было намъ разрешено въ день Рожд. Христова служить св. литургію. Уніатамъ служилъ свящ. Н. Малы, а греко-католикъ два военныя священника: сербъ и румынъ. Народъ исповѣдывался и причащался къ встрѣчѣ великаго праздника.

Радость была въ то время между заточенными рѣдкая.

Въ Тerezинѣ мало было смертныхъ случаевъ. Умирали по большей части старики. Народъ жилъ постоянно на скѣмѣ, повсюду и мало болѣлъ. Официальными врачами арестованныхъ были назначены арестованніи д-ръ Цюкъ изъ Самбора, который находился постоянно въ приемной комнатѣ, а по камерамъ и казармамъ обслуживалъ больныхъ частными обравомъ д-ръ Лаврецкий. Мнѣ самому пришлось прибѣгнуть къ его медицинскимъ советамъ. Я заболѣлъ апендитизмомъ и по распоряженію военнаго врача былъ отправленъ въ центральный пазаретъ въ большой крѣпости. Д-ръ Лаврецкий не сошѣвътъ мнѣ поддаваться операции, лишь соблюдать строгую диету. Трижды предлагали мнѣ вѣнчаніе хирурги подписать заявленіе о моемъ согласіи на операцию, но откачивался. Своему врачу я болѣе говорилъ, и въ этой избѣ и не ошибся:

— So werden sie, wie Hund Kteriegen! — закричали измѣни и оставили меня въ покой. Вечеромъ санитар принесъ мнѣ, за воинагражденіемъ, втихомолку лѣдъ для присадѣванія къ больному мѣсту. Такъ и подъ окнѣй санитара-чеха и напѣвавшаго меня д-ра Лаврецкаго, стоя постепенно опораживалъ. Напѣвали меня часто и обнадеживали синц. М. Романовскій съ именемъ братомъ Евгениемъ. Они помѣ

шились въ то время въ казармахъ въ малой крѣпости.

На третій день постѣ моего прибытия въ пазаретъ осматривали больныхъ штабс-прачъ, онъ, осмотрѣвъ меня, началъ было въ острѣй тойѣ политическій разговоръ. Мнѣ не хватало физи-

ческихъ силъ для разговоровъ съ иѣмѣцемъ и я мотчалъ.

Послѣ выдоровленія уѣхалъ я 1-го мая въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тerezинцевъ въ Талергофъ.

И. Н. Киселевскій
изъ Коломыи.

* * *

Въ четвергъ вечеромъ 3-го сентября 1914 г. прѣѣхали мы въ Тerezинъ, находящійся въ сѣверной Чехіи. По нашему прибытию, посадили въ крѣпость въ квартиры кавалерійскихъ казармъ. За всѣ время путешествія это былъ первый ночлегъ на соломѣ. На слѣдующій день мы прохаживались по землинымъ валамъ кругомъ крѣпости. День былъ хороший, пеѣдь зелены, много знакомыхъ, а всѣхъ арестованныхъ находилось въ Тerezинѣ около 1000 человѣкъ. Я раздѣлъся и посмотрѣлъ на свои плечи, которые отъ побоевъ, полученныхъ въ Краковѣ, когда бѣда темно-синего цвѣта Сандѣттами того были: бухгалтеръ Иванъ Пашкевичъ и купецъ Владимира Драгиничъ изъ Львова. Въ подвалѣ мы дали намъ котелки и обѣдъ, а посаѣ прогулки и ужина наѣздили на

ночь въ казармахъ. Гулять разрешалось въ узкомъ внутреннемъ дворѣ. Въ не-настільные дни сидѣли мы почти цѣлый день подъ замкомъ въ казармахъ. Такъ жили мы въ продолженіи трехъ мѣсяцей. Случалось, что наши ключники, иди на базаръ за покупками для кухни и буфета, брали съ собою охотниковъ изъ среды узниковъ изъ города. Вообще жизни въ Тerezинѣ были довольно сносны, благодаря сочувствію и материальному поддержкѣ чеховъ. Дисциплина постепенно маѣла, не запирали наѣзда больше въ душныхъ кавалерійскихъ помѣщеніяхъ, разрѣшили свободно ходить на казарменный дворъ и гулять тамъ подъ надзоромъ стражи.

Крымсковскій
с. Небыловъ, Калужского уѣзда.

Я былъ арестованъ австрийскими жандармами 28-го августа 1914 г. въ 11 час. ночи и препровождены въ Тerezинъ, въ Чехію, вместе съ священниками: Давидомъ Пирогочомъ изъ Тиханы, Николаемъ Феленчакомъ изъ Полянъ и крестьянами: Михаиломъ Кушарю, Яковомъ Двореемъ, Лещомъ Галашемъ изъ Мишани и Яковомъ Пушкаремъ изъ Тыляни.

Путь къ занадной границѣ Галичинѣ былъ для насъ одинъ изъ мученій, исѣдѣніе изѣбѣтельства со стороны населеній ж.-дор. станцій, черезъ которы приходилось перебѣжать. За границѣ Галичинѣ было намъ оказано сочувствіе и даже материальная помощь со стороны чешскаго населенія.

Въ Тerezинѣ былъ и заключенъ 29-го октября безъ допроса въ одиноч-

ную камеру, въ которой раньше сидѣть известный серб Габрионич и пропасть тамъ поимѣнѣа два мѣсяца, т. е. до 28го декабря 1914 года, а затѣмъ быть переведенъ въ общую арестантскую казарму.

7-го мая 1915 года былъ я отправленъ съ ошепономъ въ Талергофъ.

Солдатъ Влад. Дуркомъ
изъ с. Мысцовой, Красносельскаго у.

Мы погрузились въ поѣздъ на главномъ вокзалѣ въ Львовъ. Женщины и синициники были отведены вагоны третьяго класса, а остальнымъ теплушки. Несмотря на дурное предчувствіе дальнѣйшей нашей судьбы, мы все таки радовались, что разстаемся съ львовскими Бригидками.

Начальникомъ транспорта былъ бродскій епур. Намъ было строго воспрещено пыгаждывать и слазить съ вагоновъ, а конвойныхъ приказано прикальвать находившихся установленному маршрутному порядку.

На жел.-дор. станціяхъ Моравіи истребительное населеніе спрашивало "кого везутъ?" и получало отъ конвойныхъ и жел.-дор. при mycketъ, что "рус софиинъ". Между нами были также чехи, проживавшіе до начала войны во Львовѣ и поимѣавшіе съ нами въ тюрьму. Они поясняли моравскому населенію мѣткими выраженіями, кого везутъ и изъ кого состоятъ транспортъ.

Подобными разясненіями были вѣнчаны поѣзду. Кто-то изъ публики послалъ въ Прагу телеграмму и когда 29-го августа мы очутились въ Прагѣ, чешское населеніе оказалось намъ радушнымъ приемъ; намъ казалось, что мы въ Прагѣ гости, а не обвиняемые въ предательствѣ. Чешскіе женщины подали намъ вантракты, обѣдъ и ужинъ въ вагонахъ.

Когда мы приѣхали въ Теревинъ, настѣ встрѣтили на вокзалѣ наши землячки украинофилы цинически-площад-

ной бранью и провожали насъ до самой крѣпости.

Въ крѣпости очутился больше всего недостаточно нижнаго бѣлы, ибо настѣ арестовывали въ чёмъ попало.

Однако и тутъ насъ выручили чехи. Главной инициаторшей и организаторшей несений помощи арестованнѣмъ галичанамъ являлась Анна Лаубе и Юлиана Куглерова. Оѣѣ занялись собираемъ бѣлы и шатлы между чехами и такимъ образомъ имъ удалось устроить грязь, господствовавшую въ крѣпости. Явились даже въ неѣдью въ теревинскую крѣпость, г-жа А. Лаубе и Ю. Куглерова передѣдѣли почти всѣхъ узниковъ. Позже, когда государственнымъ чиновникамъ и духовенству начали выдавать жалованье, среди арестантъ организовалась "благотворительный комитетъ" для несений помощи тѣмъ изъ насъ, которые были лишиены всѣхъ поддержекъ. А такихъ было очень много, такъ какъ большинство ссыльныхъ состояли изъ крестьянъ. Помощь была необходима въ виду ухудшившагося пропитанія. Хлѣбъ выпекался вначалѣ изъ кукурузной и бобовой муки, а во время ухудшеннѣ пищи, изъ каштановой и картофельной муки поползли съ березовыми отрубями.

Главнымъ инициаторомъ этого благого дѣла былъ суды Григорий Гѣббоницкій, а пѣсма дѣятельное участіе въ "комитетѣ несений помощи" принимало

два православныхъ священника изъ Америки. Членами-помочителями этого благотворительного комитета были священники, госуд. чиновники и тѣ изъ крестьянъ, которымъ выдавались канной суммы въ услѣту за выявленіе у нихъ въ первыхъ днихъ войны воинскимъ нѣдомствомъ лопады и рогатый скотъ.

Зимой въ Теревинѣ крестьяне выѣзжали вмѣстѣ съ русскими военно-

шѣйнными соломенными валенками для австрийской арміи. За это получили они изъ царя бѣлы и по парѣ старыхъ солдатскихъ ботинокъ. Въ праздники Рождества и Свѣтлого Воскресенія Христова было намъ разрѣшено до варѣ склонять подъ конюхомъ въ kostely.

Такъ прожилъ мы въ Теревинѣ до маи мѣсяца 1915 г.

А. Г. Полинук.

Похороны крест. Андрея Феодоровича Рудко.

Живъ въ Теревинѣ былъ невеселъ, но все таки спокойнѣй галицкаго ада. Годами тѣ, у кого не было при себѣ денегъ. Со временемъ и это удалилось, голододавцы заняли комитетъ чешскихъ женщинъ. Арестованы были вынуждены многократно на допросы и распредѣляться на группы. "Опасные" были отправлены въ Талергофъ, а "менѣ опасные" опредѣлялись на конфиниронку по именемъ селеній или же на военную службу. Явились даже въ теревинскую крѣпость, г-жа А. Лаубе и Ю. Куглерова передѣдѣли почти всѣхъ узниковъ. Позже, когда государственнымъ чиновникамъ и духовенству начали выдавать жалованье, среди арестантъ организовалась "благотворительный комитетъ" для несений помощи тѣмъ изъ насъ, которые были лишиены всѣхъ поддержекъ. А такихъ было очень много, такъ какъ большинство ссыльныхъ состояли изъ крестьянъ. Помощь была необходима въ виду ухудшившагося пропитанія. Хлѣбъ выпекался вначалѣ изъ кукурузной и бобовой муки, а во время ухудшеннѣ пищи, изъ каштановой и картофельной муки поползли съ березовыми отрубями.

На многихъ теревинцахъ отразились посѣгдѣй галицкихъ побоевъ, въ особенности на лицахъ постарше вѣкомъ. Тутъ скончался постъ непродолжительный.

Иванъ А. Рудко.

Въ Теревинштадтѣ.

(Рассказъ очевидца.)

Объявление войны застигло меня изъ одома изъ германскихъ университетскихъ городовъ. Со днѣ объявленій Австрийской войны Россіи, почтовое сообщеніе почти прекратилось, и я перестала получать письма отъ родныхъ изъ Галичинъ. На мои частные запросы, которые я посыпалъ на родину, не было отвѣта. Только изъ ноябрь 1914 года я получила письмо отъ отца, изъ котораго я узнала, что онъ арестованъ и находится въ малой Теревинштадтской крѣпости. Въ концѣ декабря я получила еще письмо, въ которомъ отецъ просилъ меня немедленно приѣхать къ нему.

Раздѣбѣть съ трудомъ немногого денегъ и паспортъ, и отправилась въ дорогу. На станцію Теревинъ нашъ

пойдь прибыль ночью. Отправиться сейчас же в город было трудно. На вокзале не оказалось ни одного извозчика, а до города, как я узнал, было довольно далеко. Пришлось до утра оставаться на вокзале.

Кромъ меня, на вокзалѣ оказались еще два железнодорожныхъ служащихъ, съ которыми и вскорѣ вступить въ разговоръ. Отъ нихъ я узналъ, что въ городе находятся русские шайны, а кромѣ того, около 1.200 русскихъ изъ Галичины, часть которыхъ занята при чистѣ города.

Въ словахъ моихъ собесѣдникъ пробивалась искра симпатіи къ нашимъ узникамъ; чувствовалось, что имъ понятны ихъ страданія, понятно и дѣло, за которое они страдаютъ. Однако же, открыто они не показывались. Видно было, что они что-то скрываютъ, боясь, видимому, раскрыть свою душу передъ чужими, неизвѣстными имъ человѣкамъ. Чтобы устранить это чувство недопѣрѣкъ себѣ, я рассказалъ имъ о цѣли моего приѣзда — что среди арестованыхъ галичанъ находится и мой отецъ и что я пріѣхала понятьть съ нимъ.

Мои откровенность, видимому, окончательно устранила недопѣрѣкъ моихъ собесѣдниковъ. Однѣ изъ нихъ тутъ же признался миѣ, что онъ чехъ и что и у него галицкое родичество — чехомъ арестованы и находятся въ настоящее время въ Тересиентадтѣ.

Въ бесѣдѣ съ желѣздорожн. служ. я просидѣла до утра. Рано утромъ я проѣхалась съ ними, отправившись въ городъ и скоро очутилась у воротъ "малой крѣпости".

На улицѣ передъ огромнымъ зданіемъ гостиницы и лавки — чинскій, и только на одинъ лапій краевескихъ измѣнки надпись „Deutsches Haus“. На улицахъ масса военной публики; штатскихъ сравнительно меньше.

Но часъ санданъ приближался. Я отправился опять въ крѣпость. Удалившись въ формальности, я отправился къ сопровожденію прaporника-чеха въ камеру, въ которой находился мой отецъ. По дорогѣ, проходя мимо другихъ ка-

зарій крестьяне. Дрожа отъ глубокаго волненія, я подошелъ къ нимъ и привѣтствовалъ ихъ по нашему:

„Слава Иисусу Христу!“

И въ отвѣтъ я услышала знакомыи, родныи слова:

„Слава наўѣнѣ!“

Грусти и, имѣющій съ тѣмъ, радость прописывалась на ихъ исхудалыхъ лицахъ. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ показались слезы. Десятокъ рукъ потянулись ко мнѣ, стараясь пожать мое руку, надѣясь быть можетъ, узнать хотя что-нибудь объ родинѣ. Но колпаки не пустили ихъ ко мнѣ, мнѣ же приказали сѣдѣть же уходить прочь.

Я ушла и долго еще чувствовала ихъ скорбный взглядъ, которымъ они молча пропожали менѣ, незнакомаго, но все-таки близкаго имъ человѣка.

Я отправилась къ первому сторожу и объяснила ему цѣль моего прихода. Онъ сказалъ мнѣ, что отца и могу видѣть только съ согласіемъ міора, который имѣетъ право выдавать разрѣшеніе на свиданіе съ заключенными. Пришлось идти къ міору. Послѣ краткихъ объясненій онъ выдалъ мнѣ письменное разрѣшеніе на свиданіе, которое, однако, можетъ продолжаться не болѣе часа. Времени оставалось еще много, и я отправлялась къ городу.

Характеръ города чисто чешскій. Почти все гостиницы и лавки — чинскій, и только на одинъ лапій краевескихъ измѣнки надпись „Deutsches Haus“. На улицахъ масса военной публики; штатскихъ сравнительно меньше.

Но часъ санданъ приближался. Я отправился опять въ крѣпость. Удалившись въ формальности, я отправился къ сопровожденію прaporника-чеха въ камеру, въ которой находился мой отецъ. По дорогѣ, проходя мимо другихъ ка-

меръ, я встрѣчала много знакомыхъ лицъ. Товарищи и знакомые окружали менѣ и забрасывали меня со всѣхъ сторонъ массой вопросовъ. Я отвѣтывала на ходу, такъ какъ останавливаться мнѣ не было разрѣшено.

Наконецъ, мы вошли въ камеру моего отца. Онъ лежалъ на полу, прикрытый слегка грязной соломой...

Сцены нашей вѣстречи въ столѣ неожиданныхъ условий я описывать не стану.

Насъ сразу же окружила группа знакомыхъ, которая увеличивалась все больше. Вѣсть о томъ, что въ крѣпость прибыла семья изъ Галичины, моментъ разнеслась по всѣмъ камерамъ. Каждый старался поздоровиться съ новымъ человѣкомъ, каждый, повидимому, надѣясь узнать кое-что о своей родинѣ, каждый хотѣлъ передать коротеньку вѣсть о себѣ своимъ близкимъ въ Галичинѣ. Есъ спрашивали о томъ, долго ли придется еще вѣсна, долго ли еще придется имъ сидѣть въ Тересиентадтской тюрьмѣ.

Такъ мы просидѣли вѣсть только около 10 ти минутъ. Сопровождавшій менѣ прaporщикъ потребовалъ, чтобы я съ отцомъ отправился въ комнату, предназначеннуя для разговоровъ, ибо мнѣ разрѣшено свиданіе съ однѣмъ только отцомъ.

Пришлось проститься съ земляками и отправиться въ прѣмную комнату. По дорогѣ появилось тѣ же сцены. Группы нашихъ людей, узнавшихъ о моемъ пріѣздѣ, выходили изъ своихъ камеръ, обступали настъ со всѣхъ сторонъ, здоровались и забрасывали опять тысячами вопросовъ.

Въ прѣмной мы разговаривали. Отецъ рассказалъ мнѣ о своемъ арестѣ, о страшныхъ сценахъ, какія разыгры-

вались на улицахъ Львова и на вокзалѣ въ то время, когда нашихъ узниковъ начали вывозить въ Австроію, и о зѣрѣ скіхъ надѣвателствіяхъ львовской толпы надъ арестованными. Въ Тересиентадт ихъ привезли въ пѣтнѣхъ пластихъ. Почти ни у кого не было денегъ, бывы чистаго пельза было купить, есть давали скверно и относились къ узникамъ очень строго. Такъ жилось нашихъ узникамъ въ Тересиентадтѣ помнѣ 4 мѣсяца, пока военный судъ не промѣтърѣлъ акты, относивши къ заключеннымъ. Начались допросы, изъ которыхъ начало вѣсниться, что арестованные ни въ чёмъ невиновны. Всѣдѣстїе этого отношенія къ нимъ настѣлѣ стало немногимъ лучше. Узникамъ позволяли въ изѣбѣстные часы дніа вѣстречаться другъ съ другомъ и, пообщѣ, жизни стала сноснѣ и легче.

Но время незамѣтно уходило. Присутствовавшій при разговорѣ прaporщикъ поднялся и заявилъ, что разговоръ конченъ. Я простился съ отцомъ и, рѣшивъ еще на слѣдующій день опять посѣтить "малую крѣпость", отправилась въ городъ.

На слѣдующій денъ, въ первый день праздника Рождества Христова, я опять отправился къ отцу. Цѣлый часъ мы разговаривали съ нимъ, а затѣмъ прaporщикъ увелъ отца въ его камеру, оставивъ менѣ въ прѣмной. Тутъ я воспользовалась случаемъ и, выѣтъ того, чтобы идти въ городъ, отправился на перѣх., въ камеру, изъ которой находились мои друзья и знакомые. Съ искренней радостью встрѣтили они менѣ и рѣшили угостить обѣдомъ. Они объяснили мнѣ, что всѣхъ надѣвателіи не знаютъ лично, такъ что присутствій чужого человѣка не замѣтятъ. Такъ и случилось. Мнѣ дали чашку супа съ

кусочкомъ мяса и чашку капусты и картофеля. Начали обѣдатъ. Камера быстро оживилась. Вопросы и поручения сыпались со всѣхъ сторонъ. Вспоминались чудные праздничные дни Рождества Христова на родной землѣ. Изъ усть многихъ салютились меланхолическіе вопросы:

— Какъ проводить этотъ свѣтлый празднікъ тамъ — на родинѣ?

• • •

Малая крѣпость въ Терезинѣ.

Твой плачъ, твой стонъ покажется
смѣшонъ, и будешь все ужасно мрачно.
М. Ю. Лермонтовъ.

— Всѣ вы, пояскы, адѣсь подохнете; одинъ студентъ только выкрутится — скажешь вахмистру на проценѣ.

Теренинъ, маленький городокъ, лежитъ на рѣкѣ Отрѣ. Та часть, куда загнаны были изгнанники, называется малой крѣпостью. Стыны, покерчивающія отъ времени, пасмурныи и имѣющіи вмѣсто оконъ маленькии дыры, пронаво-дятъ тяжелое впечатлѣніе, грустно-романтическое. Они образуютъ длинные и довольно высокіе вали, словно насыпи, которые всегда напоминаютъ средневѣковые. На валахъ казармы. Когда-то въ нихъ помѣщались солдаты, и тутъ было все, что необходимо для воинскихъ крѣпостныхъ нуждъ: конюшни для лошадей, склады оружія, пороха, амбары для верна, хлѣба и соломы; вены, кормы, жилища для женатыхъ, вскакаго рода погреба, имы, конурки и разныя тюрьмы: общий темницы и подземелья. Входъ въ эту лабиринтъ былъ возможенъ только съ двухъ концовъ черезъ тѣсныи, обергаемыи часовыми ворота.

Пополудни пришлось проститься съ ними и идти назадъ. Скорѣ и уѣхать совсѣмъ изъ Терезиентадта и, поѣхъ долгихъ мѣстѣствъ, проѣхали въ Галичину.

Въ день Рождества Христова и послѣдний разъ видѣть ихъ тамъ, въ далекой австрійской крѣпости.

А. К.

„Прик. Русь“ 1915 г. № 1594

выбранный, здоровый, молодой народъ, что все таки были размѣщены по пѣ-
сочнои человѣкѣ въ комнатахъ и только
ночью тамъ бывали, когда сѣли, а все
прочее время они проводили на воздухѣ,
въ постоянномъ движеніи и занятіи.

— Ну, ну! — опять пробормоталъ
Имѣцъ и ушелъ, покуривъ трубку.

Старикамъ, женщинамъ и дѣтимъ,

какъ тутъ жить изъ насковъ, еще неиз-
вестноемъ послѣ ухода лошадей, на го-
лыхъ камняхъ, гдѣ лежало одно жестько
или стояли подводы? Не вѣръ могли
попасть въ комнаты, т. е. казармы. Боль-
шая часть была загнана въ полутемную
конюшни и темные погреба, и всѣ вѣмѣстъ
были окружены численными часовыми,
лючниками, профссами, у которыхъ
хранились ключи отъ дверей, подваловъ,
погребовъ, сараевъ и казармъ.

Дальше въпоротъ стояла тоже ча-
совыи, въ клочі отъ воротъ находились

у надзирателей. Команда солдатъ и то-

ремя присутствия подчинялись коменданту
крѣпости. Какая жизнь могла быть въ

такой обстановкѣ, среди камней? Не-
удивительно, что изгнанные люди за-
тосковали, поглохли, остѣли, стоя
исходили.

И неудивительно, что они однимъ хоромъ, явившись въ одну кучу, затянули:

Пречистая Дѣво, мати Рус-
скаго края!

Народъ плѣтъ съ чувствомъ, сле-
зами, надеждой и вѣрой въ силу рус-
скаго духа, въ чистоту и праноту свою.

Ибо были тамъ люди, совершившіо
ни въ честь невиновника.

Можно ли кого-нибудь бить, аре-
стовать и заключать въ тюрьму лишь
за то, что онъ любить свою землю, что
исполнять и хранить завѣты своего
края и не хотеть измѣнить своему на-
роду? Да кромѣ того, тамъ были жертвы,

никогда политикой незанимаюція и
непонимаюція ея. Возьмемъ г. жу Демьян-
чикъ, жену священника. Въ томъ ли
нина, что она жила у Переимыша, ав-
стрійской крѣпости? Ея мужа увезли
мадиры на мадиришину. На слѣдующій
день увѣли двухъ ея сыновей студентовъ
и doch.-учительницу.^{*} Осталось дома
четверо дѣтей, дѣвочка 14-ти, мальчикъ
12-ти лѣтъ и два младенца дѣвочки.
Старшихъ высыпала г. жа Демьянчикъ пль
мельницу изъ муковъ, но что случилось?
Ихъ арестовали мадирыски солдаты,
дѣвочку пысали на мадиришину, а маль-
чика въ нѣмѣцкіе края. На слѣдующій
день арестовали и саму несчастную
мать. Ее разлучили съ дѣтьми, изъ
которыхъ одному было всего пѣкілько
мѣсяцевъ. Гдѣ же адѣсь политика? Стоило только посмотреть на эту жен-
щину, какъ она ходила, какъ сказы
произвѣла...

Мила страшно жалѣть того, что
не записалъ себѣ имени одного гимна-
зиста IV класса, недодумаго, путинаго
и постоянно двигающагося. Возможнo,
что онъ еще живъ. Когда ключникъ
Землянъ, грубый и отвратительный че-
ловѣкъ, крикнетъ, то онъ ватренецъ
и убѣгаетъ къ толпу. Причина этой
боязни состояла въ слѣдующемъ: оғь
часть лопадей па семью; вдругъ по-
явилась конная мадирыская разгѣдка.
Не надумывайся, узаны повѣсли его
на дерево. Веренка, однако, разорвалась,
и онъ упалъ на землю; послѣ этого его
избили ногами, но все таки второй разъ
уже не вѣшили и въ сѣль передали
жандармамъ.

Сумасшедшій Сильвестр — отчего
сопеть съ ума? Только у него не
дѣбельша; онъ блѣгаетъ, ясѣмъ честь
отдать по воински, говорить какій-то
непонятныи слова, прикаиваетъ, ко-

мандуетъ, падаетъ на землю, молится, крестится, плачетъ. Второй сумасшедший всплакнинъ — монахъ. Говорили, что въ тюрьмѣ онъ долженъ быть внимательно смотрѣть за священниками. Должно быть, у него было счастье, если сошеть съ ума. Увидѣть Зальмана, онъ бросался на него съ кулаками и кричать на все подворье. Его увезли, но выдорогъть ли онъ?

Видя постоянно солдатъ да штыки вокругъ себя, видя тяжелые железные цепи на ногахъ молодого, худощаваго, красиваго юноши Гепри, выходившаго лишь на полѣ часа изъ темницы на узенькомъ подворье, будучи запертыми въ дырахъ съ тяжелой дверью, за окнами которыхъ мелькала штыкъ, студенты и гимназисты, съ ними и крестьяне, твердили одну пѣсеньку:

Солнце исходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно;
Днемъ и ночью часовые
Стрекутъ мое окно.

Подумали, подумали нѣмцы и придумали достойное для "измѣнниковъ" занятіе: чистить терезинскіе канализации, грязныя улицы, отхожіе мѣста. И возмѣдили они сами тануть. Когда кончилась эта работа, ихъ заставили разрыть дорогу покругу хоренскихъ бараковъ, а наконецъ вязать соломенные калоши для фронтонахъ солдатъ.

Все это ничего бы, но какоенибудь вознагражденіе должно бы быть, ну хотябы побольше хлѣба, кусокъ мыла, одна рубашенка. Ничего, а вдѣланою простая уличная ругань. Если бы кто посмѣялъ послушать, то онъ моментально попадалъ въ отдѣльную тюрьму. И каждый день отводили туда Зальманъ, то одного, то нѣсколькихъ имѣѣтъ. За что же? За то, что кто-то бросилъ кусокъ хлѣба

русскому военно-пленному, за то, что дѣтунушка-крестьянка взмужала шаткомъ и Принцесса остановилась, за то, что въ казармѣ было шумно, когда русскими была взята Переышльская крѣпость, за то, что жилье скѣпать доносила на своего сосѣда.

Горе-тоска заѣдала и интеллигента крестьянину. Вши заѣдали неѣхъ безъ различій и безъ исключеній. Дошао до того, что они лазили по землѣ; ихъ можно было видѣть изъ соломы; они обѣгали тѣло и гаодали, какъ мыши, солому.

Когда закрывалась дверь, то иногда всю ночь нужно было истреблять отвратительную нечисть. Конечно, многіе пали духомъ. Молодежь бородила.

— Вы все одно я тоже поете:
— гей. И вѣмъ свою нашу коломыйку—
обратили Миша къ засѣвшимъ у стола товарищамъ.

— Пой, пой! — закричало вмѣстѣ нѣсколько голосовъ. Прочіе лишь удивились, ибо знали, что у Миши не было ни голоса ни слуха.

— Вниманіе! я стану запѣвать,
а вы повторяйте, какъ это нашъ народъ
дѣлаетъ.

— Хорошо, только начинай!

И Миша сѣть сѣдѣвшую коломойку:

1.

Ой вы, поши, мои поши,
Проклятіи поши,
Чего вы поиздѣлили
Такіи дебоши?

2.

Чи вы, поши, показались,
Чи насъ подурѣли,
Шо мы мое блѣдне тѣло,
Икъ хмара, присѣли?

Ссыльные въ Дроузендорфѣ.

Ссыльные въ Гроссавѣ.

3.

Ой цѣсаре, цѣсаронку,
Цѣсаронку — панку,
Ой вышини, цѣсаровыку,
Въ Терезинѣ бранку.

4.

Ой цѣсаре, цѣсаронку,
Пане нашъ хорохъ!
Ой вышини въ Терезинѣ
Ты бранку на воли.

5.

Въ Терезинѣ наберешъ
Ты ихъ міліони,
На что тобъ сичевики,
Якійсь лаёни!

6.

Ними ты повалюшь
Свон регименты,
Ними наплашишь довги всѣ,
Довги и проценты.

7.

Ними заорешь, застанешь,
Ты свою державу,
Они тобъ привнесутъ
Белкую славу.

Громъ хотоха наполнили черную казарму. Потребовали, чтобы Мисса повторить комоньюку, но онъ спалился въ берегу и не отбѣжалъ ни слова. Слезы лились по его лицу, досада давала его за горло. Онь не могъ проговорить; душно ему стало и невыносимо.

Еще небо заволоклось одной сброй тучей. Въ высотѣ она носилась легкимъ скѣгомъ и на землю падала лиши кашли мелкаго дождя. Такова зима на чешской землѣ.

Прикрытые мѣшками, вшивыми одѣянами и прочимъ дрянинамъ лежа-

мѣтъ ходили, согнувшись въ три бѣди, люди по чёрной землѣ крѣпостного вѣла то въ одну, то въ другую сторону. Миша стоять на коминѣ и смотрѣть на городъ. Извѣ трубѣ мельницы и винокури валилъ чёрный дымъ. Ни домогъ, ни большой крѣпости, выстроенной по плану какого-нибудь инженера полковника Никласа Штейметта, совсѣмъ не было видно. Миша сдѣлать попкорнъ, чтобы посмотреть на Рудогоръ, но и они исчезли изъ тумана.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣю, что Австрия стояла на клерикальныхъ устояхъ. Этого немыслимо было не замѣтить и въ тюрьму. Когда народа коченѣть на ходьбѣ, профессы приказали чистить казармы, подворье и коридоры, не напрасно бралиши "предателей и шпионовъ". Зантра Рождество и даже для Синайскаго, совершенны по мѣщанина человѣка, стало очевидно, что придется начальство. И представте себѣ, кто явился, когда народа оять быль загнанъ въ казармы? Самъ господинъ маіоръ въ сопровожденіи двухъ профессовъ и трехъ чиновниковъ!

Не могли "аристанты" казармы № 4 понять почему внутри ихъ помѣщенія при сущинившемся мракѣ на дворѣ просвѣтилось, какъ будто солнце оварило его. Причина этого чуда исна и понятна: господинъ маіоръ вошелъ въ казарму, маіоръ съ красивыми лицомъ и мѣщанскою глазами. За рѣшеткой вошелъ мѣщанинъ на магометанской фескѣ часоваго-босника и засѣсть новый штатъ на его коротенькой винтовкѣ. Какъ же, спрашивается, не просятъ хмурой казарми?

Маіоръ любилъ порядокъ прежде всего и знала чинопочитанье и дисциплину, какъ свою золотую избѣду. Онь подошелъ къ старостѣ казармы и рѣкъ:

ему высказать пожеланіи. Староста сдѣлалъ плачевъ, не вѣнъ съ чего начать; погомъ опомнился.

— Мы желаемъ, господиши маіоръ, выѣсти прахужи, отъ которой у насъ бояться жедуки, получать чёрное кофе; нужны намъ рубашки, ботники, мыло.

Маіоръ посмотрѣлъ на него своимъ мѣщанскимъ взглядомъ и прошелся, осматривая лишь верхушки головъ, мимо выстроившагося ряда. Въ концѣ онъ остановился напротивъ Миши.

— Pardon, ты кто, а?

— Чоловѣкъ!

— Pardon, вижу, что не конь! но кто ты таковъ?

— Русскій!

— И бѣзъ этого ана, pardon! Всѣ вы такие! Извѣ бумагъ мы знаемъ еще больше твоего прізвания. Страпанія-ко, чишу кто ты таковъ?

— У менѣ еще нѣтъ никакаго чина, и я — студентъ только.

— Pardon, такъ и говори! Сразу видно, что дисциплины не знаешь. Pardon, а у тебѣ есть какаянибудь жалоба или пожеланіе?

— У менѣ нѣтъ ни малѣйшей жалобы, но есть же занѣ: у настъ на нашей родинѣ существуетъ обычай вносить на святой вечеръ солому въ хату. Прикажите выдать намъ солому, ибо эта очеви винами; сантъ нѣмъ.

Накириялъ лобъ, маіоръ отступила къ дверямъ.

— По случаю, pardon, святого вечера получите по одной седельѣ и солому, а дверь будетъ открыта до 9-ти часоў. Pardon, да получите! — проинесъ онъ важно и у之势.

Съ его уходомъ тьма опять наполнила казарму; всѣмъ чѣго-то стало смѣшино и вѣѣтъ съ тьмъ и грустно. Принесли солому, раздали, каждый сѣ-

заль, какъ можно лучше, свою берлогу. Выдали седельи и хѣбѣ. По мѣрѣ приближенія вечера все становились задумчивѣе, грустнѣе и молчаливѣе. Наступила какая-то таинственная тишина; между тѣмъ сердца у каждого молотомъ билось; воспоминаній найдостойчиво вселялись въ горемъчный головы. Думать священникъ, когда тому назадъ читавшій у своего алтаря божественные молитвы; думать крестьянинъ, когда тому назадъ ходившій по своему двору, приготовившій сѣно на стогъ и для скота; думала хояйка, суетившаяся среди союзъ слугъ; думала студентъ и безусый гимназистъ, и каждый свое. Одинъ только Петра Кондѣяновъ Швайнъ — царство ему небесное! — весело блѣгалъ изъ казармы въ казарму. Ему удалось, когда щѣхалъ съ возвозъ на работу въ городъ, при помоцѣ чешки Лаубе купить кое-что, чѣмъ онъ теперь и торговалъ.

Въ казармѣ № 4 началася святой вечеръ рѣчью священника Генерскаго; затѣмъ соборными хоромъ подъ управлениемъ Галушки были сѣты колядки: "Богъ предѣльный", "Небо и земля". Послѣ этого разѣжались, пользуясь маіорской лыготой, кто-кто: одни къ знакомымъ священникамъ, другіе къ женениамъ трети на "запорожье".

Что такое запорожье? Такъ назывались темные погреба, лежащіе вдоль Огры. Названіе это они получили отъ того, что были отгорожены отъ прочихъ казармъ узенькими корридоромъ съ маленькой калиткой на высокомъ порогѣ. Погреба имѣли видъ моста дукообразной формы. Жили въ нихъ одни крестьяне. Каменная дорожка отдѣляла два ряда соломы, лежащей вдоль чёрныхъ стѣнъ. Сѣть замочки быть закрыть разѣ-

шенинамъ на веренкахъ тряпьемъ. Влѣтніе сюда студенты стали говорить рѣчи, утѣшать, ободживать, поздравлять съ праздниками, цѣловать, кого пожало. Однажды Мина давнѣе порохъ не могла продвинуться; вѣдь изнуренныхъ, тревожно жалостныхъ лицъ поразилъ егъ, какъ еще никогда, и прикончить къ земль. Большой трепетъ овладѣлъ егъ сердцемъ. Несмотря на то, что самъ былъ крестьяниномъ сыномъ, она боялся подойти къ крестянинамъ, обмануть или обдѣлть ихъ неосторожными словами. Не желая кринить душою, она была убѣждена въ томъ, что въ тѣрьи она не въ состояніи помочь чѣмъ-либо; впрочемъ она чувствовала, что не подготовлена навязывать другому свои мысли, учить и вести другого. Студенты, какъ птенцы, такъ вылетѣли изъ погреба; но Мина стояла на прежнемъ мѣстѣ:

Чтобъ съ небомъ землю въ одиночку,

Христосъ родился — славите!

Чудное видѣніе озарило Мишу; ему показалось, что кружокъ крестьянъ на соломѣ, покой и тонущій въ сумеркахъ тѣлами, есть семейство паstryreb, о которыхъ винаятъ каждое христіанское пятидесятнѣе дити. Передъ Мишей винаяніе первые луzechарны, чистыя, нескрушимы ликъ Христа, свершавшаго сверхчеловѣческой подвигъ на грѣшной землѣ, идущаго въ народъ въ имени своего Отца небеснаго, любви и смиреніи.

Въ это время къ нему подошелъ его односельчанинъ Иванъ Олейниковъ — да будетъ ему земля церомъ! — и попросилъ его въ губу погреба.

— Расскажите намъ исторію, вы такъ долго и многому учились.

— Дядя, ничего я не знаю. Въ гимназии и мало учился, а теперь и то

кабыль. Не знаю даже исторіи родного народа и теперь хочу научиться чему-нибудь.

Иванъ вскинула плечами и потянула его за руку. Онь остановился по срединѣ погреба. Пѣсня лилась одна за другою, и звуки ея пронизывали насквозь все сердце Миши. Они пыщели и, пернувшись въ свою каварму, пахъ на солому. Онь почувствовалъ сильную болю изъ сердцѣ, кровь ударила въ голову, въ его глазахъ потемнѣло; но потому обдала его какая то весьма пріятная струя, и наконецъ, онь ничего не помнилъ, что съ нимъ случилось. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ ококо четырехъ часа. Страшный крикъ разбудилъ его отъ этого безчувственнаго сна. Что случилось?

Вадумались на комъ иному, какъ Петру Кондратьевичу встушить въ переговоры съ чехомъ, въводившимъ Вольскимъ, который признался, что любитъ русскихъ и жалѣтъ, что такъ страдаютъ. Планѣй Швайка не выдержалъ, протянулъ черезъ рѣшетку руку чеху и прильнулъ устами къ жѣлѣзу, желая его подъѣльовать. Въ этотъ мигъ закричалъ сѣдѣвшій за чехомъ вахмистръ румынъ по всю глотку:

— Предательство, предательство! На дворѣ и въ казармахъ произошло страшное замѣшательство.

Часоной, допустивший не своего разводящаго къ ону, сечясь быть смиренъ. Въ казарму № 4 винаяніе вооруженный караулъ съ вахмистромъ и профоссомъ.

— Кто цѣловала? — крикнулъ профоссъ.

— Никто! — отвѣтилъ староста — по обычью нашей земли мы вскому, мимо окна проходящему, пыкали пальцемъ свои благопожеланія. Мы повторили

извѣдному то, что и вамъ, господинъ профоссъ, раньше говорили.

— Молчать, собаки вы поганы! — выходить изъ себя худенький профессъ.

Все это было напрасно; ни профоссъ, ни вахмистръ не добились желаемаго успѣха. Съ шумомъ они ушли, хлопнувъ одной и другой дверью. Погасить ухода въ казармѣ стали думать, что дѣлать.

— Нечего намъ бояться; дальше тѣрьи не пойдемъ; разрѣшите мнѣ

завтра сказать, что я цѣловала Вольскаго — сказалъ Миша.

— Рѣшительно нельзя! — раздались голоса.

— Тише братцы! у меня хорошая мысль: скажемъ, что мы всѣ по очереди цѣловали чеха, цѣлѣвали ради великаго предводителя — ста поодушевленѣемъ предложилъ единственнѣй въ этой казармѣ, всѣми любимый, священникъ Генерсий.

И всѣ пріумокали; всѣмъ понравилась его мысль.

* * *

Изъ тысячи арестованыхъ спало едва нѣсколько человѣкъ. Поздно въ ночь занималось колодками запорожье. Всю почь пробирались думы-молитвы сквозь черныя стѣны тѣрьи и неслись на родину, въ родныя каты. И небо прояснилось, и ночь стала сѣдѣть. Въ

* * *

Терезинъ былъ вѣнѣ вниманія властей и закона. Кромѣ симоніеваго Залмана по казармѣ никто не заглядывалъ. Жизнь однако въ нихъ текла, пробиранася сквозь страшныя преграды. Чтобы не погибнуть, народъ придумалъ отражать прізраки смерти: старательно производилася стирка тряпья, чистка казармъ: появлялись камни, койки, мѣшки съ соломой, подушки, мыло, гребешки.

Откуда все это приходило въ казармѣ? Во первыхъ откликнулись чешское общество, которое посредствомъ благородной женщины Лаубы присыпало исполненное платье, обувь, шапки, ёлки. Во вторыхъ народъ приносилъ, возвращаясь съ работы, куски досокъ, деревя и дѣлалъ себѣ койки. При чистотѣ не

стало мѣста для насѣкомыхъ. Казармы и глухіе погреба превратились въ живилицы. Вотъ на что способенъ русскій человѣкъ! И люди сошлись другъ съ другомъ; всѣ стали одною семьей, всѣ жили прошлымъ, рассказами, воспоминаніями и будущимъ, убѣжденною въ борьбе за новую побѣду; и попозже съ горемъ и слезами живою кое-какъ въ Терезинѣ. Вскорѣ и эта жесть была разстроена нѣмцами.

Пришла весна. Въ одинъ солнечный и солнечный день люди были вынуждены изъ казармъ по широкимъ подпорамъ; пересчитаны, запломбированы въ вагоны и увезены въ Талергофъ.

В. Р. Вакрикъ.
изъ рассказа: «Въ подворотѣ».

Документы, сохранившиеся у г-жи Лаубе *).

Осенний день. Грустно льет солнце свои холодные лучи на долину, разбросанную рѣкою Огрю. Рудогоры не въ тумагѣ, но покрыты полосками бѣльихъ пятенъ. Тerezинъ, недавно еще именуемый нѣмцами Тerezienstadtомъ, отдалъся отъ черной земли своими бѣлыми и красными стѣнами. Судѣй угодно было связать мартирологію Галицкой Руси какъ разъ съ этимъ Тerezienstadtомъ.

Смертная боль наполняетъ сердце и отъ слезъ темнѣеть въ глазахъ. Вотъ та же мостовая дорога, по которой въ 1914 году шло ровно 1.000 русскихъ галичанъ. Точно тѣ же камни, на которыхъ капали не одни горякія слезы, на которые брызнула кровь изъ разбитой, Галицкой Руси.

1. Письмо д-ра Владимира Лаврецкаго къ г-жѣ Аниѣ Лаубе.

Вѣна, 8-го іюля 1917 г. Благороднѣйшая г-жа Лаубе!

Въ виду того, что я не владѣю чешскимъ языккомъ на столько, чтобы я могъ писать безъ ошибокъ, и въ виду того, что нѣтъ возможности менѣ такого человѣка, который мнѣ помогъ бы составить письмо по чешски, я принужденъ отыскать Вамъ на Ваше письмо по нѣмецки.

Весьма и сердечно я вамъ благодаренъ за вести, которыя вы мнѣ прислали 4-го сего мѣсяца. Я долженъ вамъ сообщить, что онѣ стоять гораздо болѣе, чѣмъ вы цѣнѣ обозначили. Все приготовлено превосходно, тѣмъ болѣе, что такжѣ нещѣтельность уже получила вѣнѣ. Но на какомъ основаніи я —

*). Эти документы получить я въ 1922 году отъ г-жи Лаубе, нарочно съѣздивши къ ней въ Тerezинъ — В. Р. В.

босой ноги не одного крестьянина и на которые лежалъ черный соленый потъ не одного хилаго старика. Точно тѣ же красныя, кирличныя стѣны крѣпостнаго лабиринта, тѣ же длинныя рѣы и клоаки, тѣ же насекомы, тѣ же ворота и тѣ же тюрмы! На крѣпкихъ основахъ воздвигнутъ Тerezienstadtъ!

Сохранившіеся документы послужатъ намъ доказательствомъ этого. Г-жа Лаубе и Юлиѣ Кутгерѣ не сразу согласились ихъ мнѣ выдать. Опасаясь, чтобы они не пропали на почтѣ я переписывалъ все, что написано на клочкахъ бумаги. Подлинники пусть хранятся, какъ наслѣдство, для грядущихъ поколій Галицкой Руси.

Ссыльные въ Чаславѣ въ Чехахъ.
Сидѣть: о. Владѣмѣръ Можнацкій, г. Йосифъ Ж-итовскій, г. Михаилъ Гумецкій.
Стоять: о. Михаилъ Еднацкій, г. Йосифъ Марицкій.

Семья Лаубовыхъ общеназываемая „Маминка“ въ Тerezienstadtѣ.
Въ серединѣ Процыкъ сынъ пок. Ивана, редактора „Науки“.

мі і еще не получила обвинительного акта, которого я жду съ нетерпением.

Я удивляюсь самъ себѣ и съязви моего отпора, что мое здравье вадомилось очень мало, несмотря на то, что я въ трехлѣтней тюрьмѣ перенес ужаснѣйшій душевная муки. Теперь я уже оставилъ всякую надежду и не ожидаю освобожденія отъ мученій. Ужас терзаній, пытки, надругатія всякаго рода, голодъ и прочія лишенія, которая несетъ съ собою арестъ, я перенесъ съ стойкимъ сионістствіемъ и смѣю къ жизни черпаю пътъ сознанія, что я совершилъ не пиновень, что моя совѣсть чиста —

* * *

Терелинская крѣпость была назнана нѣмцами: die kleine Festung, по-чески она называлась и называется maler rewnost. На самой же дѣлѣ это не малы, а большая крѣпость съ многочисленными бастіонами, сильнымъ укрѣплѣніемъ и военными устройствами со временемъ Маріи Терезії и еї сына Йосифа II. Милюціи кирпичнѣ, землянѣ и надѣлъ землею, ронные и глубокіе рвы, вскакій рода казармы для солдатъ и постройки для лаванды, снарядженій и хлѣба доказываютъ, что не мало потрачено человѣческой силы, народного добра и времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ таскали камни и бороды по грязи „пѣрній наїснѣйшему пану Руцинг“.

Тотъ же преданный и вѣрный рабъ былъ зачигать штыкомъ и присадить въ мокре подземелье, въ темные и сырьи погреба, въ конюшнѣ кловки и конишни, которые строилъ его дѣдъ-рабъ. Судьба знала ало посыться, но такъ, какъ она посыпалась надѣлъ русскимъ галичиномъ, не ссыпалась ни надѣлъ однимъ народомъ. Въ то время

я даже горжусь этимъ, что я мучусь такъ страшно единственно и исключительно черезъ мое национальное чувство. Крѣпко убѣждѣнъ я, что допосчики, которые ввергли меня въ муки, не уѣдутъ отъ должнаго наказанія и правда посторожестуетъ.

Если Вашъ не тяжело, прошу присыпать мѣръ сухарей, сахара, шоколадъ проч. немортизированіе вещи, за что буду вамъ очень благодаренъ. Съ чувствочкою глубокаго къ Вамъ почтѣнія, остаюсь преданный — д-ръ Владимиръ Ларенцій Wien, IX. K. u. k. Garnisonsgericht, Rossauerkaserne II. Hof.

бѣлье, обувь, шапки, гребешки и проч., собранное мною изъ чешскихъ селенійъ. У меня письмо къ этимъ женщинамъ съ подписями, которое и перевожу буквально. Оно было дано имъ при отѣѣдѣ „арестантовъ“ въ Талергофъ, въ еще болыій адъ.

2. Письмо къ г-жѣ Аннѣ Лаубе.

„Благородная г-жа Анна Лаубе! Галицкіе русскіе, интернированные изъ Теревинской крѣпости, считаютъ своимъ долгомъ поблагодарить Васъ и уважаемую Юлію Куглеръ, а также пѣмъ вѣрными съюзами Чехо Славіи, нашими братыми чехами, наша искреннѣйшая благодарность за все то, чѣмъ вы намъ помогли. Благодаримъ за сердечное состраданіе и преданіе славянской любви, которую вы чувствовали вѣдѣть съ нами.

Примите дорогіе браты, нашу искреннѣйшую благодарность и за то, что Вы, несмотря на границы сорожей и массу кирпичей, оконъ, дали намъ убѣдиться, что у Васъ бѣется теплое, доброе, чувствительное славянское сердце.

Приѣхѣть Вамъѣть за то, что Вы намъ дали доказательство, что Ваше сердце бѣется такъ, какъ и наше. Да здравствуетъ чешская земля! Да здравствуютъ чешские сыны Славіи!

Терезинъ, 4го мая 1915г.

Александра Игнатъ. Козакъ, Полторки-Калушъ, Ольга Михайловна Бойко, Самборъ. Еадена Ивановна Деминчикъ, Скоповъ. Меланій Ст. Деминчикъ, Скоповъ. Ольга Филимоновна Падоль, Крича наль Савомъ. Елагій Прислонски, Львовъ. Романъ Д Шкіріагъ. Д-ръ Владимира Ив. Антоневичъ, Львовъ; Іванъ Максимовичъ Пашкевичъ, Львовъ; Кузьма Николаевичъ Пелешый, членъ ред. „Прикарпатской Руси“, Львовъ; Ярославъ Степановичъ Кунанецъ, студ. политтехники, Львовъ; Филиппъ В. Клиничекичъ; Панель Пандовичъ (не разборчиво); Д-ръ Иванъ Гриневецкій; Гриневичъ Алексѣй; Феодоръ Дм. Филипповичъ; студ. унив. Гр. Ст. Смольский; гимн. VIII кл. Апол. Тылинскій; Karel Secky; Nalezak Chrdilim. Петръ Кондратенко; Шварка, студ. унив. Львовъ; Госифъ Львоничъ Мороцъ, Львовъ; Кароль Фридманъ; б. Юрій Ив. Гендерскій, синц. въ Кальварії ad Лѣско; Константина Ив. Часька, роженикъ, Чехи, Броды; Лонгитъ Вис. Мокрицкій, абл. инженеръ, Львовъ; В. Л. Галушка; Викторъ Г. Клиничекичъ; Vlada Procyk, student, Lwow; Дмитрий Юр. Соколовъ; Илларіонъ Ив. Лихоничъ, землевладелецъ, Поморяни; Иванъ Мисько, Рынега, Каминка стр.; Михаилъ Т. Адрихонъ, Переяславъ ad Золотецъ; Антонъ Ив. Гендерскій; Дмитрий Оеодоровичъ Басевичъ, студ. мед. фак., Львовъ; Волошинъ, Самборъ; Романъ Мих. Харвола, студ. юр. фак. Львовъ; Владимира Застирка, помощникъ прислов., Львовъ; Менанто Ив. Годинята, Львовъ; Симеонъ Максимовъ Павлайдъ. Михаилъ Ив. Стасюкъ; Антоній Осип. Яворскій, др. 4 кл. школы въ Ивано-Франківську, уѣздъ Коломыя; К. Кметъ, Львовъ; Матеї Феод. Красинкъ, управ. народн. школы, Львовъ-Раковецъ; Василь Петровичъ Лемешевскій, гимн. VIII кл. въ Соколахъ-Бобрка; 10рій Ивановъ Осмінчикъ, Скоповъ, абл. гимн.; Иванъ Андр. Бойкотъ, гимн. VII кл.; Поміхайль, Калушъ; Романъ Ив. Деминчикъ, Скоповъ; Михаилъ Вас. Хомичъ, псаломщикъ церкви. Цирецъ; Д-ръ Влад-

димір Львов, Лаврецій, праця ізъ
Волинідом; Владімір Ін. (неразборично)
Львовъ; Димітрій Пр. Гуска-Чертежин-
ський, прихож. изъ Бобркъ ad Леско;
Оеодор Вас. Дуфенець (Dufanec),
Горожанка малая, п. Рудки; Романъ Григор.
Макаръ студ. вет. акаад.; Евстафій Гр.
Макаръ, юрилъ изъ Угорцахъ п. Леско;
Андрей de-Оленічич Стрельбіцкій, учит.
ть Самбіръ; Николай Василичевъ Га-
зунка, слушатель юрил. факультета
Львовского университета, 19-го Інвари
1915 года.

Время паоое пришло. Мы отчизну
свою дорогую
Были принуждены бросить съ тоскою
въ душъ,
Мы истязаниі пучину прошли, пока
въ Вартислава
Мы земля не нашли гостепрімный
пріютъ.

Браты Чехи! Намъ со строгими
Пасербомъ вѣльзъ рокъ жить;
Нотимъ нагимъ, убогимъ
Намъ пришлось къ Вамъ загостить:

Шесть изъютъ намъ не сіяло
Солнце ласканымъ луною
И ногтю на насъ не мало,
Былахъ забытымъ плачомъ.

И средь муки и томленья
Мы учило дни влеки
И сухой къ Вамъ на леченье
Нашпъ скезаетъ лишь прирези.

Послъ упорныхъ сражений Вы подо-
лобили
Кроню отчиниѣ своей. Съ трупомъ пол-
днигнуть оплощь,

Передъ волною чужой и жаждущей кроны
стихіей
Отъ заглады Вы настъ охранили собою.

Насъ и Вашъ передъ врагами
Защищали Кижка, Гусь
И не разными стенами
Пойдуть къ славѣ Чехъ да Русь.

Станеть небо намъ погоднѣй,
Отложиетъ отраднѣй грудь;
Неј Slované намъ свободнѣй
Будеть можно затянутъ.

И Славинъ орэль могучій
Понесется къ небосводъ;
Вѣтеръ, разнѣбъ мгзы и тучи,
Встанеть Вашъ и нашъ народъ.

Нынѣ, когда настъ тираніятъ и тѣ, за
которыхъ мы клали
Головы наши въ бою, чтобы спасать
имъ жите,

Приподнести ничего мы Вамъ не въ
состоннїй
За несенную намъ помоны обнѣйной
рукой.

Но когда врага насилия
Поглотить забвенья ночь,
Мы припомнимъ всѣ усыны
Ваши, чтобы Вамъ помочь.

Очень дорого и мило
Будеть испомнить намъ о той
Сторонѣ, где петары съ Люмилой
Воздѣвать кинъ Борицой.

Дорога намъ будеть Прага,
Гдѣ несъ слѣть въ народъ Вашъ
[Гусь]

И мы грянемъ: пусть во благѣ
Возраствуютъ Чехъ и Русь!

B. R. Варакъ.

Група Терезинськь. (Съ хвіа на право): 1. А. Гічко чинов.; 2. Аппель, унтер-офіц ілючній, алох.; 3. Цюхъ, юристъ; 4. Кацеда, ун-т-офіц, ілюч. чехъ; 5. о. Як. Борисовскій; 6. о. П. Янекъ; 7. ? 9 Караульній солдатъ; 10. д-ръ Цюхъ, врачъ; 11. о. Квіркічій 12. кр. Е. Тузлъ; 13. н. Добровольцій; 14. ?; 15. о. І. Кузьмакъ; 16. кр. ?; 17. г-жа О. Балко; 18. учт. Д. Чайковскій; 19. чинов. Гічко; 20. Айт. Балшинъ; 21. крест?; 22. о. Д. Гічко; 23. о. Гамерскій; 24. учт. сем. Філіпповъ; 25. австрійск. фелд?; 26. гімнаст?; 27. А. Генсіорскій; 28. о. Ю. Генсіорскій; 29. крест. Гічко; 30. ?; 31. В. Квіркічій; 32. г-жа Е. Прислопскай; 33. крест?; 34. ?; 35. о. Р. Чайковскій; 36. Учителъ старичокъ; 37. фам. скочн. Томъ, отъ неї від'їхава Габріелъ; 38. Эммануїлъ; 39. ?; 40. Панчукъ; 41. Чайковскій; 42. д-ръ Запікъ; 43. Р. Макаръ, студ.; 44. ?; 45. о. Панчукъ; 46. учт. Стрельбіцкій; 47. о. Дуфенець; 48. судья Р. Аланській; 49. о. Добровольч.; 50. о. Петровскій; 51. ? подлакъ; 52. ? жінка; 53. ? о.; 54. о. Біласъ; 55. В. М. Добровольч., журналъ; 56. студ. Галушка; 57. о. К. Грушевскій; 58. о. Н. Полянскій; 59. о. М. Добровольч.; 60. крест?; 61. о. Пирогъ; 62. К. М. Добровскій, студ.; 63. ? француза; 64. ?; 65. Сумінській, студентъ; 66. Караульній солдатъ; 67. препод. Дорожинскій; 68, 69, 70 дѣти.

Наши узники въ Австрії.

По полученнымъ сівѣдніймъ въ
Тerezинѣ, въ Чехії, въ числѣ многихъ
братахъ, находятся сілдуони:

В Сегиновичъ съ дѣтми изъ Бод-
шонца, синицъ Р. Чайковскій изъ Тар-
нова-Вижней, синицъ Л. Чайковскій, пре-
подаватель гімн., Арсений Дорожинскій,

І. Кміцикевичъ, Владіміръ, Федоръ и
Іамуантъ Проціки, синицъ Г. Стевенъ,
никъ К. Кижъ, браты Гічко, синицъ Л.

Зарнікій изъ Козлова, Гашонскій, П.

Семчишинъ изъ Позоничной, синицъ Кар-

мандта, синицъ Д. Домбровскій изъ Ми-
котина, Гаѣбополікій, синицъ Скоробога-
тъ, синицъ Малый, синицъ Яремкевичъ,

изъ Крехова, синицъ Лозинскій изъ Го-
ршина. Изъ с. Туринки находятся въ Тे-
резинѣ крестьяне: А. Кана, оба Ку-
пецкіе, Гумени, Ф. Єблецкій и др.

Значительное количество нашихъ
узниковъ находилось также въ Морав-
ськомъ Берні.

Г м и н д ъ.

Не вся Галицкая Русь терялась въ Талергофахъ, Терезиахъ и подобныхъ мѣстахъ постепенного умерщвленій.

Для вѣрныхъ сыновей Австро-Галиции, для тѣхъ, которые передъ „авѣртвами русскихъ дикарей“ бѣжали изъ Галиции подъ теплѣе крыло „матушки-Австрии“, правительство постаралось обѣдарить Гминдъ — небольшое мѣстечко Верхней Австрии, въ которомъ вскорѣ были построены многочисленныя бараки, гдѣ ютились вѣрные подданные старен-каго императора.

Они имѣли своего г-на Старосту, своихъ священниковъ, ихъ просыпали и укрѣпляли въ австрійскомъ патріотизмѣ, словомъ — въ сгражденіи съ Талергофомъ — Гминдѣ бытъ рабы.

И вотъ что рассказывала мнѣ одинъ талергофецъ, который удостоился конфинированія, и дернула вѣгнину въ приближеніе вѣрныхъ австрійцевъ:

— Пришелъ я туда подъ пачерь. Осмотрѣлся за мѣстомъ ноглеца. Когда нику: идеть Никою: итъ Р.; посмот-рѣлъ на меня и увѣнчалъ.

„Откуда, дядя, вы сюда вабились?“ — спрашивала.

„Иду съ Талергофомъ“, отвѣтилъ я.

„Т-с-с! Тише, ради Бога! Если желаете оставаться адѣль, то храни вѣсъ Бога! признаешься въ томъ, что вы были тамъ“, — поспѣшилъ, полу-шепотомъ стала наставлять меня землянка.

Мнѣ не нужно было повторять этой науки и въесьма быть благодаренъ ему, что предостерегъ меня передъ многими непрѣйтностями.

Записался и въ временному адрес-номъ стойлъ, какъ то безъ всіхъ пре-пятствій. Но трудно было скрыть то,

что я бытъ въ Талергофѣ. Но хорошо, что о томъ знала лишь канцелярія.

Въ баракахъ я рассказывалъ, что пошь сюда, какъ воинца во время отступленій напакъ войскъ.

Но видно, не липъ я пришѣлъ сюда изъ Талергофа. Незадолго пришла сюда цѣлнѣ партіи подобныхъ мнѣ измѣнниковъ. Почему изъ сюда направили — неизвѣстно. Неизвѣстно также, почему вдругъ ночью въ баракѣ, гдѣ жили конфинированные талергофцы, явились вооруженные солдаты, окружили баракъ, разбудили синихъ, настроили изъ рѣзы, не забывъ того же талергофскаго обра-зраній.

Началась пропѣрка документовъ. Появѣ лиши оказалось, что императорское доборсердіе не простираво на насть всѣхъ одинаково. У кого на доку-ментахъ оказалась прохлаже „verdachig“ (подозрительный) того безъ-ремонно, какъ собку, хватали солдаты, отводили по сторону и замыкали тѣ-сными колпакомъ.

На счастие я имѣлъ документъ чистый и остался. Прочихъ бѣднѣгъ установили по четыре въ рядъ и стали выводить.

„До смерти не забуду этого дикаго крика, тѣхъ изувѣсковъ скатыхъ кула-ковъ, того поноженія, которыми проподали нечастныхъ гонимыхъ талергоф-цевъ... свои галициѣ, родные братя-кресты, іѣріи подданные своего ста-рельского отца“, съ глазами, полными слезъ, говорилъ мой знакомый.

„Кацапы, про��аные измѣнники! Еще не сгинли въ Талергофѣ! Навадъ ихъ туда! Чтобы издохни до одного! Мы ради настѣ адѣль должны мучиться!

Черезъ вѣсъ подденою вси война на-
чались.“

Толпа озѣрѣла, рвалась къ дракѣ, бросала чѣмъ ишло въ тѣхъ, кото-рые дернули осквернить австрійскій
рай...

Въ темную, холодную, пенаструю ночь понесли ихъ, подозрительныхъ та-
лергофцевъ, но куда — не знаю!. Го-
ворили, что обратно въ... Талергофъ.

Д-ре С.

Прѣѣхавъ въ Талергофъ, мы вдох-
нули тутъ немногое легче. Троє сутокъ
живи мы въ поѣзѣ, многіе изъ однихъ
только рубахахъ и брюкахъ. Какъ ихъ
арестовали дома, не разбрѣши оѣдѣть
на дорогу, такъ и загнали въ Талер-
гофъ.

Тамъ носили и одну рубаху но-
семъ мѣсяцѣвъ. Было у менѣ немнога
серебрянныхъ монетъ, которыхъ приш-
лось отдать вѣмѣстъ съ первочинами но-
жами, ибо по словамъ начальства „зло-
дѣймъ не полагается имѣть при себѣ ни
денегъ, ни оружія“.

Въ Талергофѣ продержали менѣ до
19-го августа 1915 г. Тамъ допраши-
вали настѣ, стараясь выяснить настѣ ви-
новность, но, убѣдившись, что мы аре-
стованы по причинѣ властнаго и без-
предметнаго доноса, отправили насъ изъ

сколько человѣкъ въ Гминдѣ въ Ниж-
ней Австрии. Тамъ были настѣ виданы
види на житѣльство и настѣ разѣшено
поселиться въ частныхъ квартирахъ.

Я былъ оправданъ безъ суда.

Въ Гминдѣ было легче жить; бытъ
тамъ свой храмикъ, построенный русскими
военпосыпѣнными, можно заняться зары-
боткомъ.

Представители какаго-то чешскаго
благотворительного общества снабдили
настѣ бѣзѣмъ и одѣждой.

Въ Гминдѣ прожилъ я всего 4 мѣ-
сяца, а 12 декабря выѣхалъ эшелономъ
домой въ родную Галицию.

Дома я, никуды негодный старикъ,
узнавъ о смерти моего сына, солдата
австрійской арміи.

Крестъ. Иванъ Зепрко.
с. Возники, Бобрискаго уѣзда.

Дня 11-го октября и очутился въ
Талергофѣ. Сначала въ палаткахъ, а по-
томъ въ баракахъ прожилъ я до 12-го
июня 1915 года. Въ этотъ день былъ
я отправленъ въ Гминдѣ и примѣщенъ
среди бѣженцевъ, но уже нѣсколько дней
послѣ этого я былъ определенъ въ ра-
бочую дружину, отправляемую въ Тал-
ергофъ въсѣ Блюмуа для работы
при постройкѣ жеѣзиндорожнаго полотна.

Моя жена, узнавъ о моемъ мѣсто-
пребываніи, внесла прошеніе къ воен-
нымъ властямъ въ Блюмуа о предosta-
вленіи мнѣ отпуска. Просыбы жены была
удовлетворена и я вернулся 12-го ав-
густа 1915 года къ своей семье въ Га-
лицию.

Крестъ. Павелъ Галько.
с. Петровъ Воля, Стрижинскаго уѣзда.

ВЪНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. 1915 и 1916 г.г.

Въ ряду безчеловеческих истязаний, избиений, массовых арестов и казней, ни въ чемъ неподвижного и мирного населения, заслуживающихъ особаго вниманія, известны процессы по обвинению въ государственной изменѣ и цѣлаго ряда галицко-русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Хотя такихъ судныхъ дѣлъ въ эти жуткіе дни было безчисленное количество, но въ то же время являются замѣтительными 2 процесса, которыхъ про-

исходили не въ провинциальному захопусты или обстановке прифронтовой полосы, а именно въ самомъ центрѣ государственной жизни — въ блестящей столице, клонящейся къ упадку двуединой монархии.

И еще выдѣляются эти процессы темъ, что изъ нихъ, особенно въ первомъ процессѣ 1915 г. въ качествѣ главного подсудимаго привлекалась идея единаго русскаго народа и русской литературный языкъ.

Первый вѣнскій русский процессъ.

Слушалось это дѣло передъ военнымъ дивизионнымъ судомъ ландверы (*Landwehrgerichtsgericht*) въ Вѣнѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, съ 21 июня по 21 августа 1915 г., подъ предѣдательствомъ (*Vorsitzender*) оберст-Карла Петцольда, докладчикомъ-руководителемъ (*Verhandlungsleiter*) оберлейтенанта-аудитора д-ра Роберта Пейтльштида и военнаго прокурора (*Militär-Anwalt*) оберлейтенанта-аудитора д-ра Рудольфа Вундерера.

Въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственной изменѣ — обвиненіе обычное въ то безумное время, — привлекались арестованые въ первые дни начавшихъ войны:

1. Д-ръ Дмитрий Андреевичъ Мар-

ковъ, депутатъ австрійскаго парламента;

2. Владимиръ Михайловичъ Курыловичъ, депутатъ австрійскаго парламента;

3. Д-ръ Кириллъ Сильвестровичъ Черлючиакевичъ, адвокатъ въ Перемышль;

4. Д-ръ Иванъ Николаевичъ Дроморецкий, адвокатъ въ Золочевѣ;

5. Дмитрий Григорьевичъ Иченецкий, журналистъ, корреспондентъ газ. «Новое Время»;

6. Омара Дикковъ, крестьянинъ изъ с. Вербница;

7. Гавриилъ Мулькеничъ, кузнецъ изъ Каменки-Струмиловой.

Уже самъ вѣнзій подборъ лицъ изъ различныхъ общественныхъ круговъ и мѣстожительствъ и предъявленіе имъ одного и того же обвиненія, сидѣтельствуетъ о томъ, что объединеніе всѣхъ этихъ лицъ подъ однимъ общимъ обвиненіемъ не имѣло никакихъ фактическихъ основаній, за исключеніемъ русской идеи, свойственной языку подсудимымъ.

Сущность государственной измены подсудимыхъ состояла, по обвинительному акту, въ томъ, что 21 июня 1914 года и послѣ объявленія всеобщей мобилизациіи, 31 июля 1914 г. состояніи членами «Русского Народного Собрѣя» и прочихъ русскихъ обществъ, и что въ качествѣ основателей «Карпато-русскаго освободительного Комитета» посредствомъ русофильской агитации и подстрекательства, какъ вачинники предпринимали нѣчто, угрожавшее отдѣлѣнію отъ Австро-Венгерской имперіи Галиціи, Буковины и части Венгрии, наложеніемъ «рутеніемъ» и т. п.

Вместо уликъ — всевозможныхъ документовъ и вещественныхъ доказательствъ, фигурировали на судѣ русские газеты и журналы, выписываемые посредствомъ австрійской же государственной почты, русскіе книги, часные письма съ безводными содержаніемъ, а даже открытки съ видами Россіи.

Для тенденциознаго австрійскаго военнаго правосудія ничего большего и не требовалось — это стало яснымъ сразу, какъ все дѣло свелось къ тому, что въ Австро-Венгрии никогда не было нѣть и быть не можетъ никакого русскаго народа, а есть лишь одинъ вѣрноподданный «украинскій» народъ. Поэтому, кто лишь осмѣливается признавать себя русскимъ и употребляетъ русскій литературный языкъ, уже тѣмъ

самимъ совершає тяжкое государственное преступленіе.

Быть вызванъ цѣлый рядъ свидѣтелей, вѣдь же приводятся показанія лишь вѣсколькихъ, бѣгѣ видныхъ «украинскихъ» дѣятелей; показанія ихъ и нуждаются въ комментаріяхъ и говорятъ сами за себѣ: «

Владимиръ Ясеницкій, отставной съѣтникъ суда въ Черновицахъ, сообщаетъ, что «русскій» въ национально-культурномъ отношеніи — это лишь пустые слова, подъ которыми скрыты дѣятія государственної измены. Всѣмъ очевидно, что подсудимые хотѣли отторженія Галиціи отъ австрійскаго государства, и присоединенія ея къ Россіи. Такое соединеніе подготавливались посредствомъ русскихъ газетъ, русскаго правописанія, и дѣятельности обществъ. Каучинскій, основатель (!?) общества, хотя и былъ соѣтникомъ суда, но былъ русскимъ уѣзжіемъ и умеръ въ Кронштадтѣ.

Василий Яворскій изъ Нового Сонча заявляетъ, что въ 1897 г. состоялось въ Новомъ Сончѣ собраніе, на которомъ вѣс ораторы хвалили Россію, утверждая, что въ Россіи населеніе платить меныше налога и иметь больше земли. Вѣс земли и священники на Лемковщинѣ — это русофили.

Ярославъ Бесселонскій, редакторъ „Діа“ утверждаетъ, что дѣятельность Русскаго Народного Собрѣя имѣла цѣлью присоединеніе Галиціи, Буковины и части Венгрии къ Россіи; послѣ объявленія войны Дудыкевичъ, Лабенскій, Сьюкало, Гаушкевичъ основали «Освободительный Комитетъ», задача котораго сводилась склонительно къ одному: отторженіе Галиціи, причемъ послѣ паденія Перемышля Дудыкевичъ совалъ торжественное вѣсѣданіе, послѣ чего бытъ представленъ царю. Въ此刻ище вре-

ми и Народный Сойбът имѣгъ сношнія съ Синодомъ, властями и всевозможными обществами; перемѣняютъ школьную систему, языкъ и вѣру. Общество им. М. Качковскаго вело подготовительную работу для вступленія русской армии посредствомъ книжекъ издаваемыхъ на деньги полученные отъ гр. Бобринскаго, а „Народный Сойбът“ занимался переборкой для русской армии добровольцевъ — противъ Австрии, преимущественно изъ членовъ „Русскихъ Дружинъ“, которыхъ пользовались русской командой и имѣли русскіе флаги. Слово же „Русь“ значить то же самое, что и „Россія“. Царь въ своей рѣчи сказалъ „недѣлѣмая Русь“.

Дѣвъ Федоръ Ваню, адвокатъ изъ Золочевъ, явился свидѣтелемъ — экспертомъ формулируетъ неизѣпную дилемму: „Кто употребляетъ русскій языкъ, не можетъ быть хорошимъ австріецемъ; хорошиими австрійцами являются лишь украинцы; поэтому всѣ члены русско-народной партіи — измѣнники, ибо они не украинцы.“

Лудзекевичъ и толарици, по его мнѣнию, стремились къ отторженію Галичинъ, события подтверждаютъ это, и хотятъ точныхъ дѣйствій въ этомъ направлении ему неизѣнны, однако осѣдѣмленъ о томъ, что пѣлъ пропаганда православія и русскаго языка съ цѣлью уничтоженія украинца. Извѣстно, что въ селѣ Трудновачъ, во время собранія пѣли „Боже Цари храни“.

Дѣвъ Кирилъ Студинскій, профессоръ Львовскаго университета сообщаетъ, что по его мнѣнию всѣ лидеры партіи стремились къ отторженію Галичинъ отъ Австрии и подговаривали къ этому народъ посредствомъ газетъ; въ пользу православія занималось О-во им. М. Качков-

скаго, издававшія книжки для народа, а бурсы содергивались на рубли.

А. Колесса, профессоръ университета утверждаетъ, что русофильскіе лидеры старались убѣдить народъ, что овъ русскій, и что его родныи языкъ является русскій языкъ, воспитывая народъ въ симпатіи къ Россіи и къ православію; для бурсы выписывали учителей изъ Россіи; общество им. М. Качковскаго пропагандировало пѣѣтки въ Почаевъ, а большія суммы рублей создавали симпатіи въ пользу Россіи.

Сементъ Виталь, депутатъ показываетъ, что книжки издаваемыи обществомъ им. М. Качковскаго учили народъ, что въ Россіи было лучше, и если бы прінцель Царь, то онъ будетъ заботиться о крестьянствѣ. Со временемъ гр. Потоцкаго усиливалась агитация въ пользу Россіи, но всѣхъ направленіяхъ посредствомъ газетъ, бурсы и каждый уговаривалъ, что эта агитация ведется за рубли и усиливается до невозможнѣхъ предѣловъ (напр. Пустошкинъ и гр. Бобринскій). „Русскіе Дружини“ организовывались для борьбы на сторонѣ Россіи, противъ Австрии и украинцевъ. Во времена выборовъ, благодаря милостямъ рублей розваныхъ агитаторамъ русскіе избрали 10 депутатовъ и были бы избраны больше если бы во времена правительства не начало преслѣдованій. Молодежь массами шла въ Почаевъ и Холмъ, гдѣ Езловъ подготовлялъ изъ нихъ кадры православныхъ священниковъ для Галичинъ.

Дѣвъ Феофиль Кормонъ, адвокатъ изъ Перемышля: подсудимые состояли въ тайной связи съ Россіей, въ томъ, что книжкахъ, издаваемыхъ О-вомъ им. М. Качковскаго восхвалялся Царь; для поддержки бурсы и многихъ русофиловъ получались изъ Россіи рубли.

о. Стефанъ Онышкевичъ, депутатъ говорить, что русская партія стремилась къ соединенію съ Россіей, причемъ всѣ газеты занимались цареславіемъ и восхваленіемъ Россіи. Пропаганда православія имѣла политический характеръ. Деньги массами выссыпались изъ Кіева, причемъ ваны (украинскія) газеты имѣютъ квартиры изъ Кіева. По мѣрѣ о. Онышкевича русская партія предна Австрии; подтверждение своего мнѣнія видитъ изъ измѣнѣнія многихъ деревень, и тѣмъ объясняетъ массонные аресты за шпионство и измѣну.

Вічеславъ Будзиновскій, депутатъ: Не было тайной, что русофильскіе ссыпченники и интеллигенты стремятся къ отторженію Галичинъ отъ Австрии, они вѣдь говорили: „русскій штыкъ спасетъ настъ отъ рабства“, а крестьянъ обманывали игрой словъ: „русины — русскіи“, напр.: „Царь русскій, правительство русское, вы тоже руссіе“. Многіе ссыпченники, напр. Гоцій, Ясеницкий, Собка, — шпиона, причемъ въ с. Щиївна исѣ крестьяне служать русскимъ подъ руководствомъ свящ. Сойки.

Дѣвъ Я. Петрушевичъ, депутатъ (запосѣдѣстъ „важіло-украинскій диктатор“) утверждаетъ, что всѣхъ прѣдѣловъ рутеновъ, бояре съѣздили изъ нихъ перестали надѣяться на Австрию, и предполагали съ помощью Россіи выбрать себѣ лучшее будущее. Если бы не поддержка гр. Потоцкаго, то русскіе давно исчезли бы. Несомнѣнно, что всѣ стремились къ отторженію Галичинъ отъ Австрии и присоединенію послѣдней къ Россіи. Вели агитацию посредствомъ газетъ и обществъ, пѣсни „Боже Цари храни“, а у „Русскихъ Дружинъ“ были русскіе прапоры.

Дѣвъ Кость Левицкій депутатъ: со временемъ Наумовича ихъ кличъ: „мы

одинъ народъ съ русскими“. Начиная съ 1907 г. велась открытая пропаганда въ пользу Россіи. Изъ Россіи получалось много пособій, а дѣлжез рублей происходилъ открыто. Я говорилъ Намѣстнику Кортыковскому, что все это представляется для Австрии большую опасность и потому Австрия должна оказывать украинцамъ большие поддержки, чѣмъ до сихъ поръ. О во им. М. Качковскаго, гонки, молочныи кооперативы и др. общества и учрежденія занимались агитацией въ пользу Россіи, а въ Бурсахъ, гдѣ гдѣ лись русскіе пѣсни, были портреты Цара и русскихъ полководцевъ. Крестьянъ учили измѣнѣніи, а „Русскіе Дружини“ подготовляли крестьянъ для Россіи; русскихъ офицеровъ освѣдомляли русофилы. Въ 1913 г. въ годину града раз предѣдѣлились въ Галичинѣ рубли и хѣбъ изъ Россіи со слошами: „всѣ это отъ Царя“.

Не удовлетворяясь массой синдѣтей изъ „украинскіхъ“ общественныхъ круговъ, изъ которыхъ кроме неречисленныхъ синдѣтей-„экспертъ“ было много добропольцевъ — синдѣтей доносииковъ, которые вѣдь имѣли право на основное формулѣ дѣяний. О. Ваню, — что кто употребляетъ русскій языкъ, тотъ не можетъ быть хорошимъ австріецемъ⁶, — доказать, что въ предѣлахъ Австро-Венгрии никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть никакого русскаго народа, австрійское судилище, надѣясь поддержать и доказать утверждѣнія своихъ вѣрховыхъ ссыпютъ, привало научнаго эксперта въ лицѣ самого авторитетнаго славянскога дѣятели Вацлава Вондрака, профессора Вѣнскаго (запосѣдѣстъ Брненскаго) университета, выѣхъ уже покойного, задачей котораго было выяснить отношеніе русскаго литерату-р

наго языка к отдельным русским наречиям». Глубоко научная и правдивая экспертиза проф. Вондрака не побоявшимся в то лютое время мужественно и неподкупно заявить на основании научных данных, что русский народ и его язык едины, не убдила судей позачем рещинских все таки приговорить не из чьем неповинных людей к смертной казни через позывной еше, предотвра-

щенному лишь случайно благодаря усиленному ходатайству испанского короля.

Весь ход этого военно-политического дела — трудно в настоещее время точно отобразить ввиду его громадных разрывов — 40 с лишними большими томов самого стено-графического отчета, но из приведенных показаний части свидетелей можно проследить цели этого страшного и поразительного судного дела.*

Второй винской процесс.

Для устрашения ненавистных русофилов и с целью отвлечь внимание населения от новых неудач и от начинавшегося голода по соглашению винских Австро-украинцев, быть инсценирован второй процесс по обвинению в государственной измене 24 лиц, галицко-русских общественных деятелей.

Также же военным дивизионным судомъ ландверы (*Landwehrdivisionsgericht*) присяжались въ качествѣ обвиняемыхъ:

1. Свящ. Кассианъ Богатырецъ, православный священникъ въ Веренченіи, въ Буковинѣ,
2. Илларіонъ Цуркановичъ, редакторъ въ Черновецѣ.

3. Д-ръ Семенъ Бузикъ, адвокатъ въ Мушина,

4. Свящ. Гавріль Гнатычъ, настоятель прихода въ Криницѣ,

5. свящ. Романъ Пристопскій, настоятель прихода въ Жегестовѣ,

6. Д-ръ Александръ Гассаевъ, адвокатский кандидатъ въ Мушина;

7. Д-ръ Иванъ Черлюнчакевичъ, адвокатъ въ Скалатѣ,

8. Д-ръ Александръ Савюкъ, адвокатъ въ Синокѣ,

9. Д-ръ Ярославъ Сьюкало, адвокатский кандидатъ въ Галичѣ,

10. свящ. Николай Винницкий настоятель прихода въ Галичѣ,

11. свящ. Корнилий Сеникъ, настоятель прихода въ Бережаний Коломацкой,

12. свящ. Маркелъ Роставецкий, настоятель прихода въ Громбѣ,

13. Дмитрий Вислокий, студентъ университета въ Лабоной,

14. свящ. Іоаннъ Машакъ, настоятель прихода въ с. Лищина горнаго,

15. свящ. Іоаннъ Станакъ, настоятель прихода въ с. Високдо,

16. Евстафій Цюкъ въ Самборѣ,

17. Иванъ Аидрейко, студентъ университета, въ с. Тыличѣ,

18. Феодоръ Можнацкий, по-

мѣнчикъ, въ с. Можначка,

* Краткий обзоръ процесса см. въ статьѣ К. Николаевича: «Первый винской процесс» въ календарѣ «Оса» вм. М. Качковского на 1920 г., Львовъ, 1919, стр. 180—134.

Экспертиза проф. Вондрака изложена въ книжѣ: Вопросъ объ единстве русского языка передъ австро-немецкимъ военнымъ судомъ Винъ въ 1918 г. съ предисловиемъ и примѣчаниями проф. Ю. А. Яворского, Львовъ, 1924, Издательство „Живое Слово“.

19. Алекс. Миляничъ, учитель въ с. Поворозникѣ,

20. Менодій Трохановскій, учитель въ с. Криницѣ,

21. свящ. Феодосій Дуркотъ, настоятель въ с. Жильи,

22. Николай Громосякъ, крестьянинъ изъ Криницї,

23. Лука Старіцкій, псаломщикъ изъ с. Знесенье воѧнъ Львова,

24. Яковъ Гадюкъ, крестьянинъ с. Шипотъ.

Преступление обвиняемыхъ состояло въ томъ, что всѣ они до 26. июля 1914 г. и поѣтъ объявленіи всебойной мобилизациіи 31 июля 1914 г. состояли членами различныхъ руссофійскихъ обществъ въ Галиции и Буковинѣ и свою дѣятельностью и руссофійской пропагандой подготовили отторженіе навязанныхъ областей и части Венгрии отъ австро-венгерской имперіи, усиленіе опасности винской для государства и внутренней бути. Эти преступления совершили первые 15 человѣкъ, такъ какъ они являлись лидерами партий и подстрекателями, действовали въ тайной связи посредствомъ агитации и печатной, шпионастской и т. п., и созданной ими организаций изъ советянского русского крестьянства въ Галиции и въ Буковинѣ. Кромѣ того подсудимые обвинились въ томъ, что имѣйши понесли серьез-

Чертова башня въ Винѣ.

Пробышій шесть мѣсяціевъ въ винской тюрьмѣ (Чертова башня) М. И. Якубовскій прибыль въ Петроградъ и сообщилъ сотрудникамъ «Нового Времени» еще некоторые данные объ ужасахъ тюрьмы, въ которой томится еще тысячи русскихъ галичанъ:

«Холодная, темная, сырья, мрачная

и вредъ и. к. австро-венгерской и союзной съ ней германской арміи во времена войны, входя въ сношениіи и поддерживая связь съ врагомъ, т. е. съ русской императорской арміей.

Какъ и въ первомъ процессѣ, такъ и теперь какову работу вели украинцы, причемъ всѣ безъ исключения свидѣтели были изъ украинцевъ; вотъ главные изъ нихъ: Д-ръ Евгений Олесницкий, Д-ръ Евгений Петрушевичъ, Д-ръ Стефанъ Баранъ, Д-ръ Лонгинъ Чегельский, Д-ръ Левъ Бачинский, депутатъ Николай Василько, Д-ръ Кость Лепицкий, О. Платонъ Филипъ, о Степанъ Онышкевичъ, Левъ Гузаръ, Илья Семакъ, Д-ръ Альфредъ Гониковичъ, Эммануилъ Константиновичъ и др.

Калиновымъ отродьемъ — «украинскими общественными кругами» прилагались всѣ усилия къ тому, чтобы подсудимые были приговорены къ смертной казни.

И действительно, всѣ кроме Д-ра Я. Сьюкало, Е. Цюка, О. Можначаго, А. Миляничъ, М. Трохановскаго, о. О. Дуркота и Я. Гадюка были пригнорены къ смертной казни чрезъ въ позшение, однако впослѣдствии помилованы.

Изъ подсудимыхъ умеръ въ тюрьмѣ о. Гавріль Гнатычакъ.

камера, въ которую меня, въ буквальномъ смыслѣ слова, бросили, была въ продолженіи шести мѣсяціевъ для меня тѣмъ каменнымъ гробомъ, въ которомъ я былъ живою погребенъ. Ни клочки бумаги, ни карандаша, ни гаветы; кромѣ дикихъ криковъ сторожей и вѣзваго напѣва «русскій шпіонъ», и ничего не

Чертова башня въ Вільні.

слыхать, и единственнымъ моимъ обиц-
нѣемъ съ пѣщнѣмъ міромъ были тѣ
моменты, когда меня поднимали на допросы,
къ поенному слѣдованателю.

Зѣбъ, спускался по лѣстницѣ подъ
коною, и нѣрѣко истрѣчалъ, также
изъ сопроножденія коннойныхъ, депутатъ
вѣнскаго парламента Газичанъ-
Маркова и Куриловича и де-
сятки галицко-руссихъ ингезиентовъ,
адвокатовъ, судей, врачей и пр., одинъ
нидъ которыхъ сидѣтельствовалъ, о томъ,
что я въ сравненіи съ ними нахожусь

еще въ райскихъ условіяхъ.
Въ той же ужасной „Чортовой башнѣ“
томитясь и до сихъ поръ корреспондентъ
„Нового Времени“ Д. Г. Янчевецкій.

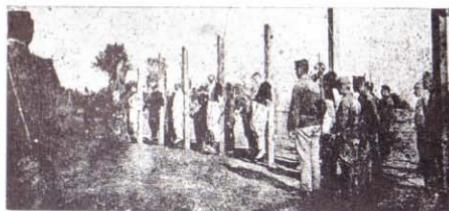
Нужно ли говорить о томъ, каковы
были материальныя условія моей жизни
тамъ. Пища была такая отвратительная,
что я спустя недѣли дѣй не на шутку
занемогъ и, боясь заболѣть чахоткой,
какъ величайшей миости, просилъ раз-
рѣщенія за свой счетъ получать пищу.
Это мнѣ не безъ препятствій было раз-
рѣшено. Вообще по тѣмъ маленькимъ

списокъ началь обозывать наѣ всѣхъ шпи-
онами, предателями и измѣнниками.
На этомъ собесѣданіи присутство-
валъ и Янчевецкій, присутствовали и га-
лицкие депутаты и вся обстановка была
направлена къ тому, чтобы выяснить,
были ли мы между собою раньше зна-
комы или нѣтъ и какіе у насъ отноше-
нія. Этотъ священникъ-пропонѣдникъ бро-
салъ наѣ въ лицо самыи оскорбитель-
ные и невѣроятныя обвиненія. Особен-
но яростно разносилъ онъ галицкихъ
русскихъ узниковъ за то, что ихъ со-
родичи изъ Галичинѣ не оказывали со-
противленія наступавшимъ russkимъ вой-
скамъ. И тутъ изъ этой яростной про-
повѣди мы впервые узнали, что Гали-
чина занята russkими и что Львовъ въ
русскихъ рукахъ. Какъ я потому узналъ,
и депутатовать, и галицко-руссихъ дѣ-
ятелей обвинили въ государственной из-
мѣнѣ".

Прик. Русь 1915 г. №. 1568.

Повѣшенные австрійцы на придорожныхъ деревяхъ.

Экспециї на столбахъ.

Вы жертвою пали за Русь и Православие.

